РУССКАЯ ЦЕРКОВЬ В XX СТОЛЕТИИ
документы, воспоминания, свидетельства

Михаил Шкаровский

СУДЬБЫ ИОСИФЛЯНСКИХ ПАСТЫРЕЙ

Михаил Шкаровский

Судьбы иосифлянских пастырей

Православное издательство "Сатисъ"

2006

Шкаровский М. В.

Судьбы иосифлянских пастырей / М. В. Шкаровский — Православное издательство "Сатисъ", 2006

ISBN 5-7868-0076-8

Значительную часть XX века Русская Православная Церковь подвергалась ожесточенным гонениям со стороны безбожных властей, породив целый сонм мужественно стоявших за веру Христову исповедников. Книга посвящена истории одной из самых значительных форм церковного сопротивления – иосифлянскому движению, получившему свое название по имени митрополита Петроградского Иосифа (Петровых). В ней описываются, прежде всего, судьбы руководителей и основных участников движения, многие из которых уже прославлены в лике святых как Новомученики и Исповедники Российские. Книга подготовлена на основе большого комплекса ранее не известных архивных документов и личных воспоминаний.

ISBN 5-7868-0076-8

© Шкаровский М. В., 2006
© Православное издательство "Сатисъ", 2006

Содержание

Предисловие 6
Обзор истории иосифлянского движения 9
Митрополит Петроградский Иосиф (Петровых) 20
Архиепископ Гдовский Димитрий (Любимов) 43
Епископ Нарвский Сергий (Дружинин) 64
Епископ Козловский Алексий (Буй) 84
Епископ Яранский Нектарий (Трезвинский) 98
Конец ознакомительного фрагмента. 103

Михаил Шкаровский
Судьбы иосифлянских пастырей

По благословению
Митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского ВЛАДИМИРА

Предисловие

Отличительными особенностями истории Русской Православной Церкви в XX веке прежде всего были ожесточенные гонения со стороны безбожных властей и мужественное стояние за веру Христову целого сонма новомучеников и исповедников. Несмотря на появление в последнее десятилетие значительного количества посвященных этим сюжетам работ, интерес российской общественности к основным переломным моментам истории Церкви в советский период не спадает. К таким важнейшим вехам относятся события, связанные с публикацией «Декларации 1927 г.» Временного Патриаршего Священного Синода и Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского) о лояльности советской власти, а также последовавшими затем разделениями в Русской Православной Церкви. Наиболее значительной из возникших тогда форм церковного сопротивления и стало движение, получившее свое название по имени митрополита Иосифа (Петровых).

Представленная на суд читателей книга в определенной степени является продолжением опубликованной в 1999 г. монографии автора, посвященной истории иосифлянского движения в 1927-1960-х гг.[1]Новая работа в отличие от предыдущей решена в ином ключе, она представляет собой не последовательное изложение истории движения, а отдельные биографические очерки о целом ряде его руководителей и наиболее значительных представителей. Дополняет книгу публикация недавно выявленных, как правило, не публиковавшихся ранее и неизвестных научной общественности, документов. Кроме того, в работе приведен примерный (пока еще очень неполный) список иосифлянских храмов.

Со времени выхода первой книги в оценке иосифлянского движения со стороны Московской Патриархии произошли значительные изменения. В течение нескольких последних лет, прежде всего на Юбилейном Архиерейском Соборе 2000 г., были прославлены в лике святых несколько десятков иосифлян, в том числе такие известные, как епископ Виктор (Островидов), протоиереи Викторин Добронравов, Иоанн Стеблин-Каменский, профессор М.А. Новоселов, иеромонахи Серафим (Загоровский), Гавриил (Владимиров) и многие другие.

Изменилась и доминировавшая ранее оценка так называемых «непоминающих» (за богослужением митрополита Сергия и советские власти) как раскольников, отпавших от церковного единства[2]. В материалах Архиерейского Собора 2000 г. говорится, что «нельзя ставить в один ряд обновленческую схизму, приобретшую характер откровенного раскола в 1922 г., с одной стороны, и “правую оппозицию”, то есть тех, кто по тем или иным причинам не согласился с церковной политикой митрополита Сергия – с другой»[3].

Основанием для такого решения являлось то, что в действиях «непоминающих» «нельзя обнаружить злонамеренных, исключительно личных мотивов. Их действия обусловлены были по-своему понимаемой заботой о благе Церкви». Прекратив молитвенно-каноническое общение с митрополитом Сергием и единомышленным с ним духовенством, представители «правой оппозиции» продолжали поминать и считать главой Московской Патриархии Патриаршего Местоблюстителя митрополита Петра (Полянского), и поэтому они могут считаться членами Церкви, а не раскольниками, и их причисление к лику святых вполне возможно[4].

---

[1] Шкаровский М.В. Иосифлянство: течение в Русской Православной Церкви. СПб., 1999.

[2] См.: Митр. Иоанн (Снычев). Церковные расколы в Русской Церкви 20-х и 30-х годов XX столетия – Григорианский, Ярославский, Иосифлянский, Викторианский и другие, их особенности и история. Сортавала, 1993; Стратонов И.А. Русская церковная смута 1921–1931 // Из истории Христианской Церкви на родине и за рубежом в XX столетии. М., 1995.

[3] Юбилейный Архиерейский Собор Русской Православной Церкви. Сборник докладов и документов. СПб., 2000. С. 43.

[4] Там же. С. 44.

Свидетельством постоянного интереса к истории различных течений «непоминающих», в том числе иосифлян, стало большое количество опубликованной в конце 1990-2000-х гг. посвященной им литературы, использованной при подготовке данной работы. При этом наибольший научный интерес представляет целая серия статей и документальных публикаций диакона А. Мазырина, О. Косик и О. Ефремовой в сборниках Свято-Тихоновского Православного гуманитарного университета (ранее Богословского института)[5]. Далее следует отметить многочисленные статьи петербургского церковного историка В.В. Антонова[6] и ряд тематических номеров издаваемого Зарубежной Русской Церковью журнала «Православная жизнь»: о епископе Нектарии (Трезвинском), архиепископе Феодоре (Поздеевском), архимандрите Клименте (Жеретиенко), о Катакомбной Церкви на земле Российской и др.[7]

Из вышедших отдельными изданиями книг (в основном биографического характера) особенный интерес представляют труды П.Г. Проценко, А.В. Журавского, игумена Дамаскина (Орловского), протоиерея Николая Доненко, С.Б. Шоломовой, И. Румянцевой, С. Кудряшова и ряд других[8]. Однако во всех этих изданиях, как правило, говорится лишь об одном-двух представителях «непоминающих» и почти не публикуются архивные документы.

Автор данной работы стремился проследить судьбы нескольких десятков иосифлян в различных регионах страны (последний из этих священнослужителей, отец Михаил Рождественский скончался в 1988 г.). Восемь биографических очерков посвящены архиереям, шесть – представителям белого духовенства и пять – монашествующим. Основной Источниковой базой книги послужили изученные в последние годы, новые в научном плане материалы Центрального государственного архива общественных организаций Украины, Государственного архива общественно-политической истории Воронежской области, Центрального государственного архива Санкт-Петербурга, Государственного архива Республики Марий Эл, Государственного архива Российской Федерации, Синодального архива Зарубежной Русской Православной Церкви в Нью-Йорке, Архива Свято-Троицкой Духовной семинарии в Джорданвилле, Архива Санкт-Петербургской епархии Русской Православной Церкви и также десятки

---

[5] «Я иду только за Христом…» Митрополит Иосиф (Петровых), 1930 год / Публ. А. Мазырина // Богословский сборник ПТСБИ. 2002. № 9. С. 376–424; «Сов. секретно. Срочно. Лично. Тов. Тучкову» и не только ему. Донесения из Ленинграда в Москву, 1928–1930 годы / Публ. А. Мазырина // Богословский сборник ПСТБИ. 2002. № 10. С. 362–385, 2003. № 11. С. 330–367; О Церкви и государстве: материалы полемики конца 1920 х годов / Публ. А. Мазырина // Богословский сборник ПСТБИ. № 10. С. 337–361; Мазырин А. Вопрос о взаимоотношениях священномученика митрополита Петра (Полянского) с «правой» церковной оппозицией и митрополитом Сергием (Страгородским) // Богословский сборник ПСТБИ.№ 10. С. 386–431; Его же. Священномученик митрополит Кирилл (Смирнов) как глава церковной оппозиции. Круг его ближайших последователей // Богословский сборник ПСТБИ.№ 11. С. 368–424, 2003.№ 12. С. 224–279; «Совершается суд Божий над Церковью и народом русским…» Архивные материалы к житию священномученика Дамаскина (Цедрика), епископа Стародубского (1877–1937) / Публ. О. Косик // Богословский сборник ПТСБИ. № 9. С. 336–375, № 10. С. 432–470, № 12. С. 280–301; Косик О. «Послание ко всей Церкви» священномученика Серафима Угличского от 20 января 1929 г. // Богословский сборник ПСТБИ. № 11. С. 302–329; Переписка митрополита Иосифа (Петровых) с митрополитом Арсением (Стадницким) / Публ. О. Ефремовой // Богословский сборник ПТСБИ. № 10. С. 295–319.

[6] Антонов В.В. Петроградские священномученики протоиерей Сергий Тихомиров и отец Николай Прозоров // Возвращение. 1996. № 1 (9). С. 17–21; Его же. О жизни священномученика Алексия (Буя) // Русский пастырь. 1997. № 2–3 (28–29). С. 191–194; Его же. Три письма священномученика Нектария // Русский пастырь. 1998. № 1 (30). С. 93–100; Его же. Еще раз о священномученике Сергии (Дружинине) // Православная жизнь. 1998.№ 2. С. 18–23 и др.

[7] Новомученик Нектарий (Трезвинский), епископ Яранский // Православная жизнь. 1997. № 2; Потаенная Россия // Православная жизнь. 1997. № 1; Катакомбная Церковь на земле Российской // Православная жизнь. 2002.№ 10, 11 и др.

[8] Проценко П.Г. Биография епископа Варнавы (Беляева). В Небесный Иерусалим. История одного побега. Нижний Новгород, 1999; Мироносицы в эпоху ГУЛАГа. Сборник. Сост. и коммент. П.Г. Проценко. Нижний Новгород, 2004; Журавский А.В. Во имя правды и достоинства Церкви. Житие священномученика Кирилла (Казанского). М., 2004; Игум. Дамаскин (Орловский). Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Жизнеописания и материалы к ним. Кн. 3 7. Тверь, 1999–2002; Прот. Николай Доненко. Наследники царства. Симферополь, 2000; Житие священномученика Прокопия, архиепископа Херсонского. Сост. прот. Николай Доненко. Люберцы, 2000; Шоломова С.Б. Харьковский Серафим. Харьков, 2003; Румянцева И., Кудряшов С. Сокровенный сердца человек. Жизнь и труды священномученика Серафима (Звездинского). СПб., 2002; Умолкнувшие колокола. Новомученики Российские. Жизнеописания. М., 2002 и др.

архивно-следственных дел в региональных архивах Управлений Федеральной службы безопасности Российской Федерации: по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, по Новгородской области, Псковской области, Тверской области и некоторых других.

В первой части дан вводный раздел с кратким изложением общей истории иосифлянского движения. В книге приведены жизнеописания лишь малой части «истинно-православных» священнослужителей и мирян, большинство из которых приняло мученическую кончину в лагерях, тюрьмах или местах массового расстрела, таких как Левашовская пустошь и Бутовский полигон. Поэтому работа по сбору и публикации новых материалов будет продолжена.

Благодарю за оказанную в работе помощь А. Псарева, О.И. Ходаковскую и М.С. Сахарова.

Обзор истории иосифлянского движения

К весне 1927 г. Русская Православная Церковь оказалась в сложном положении. Проводимая властями политика ликвидации ее единого центра (существование которого формально не признавалось) была близка к успеху. После смерти Патриарха Тихона в Церкви нарастали центробежные тенденции. Постоянные аресты иерархов, которые могли возглавить Высшее Церковное Управление, мешали создать стабильный канонический центр. Число Патриарших Местоблюстителей и их Заместителей достигло 13, причем 12 из них находились в ссылке или заключении, а последний – архиепископ Угличский Серафим (Самойлович) оказался настолько малоизвестен, что часть епархий даже не знала о его существовании.

Митрополит Нижегородский Сергий (Страгородский), один из Заместителей Патриаршего Местоблюстителя, находясь в заключении, пошел на переговоры с ОГПУ. Под угрозой ликвидации всей иерархии Патриаршей Церкви он согласился выполнить основные требования властей. Митрополит Сергий избрал сотрудничество с властями после долгих колебаний и попыток найти наиболее выгодный для Церкви путь ради сохранения преемственности «законного» Православия.

Так же как и в стране, обстановка в Ленинградской епархии не отличалась стабильностью. С осени 1926 г. в северной столице возникло движение сторонников высланного из города митрополита Иосифа (Петровых), требовавших от властей возвращения Владыки в его епархию[9]. Обладая значительным авторитетом и решительным характером, митрополит Иосиф продолжал управлять епархией через своих викариев.

Важнейшие события произошли весной и летом 1927 г. митр. Сергий был освобожден 27 марта, а 7 апреля архиеп. Серафим передал ему свои местоблюстительские полномочия. Ставший Заместителем Патриаршего Местоблюстителя, митр. Сергий 10 мая послал в НКВД ходатайство и, получив разрешение на управление Церковью, 18 мая созвал в Москве совещание епископов, на котором выступил с проектом Временного Патриаршего Священного Синода. 20 мая митр. Сергий получил сообщение из НКВД о том, что «препятствий к деятельности этого органа впредь до утверждения его не встречается». Официальное заседание Синода состоялось 25 мая, в тот же день по епархиям было разослано постановление, в котором правящим архиереям предлагалось организовать при себе Епархиальные советы и зарегистрировать их в местных органах власти. Так было положено начало работе по созданию всей церковно-административной структуры Московской Патриархии на законных основаниях[10].

29 июля митр. Сергий совместно с членами Синода выпустил «Послание к пастырям и пастве» (Декларация 1927 г.), в котором говорилось: «Нам нужно не на словах, а на деле доказать, что верными гражданами Советского Союза, лояльными к Советской власти, могут быть не только равнодушные к Православию люди, не только изменники ему, но и самые ревностные приверженцы его, для которых оно дорого, как истина и жизнь, со всеми его догматами и преданиями, со всем его каноническим и богослужебным укладом. Мы хотим быть Православными и в то же время сознавать Советский Союз нашей гражданской родиной, радости и успехи которой – наши радости и успехи, а неудачи – наши неудачи»[11].

В научной литературе можно встретить утверждение, что именно Декларация послужила одной из основных причин массового недовольства духовенства и верующих. Однако этот текст существенно не отличался от аналогичных посланий Патриарха Тихона 1923–1925 гг.

---

[9] Русская Православная Церковь 988-1988. Выпуск 2. М., 1988. С. 40; Мещерский Н.А. На старости я сызнова живу: прошедшее проходит предо мною… Л., 1982. Рукопись. С. 1, 30.

[10] Регельсон Л. Трагедия Русской Церкви 1917–1945. Париж, 1977. С. 414–417.

[11] Известия. 1927. 19 августа.

Декларация митр. Сергия, составленная на высочайшем уровне церковной дипломатии, выглядела сверхлояльной, но фактически не несла почти ничего принципиально нового. Если бы уступки властям ограничились изданием Декларации, оппозиция митр. Сергию, вероятно, была бы не столь значительной, хотя несогласие с текстом этого документа возникло сразу же после публикации. Так, в сентябрьском послании с Соловков заключенных архиереев говорилось: «Мысль о подчинении Церкви гражданским установлениям выражена в такой категорической и безоговорочной форме, которая легко может быть понята в смысле полного сплетения Церкви и государства»[12].

Недовольство посланием митр. Сергия проявилось и в одной из важнейших епархий страны – Ленинградской. В середине августа викарный епископ Гдовский Димитрий (Любимов), прот. Александр Советов, схимон. Анастасия (Куликова) и другие клирики отправили высланному в Моденский монастырь Новгородской губернии митр. Иосифу послание с выражением своего несогласия с политикой Заместителя Патриаршего Местоблюстителя.

Вероятно, по настоянию ОГПУ 13 сентября 1927 г. митр. Сергий и Синод приняли постановление о переводе Ленинградского Владыки на Одесскую кафедру. Однако 28 сентября митр. Иосиф написал об отказе подчиниться указу. Это решение было во многом вызвано влиянием его ленинградских сторонников, занявших непримиримую позицию. Ситуацию обострил указ Сергия от 21 октября о поминовении властей по формуле: «О богохранимой стране нашей, о властех и воинстве ея, да тихое и безмолвное житие поживем во всяком благочестии и чистоте»[13] и об отмене поминовения епархиальных архиереев, находящихся в ссылке. Теперь уже не только сторонники митр. Иосифа, но и ряд других епископов стали выражать сомнения в правильности выбранной митр. Сергием линии.

Основной причиной недовольства явилось то, что Заместитель Патриаршего Местоблюстителя допустил вмешательство гражданских властей в кадровую политику: проведение епископских хиротоний с согласия государственных органов, перемещение архиереев по политическим мотивам (за несколько месяцев было перемещено около сорока архиереев), замещение кафедр осужденных епископов и т. п. Вскоре, ввиду серьезности положения, митр. Сергий взял на себя временное управление Ленинградской епархией, что, вероятно, могло бы ослабить нарастающий в городе конфликт[14]. Однако ОГПУ явно недооценило масштабы возможного сопротивления просоветской церковной политике митр. Сергия, и он не получил разрешения властей на приезд в Ленинград.

Уже в ноябре некоторые приходы северной столицы перестали поминать за богослужением имя митр. Сергия, перестали приглашать временно управлявшего от его имени епархией епископа Петергофского Николая (Ярушевича) как сторонника Сергиевской политики и выделять денежные средства на содержание епархиального руководства. «Многие из тех пастырей, которые в годы борьбы с обновленчеством показали себя стойкими борцами за чистоту Православия, выступили теперь против митр. Сергия». В его политике «они видели прямое искажение чистоты Православия и порабощение Церкви государством». По мнению митр. Иоанна (Снычева), Патриарший Синод совершил серьезную тактическую ошибку, слишком поспешно проводя новую церковную политику, без учета подготовленности к ней верующих[15].

Группа духовенства и мирян Ленинграда, в надежде предотвратить надвигавшееся разделение и заставить митр. Сергия изменить избранный им курс, отослала в начале декабря специальное обращение, составленное настоятелем кафедрального собора Воскресения Христова прот. Василием Верюжским: «1. Отказаться от намечающегося курса порабощения Церкви

[12] Регельсон Л. Указ. соч. С. 436.

[13] Иоанн (Снычев), митр. Расколы// Христианское чтение. 1991.№ 6. С. 19.

[14] Краснов Левитин А. Лихие годы. 1925–1941. Париж, 1977. С. 97; Центральный государственный архив Санкт Петербурга (ЦГА СПб.), ф. 7384, оп. 33, д. 321, л. 159.

[15] Иоанн (Снычев), митр. Указ. соч. С. 19.

государству. 2. Отказаться от перемещений и назначений епископов помимо согласия на то паствы и самих перемещаемых и назначаемых епископов. 3. Поставить Временный Патриарший Синод на то место, которое было определено ему при самом его учреждении в смысле совещательного органа, и чтобы распоряжения исходили только от имени Заместителя. 4. Удалить из состава Синода пререкаемых лиц. 5. При организации Епархиальных управлений должны быть всемерно охраняемы устои Православной Церкви, каноны, постановления Поместного Собора 1917–1918 гг. и авторитет епископата. 6. Возвратить на Ленинградскую кафедру митр. Иосифа (Петровых). 7. Отменить возношение имени Заместителя. 8. Отменить распоряжение об устранении из богослужений молений о ссыльных епископах и о возношении молений за гражданскую власть»[16].

Согласно протоколам допросов о. Василия Верюжского (от 20 апреля и 8 мая 1931 г.), важной вехой в организационном оформлении иосифлян стало собрание 24 ноября 1927 г. на квартире прот. Феодора Андреева. На нем, кроме хозяина, присутствовали еп. Димитрий (Любимов), прот. Василий Верюжский, приехавший из Москвы профессор М.А. Новоселов и настоятель Киево-Печерской Лавры архим. Ермоген (Голубев). Было решено написать несколько обращений к Заместителю Местоблюстителя.

Еще до получения ответа на обращение о. Василия, 12 декабря, делегация представителей ленинградского духовенства и мирян, в которую вошли еп. Димитрий (Любимов), прот. Викторин Добронравов, миряне И.М. Андреевский и С.А. Алексеев (Аскольдов), передала митр. Сергию еще три протестных послания. Одно из них, от имени ученых Академии наук и профессуры ленинградских вузов, было написано профессором Военно-юридической академии С.С. Абрамовичем-Барановским, второе подписали шесть архиереев: архиепископ Гавриил (Воеводин) и епископы Димитрий (Любимов), Сергий (Дружинин), Григорий (Лебедев), Стефан (Вех), Серафим (Протопопов). В числе этих посланий было письмо группы священников и мирян от 9-11 декабря 1927 г., составленное магистром богословия прот. Феодором Андреевым. Митр. Сергий принял делегацию и вступил с ней в острую дискуссию, в которой отверг все просьбы и пожелания о перемене церковного курса.

14 декабря Заместитель Местоблюстителя вручил одному из членов делегации свой отзыв на обращение о. Василия Верюжского, в котором писал, «что отпадение в раскол отдельной части церковного организма будет менее болезненным для Церкви, чем раздробление всего организма Русской Православной Церкви вследствие ее нелегального положения в советском государстве»[17].

После возвращения делегации в Ленинград епископ Гдовский Димитрий и епископ Нарвский Сергий, взяв на себя инициативу, подписали акт отхода от митр. Сергия (13/26 декабря). Акт об отделении был зачитан в кафедральном храме Воскресения Христова: «…Не по гордости, да не будет сего, но ради мира совести, отрицаемся мы лица и дел бывшего нашего предстоятеля, незаконно и безмерно превысившего свои права и внесшего великое смущение… Посему, оставаясь, по милости Божией, во всем послушными чадами Единой Святой Соборной и Апостольской Церкви, сохраняя апостольское преемство чрез Патриаршего Местоблюстителя Петра, Митрополита Крутицкого, и имея благословение нашего законного Епархиального Митрополита, мы прекращаем каноническое общение с Митрополитом Сергием и со всеми, кого он возглавляет: и впредь до суда “совершенного собора местности”, т. е. с участием всех православных епископов или до открытого и полного покаяния пред Святою Церковью самого

[16] Регельсон Л. Указ. соч. С. 136, 137.

[17] Андреев И.М. Делегация Ленинградской епархии у митр. Сергия в 1927 г. в Москве. Православная жизнь. 1973.№ 1. С. 24; В объятиях семиглавого змия. Монреаль, 1984. С. 90.

Митрополита Сергия…» Уже в январе 1928 г. еп. Димитрий объявил митр. Сергия безблагодатным и потребовал немедленного разрыва молитвенного общения с ним[18].

Иосифлянские священнослужители и миряне у храма Воскресения Христова (Спас на Крови). Лето 1929 г. Сидят (слева направо): еп. Сергий (Дружинин), архиеп. Димитрий (Любимов), прот. Василий Верюжский. Стоят (1-й ряд, в центре): прот. Никифор Стрельников, Н. Шенец, прот. Иоанн Быстряков, прот. Викторин Добронравов, архим. Клавдий (Савинский), прот. Александр Советов, протодиакон Иоанн Предтеченский. Стоят (2-й ряд): протодиакон Михаил Яковлев, свящ. Филофей Поляков, псаломщик Андрей Карцев, иподиакон Петр Сазонов, иподиакон Адриан [?]

В ответ Заместитель Местоблюстителя и Синод 30 декабря приняли постановление о запрещении в священнослужении отошедших ленинградских епископов Димитрия (Любимова) и Сергия (Дружинина), зачитанное в Никольском Богоявленском соборе еп. Николаем (Ярушевичем). С этого времени официальная Церковь стала считать неподчинившихся священнослужителей раскольниками. Решение ленинградских викариев отойти от митр. Сергия было принято самостоятельно, тем не менее до его официального провозглашения митр. Иосиф благословил готовившийся отход. Сам же Владыка оставался пребывать в молитвенно-каноническом общении с Заместителем Патриаршего Местоблюстителя до февраля 1928 г.

Верность митр. Сергию сохранили лишь два ленинградских епископа: Николай (Ярушевич) и Сергий (Зенкевич). Четверо из восьми архиереев заняли двойственную позицию. Они не присоединились к оппозиции еп. Димитрия, однако, не поминали в богослужениях имени митр. Сергия. Так, наместник Александро-Невской Лавры еп. Григорий (Лебедев), пользуясь древним правом ставропигии, которое имела Лавра, никому не подчинялся и поминал лишь Патриаршего Местоблюстителя митр. Петра. Некоторое время так же поступали архиеп. Гавриил (Воеводин) и епископы Серафим (Протопопов) и Стефан (Вех).

[18] Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве Высшей Церковной власти 1917–1943. М., 1994. С. 565; Иоанн (Снычев), митр. Указ. соч. С. 27.

Митр. Иосиф 6 февраля 1928 г. подписал акт отхода от митр. Сергия в составе Ярославской епархии. Взяв на себя руководство епархией, Владыка Иосиф пытался объединить «ярославскую группу» с ленинградскими иосифлянами, но митрополит Ярославский Агафангел решил управлять самостоятельно, без какого бы то ни было слияния с другими оппозициями, а уже 16 мая 1928 г. частично примирился с митр. Сергием.

Большое значение для судьбы иосифлянского движения имела позиция находящихся в лагерях и ссылках иерархов – и прежде всего, находившихся в заключении на Соловках. Отношение многих соловецких епископов к Декларации митр. Сергия первоначально было отрицательным. В дальнейшем их позиция изменилась. Опасения перед нараставшим расколом Церкви оказались сильнее, и, сделав ряд канонических поправок (которые митр. Сергий так и не учел), в ноябре 1927 г. на собрании 15 архиереев (из 30 находившихся в то время на Соловках) соловецкие епископы Декларацию приняли «в целом» и осудили действия еп. Димитрия (Любимова)[19].

И все же иосифлянам удалось довольно быстро – к лету 1928 г. – распространить свое влияние далеко за пределы Ленинградской области – в Новгородскую, Псковскую, Тверскую, Вологодскую, Витебскую епархии. В Великоустюжской епархии часть приходов увлек за собой епископ Никольский Иерофей (Афоник), в Архангельской – епископ Каргопольский Василий (Докторов). Эти Владыки быстро установили связи с ленинградскими иосифлянами. В Московской епархии движение охватило города Коломну, Волоколамск, Клин, Загорск, Звенигород, но признанным центром стал Серпухов. В мае 1928 г. сюда был назначен иосифлянского поставления епископ Максим (Жижиленко). Семь храмов находилось в разделении в Москве. На Украине наибольших успехов иосифляне добились в Киеве, Харьковском, Сумском и Полтавском округах. К ним присоединились живший в Харькове епископ Старобельский Павел (Кратиров) и епископ Бахмутский и Донецкий Иоасаф (Попов) из г. Новомосковска[20]. В Центрально-Черноземной области и на юге России десятки иосифлянских или, как еще их называли здесь, «буевских» приходов возглавил епископ Козловский, управляющий Воронежской епархией Алексий (Буй). Его представителем на Северном Кавказе стал епископ Майкопский Варлаам (Лазаренко). Отдельные приходы присоединились к иосифлянам на Урале, в Татарии, Башкирии, Казахстане, в городах Красноярске, Перми, Енисейске, Арзамасе, Смоленске.

Параллельно с ленинградским в декабре 1927 г. возникло самостоятельное разделение во главе с тремя епископами – Виктором (Островидовым), Иларионом (Бельским) и Нектарием (Трезвинским) в Вятской и Вотской (на территории Удмуртии) епархиях. Оно получило название «викторианского движения» и быстро объединилось с иосифлянским. В целом же волна отхода от митр. Сергия охватила меньшую часть территории страны. Согласно данным государственных органов регистрации, за Заместителем Патриаршего Местоблюстителя последовало до 70 % приходов (в 1928 г. 8–9% приходов отпали в «автокефалию» – иосифлянство, викторианство и т. п., около 5 % подчинялось григорианскому Высшему Церковному Совету и около 16 % – обновленческому Синоду)[21]. Так как в конце 1927 г. в стране имелось примерно 30 тысяч действующих православных храмов – иосифлянскими по этим, вероятно, несколько заниженным данным, являлись 2400–2700 или до 11,5 % приходов Патриаршей Церкви. Численность же иосифлянского духовенства, как белого, так и черного, составляла, по подсчетам автора, как минимум 3,5 тысячи человек.

---

[19] Резникова И. Православие на Соловках. СПб., 1994. С. 27.

[20] Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Москве и Московской области (АУФСБ МО), ф. архивно следственных дел, д. 28850; Центральный государственный архив общественных организаций Украины (ЦГАООУ), ф. 263, оп. 1, д. 65744.

[21] Шишкин А.А. Сущность и критическая оценка обновленческого раскола Русской Православной Церкви. Казань, 1970. С. 335.

Положение в Ленинградской епархии было подобно общесоюзному. Хотя движение «непоминающих» в ней было значительно шире, открыто присоединились к иосифлянам, по уточненным данным, 67 приходов, в том числе 21 в Ленинграде (из примерно 100 принадлежавших в северной столице к Патриаршей Церкви). В области по несколько отделившихся от митр. Сергия храмов имелось в г. Петергофе и поселках Стрельна и Вырица, важную роль играли Феодоровский собор в Детском Селе, Свято-Троицкий Зеленецкий мужской и Старо-Ладожский Успенский женский монастыри, а также Макариевская пустынь под Любанью, насельники которой, правда, в основном разделяли взгляды катакомбников, но были тесно связаны и с ленинградскими иосифлянами. Всего, по словам самих сторонников митр. Иосифа, в епархии их поддерживало около 300 священников и монахов, а также несколько сотен монахинь. По оценке автора, их действительно могло быть в общей сложности до 500 человек. Но это была меньшая часть духовенства епархии (не более 25 % священнослужителей).

На ситуации в Ленинграде сказались многообразные меры увещания и прещения митр. Сергия, например, оглашенное в воскресное богослужение почти во всех храмах города его послание от 30 января 1928 г. «К архипастырям, пастырям и верным чадам Православной Церкви Ленинградской епархии»[22]. Важным фактором стали активные действия специально присланных в северную столицу сторонников митр. Сергия авторитетных архиереев – назначенного Ленинградским митрополитом Владыки Серафима (Чичагова) и епископа Серпуховского Мануила (Лемешевского). Свое воздействие, конечно, оказала и позиция государственных органов.

Иосифлянское движение с самого начала приобрело политическую антиправительственную окраску, выйдя за чисто религиозные рамки. Не без оснований некоторые исследователи считают, что «ядро идеологии иосифлянского раскола – отрицательное отношение к отечественной советской действительности, а церковно-канонические мотивы лишь внешняя оболочка»[23]. В трагические годы «великого перелома» движение имело немалую, оппозиционную властям, социальную базу. Очевидцы вспоминали: «В церкви Воскресения на Крови тогда было очень много народу… Сюда хлынула масса раскулаченных… Сюда приходили все обиженные и недовольные. Митрополит Иосиф невольно стал для них знаменем»[24]. Неслучайно одним из основных требований всех «непоминающих» было отстаивание постановления Всероссийского Поместного Собора от 15 августа 1918 г. о свободе политической деятельности членов Церкви. И государственные органы, по свидетельству архивных документов, расценивали именно иосифлян как своих главных противников среди всех религиозных течений и конфессий.

Наиболее активных участников движения из среды мирян можно условно разделить на три категории: представители ученой интеллигенции, которые по своим религиозным взглядам не могли идти на сделку с совестью; фанатично верующие люди – блаженные, юродивые, странники, провидцы и т. п.; представители социальных слоев, недовольных новым строем, именно они придавали движению политическую окраску. В иосифлянском же духовенстве имелось особенно много людей идейных, отличавшихся нравственной чистотой, широко в нем было представлено монашество. Даже еп. Мануил (Лемешевский), сторонник митр. Сергия, в проповеди 29 апреля 1928 г. в ленинградском Троицком соборе с уважением отзывался о своих противниках: «Отпали, откололись наилучшие пастыри, которые своей непорочностью в борьбе с обновленчеством стояли много выше других»[25].

---

[22] ЦГА СПб., ф. 7384, оп. 33, д. 321, л. 147.

[23] Цит. по: Иоанн (Снычев), митр. Церковные расколы в Русской Церкви 20 х и 30 х годов XX столетия – григорианский, ярославский, иосифлянский, викторианский и другие. Их особенность и история. Куйбышев, 1966. Рукопись. С. 5.

[24] Мещерский Н.А. Указ. соч. С. 10.

[25] Иоанн (Снычев), митр. Церковные расколы в Русской Церкви 20 х и 30 х годов XX столетия. С. 202–203.

Конечно, и в духовенстве, объединявшем противников политики митр. Сергия и советской власти, имелись самые разнообразные течения. Некоторые из самых стойких иосифлян отличались либеральными взглядами – прот. Иоанн Стеблин-Каменский, другие были убежденными монархистами – ей. Варлаам (Лазаренко). Причем монархическая тенденция постепенно усиливалась. Логика ожесточенной борьбы доводила до крайности. Неслучайно многие верующие называли собор Воскресения Христова в Ленинграде «белым храмом», в противоположность «красным» церквам.

Неоднородность состава иосифлян определяла и различие их взглядов в церковных вопросах. Большинство смотрело на митр. Сергия как на иерарха, превысившего свои полномочия и допустившего по этой причине неправильные действия, а часть видела в нем настоящего отступника от Православия, предателя и убийцу церковной свободы, общение с которым невозможно даже в том случае, если его действия признает сам Патриарший Местоблюститель. Последние говорили: «Если только митр. Петр признает законным послание митр. Сергия и вступит с ним в молитвенное общение, тогда мы прервем молитвенное общение с митр. Петром и священниками, возносящими его имя. Если и все церкви отберут от нас, тогда мы будем совершать молитвы в подвалах тайно. При гонении на веру Христову, подражая первовековым христианам, мы пойдем с радостью на костры и в тюрьмы, но не допустим добровольно, чтобы в Церкви Божией был хозяин антихрист коммунист Тучков. За свободу Церкви мы готовы умереть»[26].

К выразителям умеренных взглядов из руководителей движения принадлежали: сам митр. Иосиф, ей. Сергий (Дружинин), прот. Василий Верюжский; более жесткую позицию, доходившую до отрицания таинств сергиан, занимали ей. Димитрий (Любимов), прот. Феодор Андреев, свящ. Николай Прозоров и профессор М.А. Новоселов. Частично эти различия были связаны с политическими пристрастиями. Однако из определенного различия взглядов в среде иосифлян вовсе не следовало (как посчитали некоторые следователи ОГПУ), что иосифлянское движение в дальнейшем раскололось на две группировки – «левую» во главе с митрополитом Ленинградским и «правую» во главе с архиепископом Гдовским. Владыка Димитрий, пока было возможно – до осени 1929 г., поддерживал постоянную связь с жившим в ссылке в Никольском Моденском монастыре митр. Иосифом, с уважением относился к нему и старался исполнять почти все его указы.

Существует традиция называть иосифлян раскольниками. Она восходит к указу митр. Сергия и Временного Священного Синода от 6 августа 1929 г., фактически приравнявшего их к обновленцам и григорианам: «Таинства, совершенные в отделении от единства церковного… последователями быв. Ленинградского митр. Иосифа (Петровых), быв. Гдовского епископа Димитрия (Любимова), быв. Уразовского епископа Алексия (Буй), как тоже находящихся в состоянии запрещения, также недействительны, и обращающихся из этих расколов, если последние крещены в расколе, принимать через таинство Св. Миропомазания»[27]. Сами же иосифляне себя раскольниками никогда не считали и действительно ими не были. Все сторонники митр. Иосифа признавали главой Русской Православной Церкви пребывавшего в тюрьмах и ссылках Патриаршего Местоблюстителя митр. Петра (Полянского). Участники движения не придерживались особенных обрядов и не пытались создать самостоятельную параллельную Церковь.

Главной тактической целью иосифлян было привлечение на свою сторону большей части духовенства, прежде всего епископата, и, в конечном счете, завоевание Высшего Церковного Управления в существующей Патриаршей Церкви. Именно поэтому ленинградские архиереи вышли из области своих полномочий – обращались с архипастырскими посланиями в различ-

[26] Его же. Расколы. С. 35.

[27] Регельсон Л. Указ. соч. С. 168–169.

ные города с целью склонить на свою сторону духовенство и мирян, рукополагали священников и с мая 1928 г. начали совершать хиротонии тайных епископов для других епархий. Всего иосифлянами, по некоторым сведениям, было поставлено более 20 таких архиереев.

Со временем тактика иосифлян менялась. Так, на январском, 1928 г., акте отхода воронежского духовенства от митр. Сергия Владыка Иосиф написал резолюцию: «Управляйтесь сами, самостоятельно – иначе погубите и меня и себя». Аналогичные ответы разослал митрополит и другим сочувствовавшим ему архиереям, таким образом показывая, что в тот период он не желал централизации движения и брал на себя лишь идейное руководство. Но уже вскоре стало ясно, что для завоевания Высшего Церковного Управления нужна сплоченная, хорошо организованная сила. И весной 1928 г. митр. Иосиф заявлял прот. Николаю Дулову о необходимости создания какого-нибудь центра для объединения движения. В это время он даже высказывал идею о том, чтобы провозгласить себя Заместителем Патриаршего Местоблюстителя, но впоследствии ей. Димитрий отговорил Владыку от подобного шага[28]. Следует отметить существование свидетельств о заявлениях митр. Иосифа, что Патриарх Тихон еще в 1918 г. тайно назначил его своим первым Заместителем.

Весной 1928 г. иосифлянское движение оформилось организационно и идеологически. Важным этапом здесь стало майское совещание руководителей иосифлян в их «главном штабе» – на квартире прот. Феодора Андреева (Литовский, пр., д. 21а). Кроме хозяина в нем участвовали епископы Димитрий (Любимов), Алексий (Буй), влиятельный московский протоиерей Николай Дулов и проф. М.А. Новоселов. Должен был прийти и епископ Сергий (Дружинин), но он по каким-то причинам не смог. Важнейшим итогом совещания стало распределение сфер влияния. Владыка Димитрий поручил епископу Алексию управление всем югом России и Украиной, в том числе окормляемыми ранее им самим приходами, мотивируя это их удаленностью от Ленинграда[29].

Таким образом, в мае 1928 г. организационная стадия иосифлянского движения в основном завершилась. Окончательно ставший после ссылки в феврале 1928 г. митр. Иосифа руководителем движения епископ Димитрий был признан в этом качестве всеми другими вождями движения. Кроме того, весной 1928 г. он непосредственно окормлял иосифлянские приходы на Северо-Западе России, частично на Украине, Кубани, Ставрополье, в Московской, Тверской, Витебской и других епархиях, викториан бывшей Вятской губернии и Удмуртии.

В это же время завершилось создание идеологической базы движения. Весной 1928 г. ленинградскими иосифлянами было написано несколько программных и агитационных документов. Стремясь канонически обосновать свой отход от Заместителя Патриаршего Местоблюстителя и снять обвинения со стороны части православного епископата, они в марте в специальном документе «Почему мы отошли от митрополита Сергия» в виде резюме из 10 разделов изложили ряд основных правил, являвшихся основанием для отделения: «Мы идем за своим каноническим митрополитом Иосифом, от которого не должны отступать и прекращать возношений его имени и в Божественном тайнодействии, “прежде соборного рассмотрения”, какового не было… В действиях митр. Сергия усматривается наличие ереси и даже худшего ее, что дает право на отхождение “прежде соборного рассмотрения” даже и от Патриарха» и т. д.[30]

Несколько листовок, предназначенных для широкого распространения, в том числе очень популярную «Об исповедничестве и подвижничестве», написал прот. Феодор Андреев. Кроме того, он и профессор М.А. Новоселов стали авторами знаменитой брошюры «Что должен знать православный христианин?», проходившей позднее в качестве вещественного дока-

[28] Государственный архив общественно политической истории Воронежской области (ГАОПИВО), ф. 9323, оп. 2, д. П 24705, т. 4, лл. 458, 631.

[29] Там же, т. 1, л. 16.

[30] Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России. С. 584–585.

зательства на всех судебных процессах над иосифлянами. В числе агитационных текстов, распространявшихся иосифлянами, оказались и документы Русской Православной Церкви за границей.

В борьбе митр. Сергия за высшую церковную власть большое значение имела поддержка государственной власти и ее резко враждебное отношение к иосифлянам. Репрессии властей начались уже в 1928 г.: были арестованы противники политики митр. Сергия в Воронеже, Москве, Никольске, Вятской епархии. Настоятель Спасо-Преображенской церкви пос. Стрельна прот. Измаил Рождественский 25 февраля был выслан на Урал. 29 февраля митр. Иосиф был выслан из Ростова в Моденский монастырь, что существенно осложнило руководство набиравшим силу движением. В октябре 1928 г. был арестован автор основных концептуальных текстов иосифлянского движения прот. Феодор Андреев, магистр богословия, бывший доцент Московской Духовной Академии, а затем профессор Петроградского Богословского института. В августе 1928 г. было закрыто Богословско-пастырское училище, большинство учащихся и преподавателей которого поддерживали иосифлян [31].

Борьба иосифлян вызывала симпатии к ним в различных слоях духовенства и епископата. Так, один из авторитетных членов «ярославской группы», архиепископ Угличский Серафим (Самойлович), летом 1928 г. частично примирившийся с митр. Сергием, 7/20 января 1929 г. из Буйничского Свято-Духова монастыря под Могилевом, где находился в ссылке, написал яркое антисергианское послание «Возлюбленным о Господе архипастырям, пастырям и пасомым Православной Российской Церкви», в котором говорилось: «В части административной, по управлению церковными делами, мы рекомендовали бы всем верным о Господе принять к руководству воззвание почившего Высокопреосвященнейшего Агафангела, митрополита Ярославского, от мая 1922 г. и наш циркуляр от 16/29 декабря 1926 г., обращаясь в крайней нужде к Высокопреосвященнейшему митрополиту Иосифу (Ленинградскому), от которого мы восприяли 16/29 декабря 1926 г. права Заместителя Патриаршего Местоблюстителя и с которым мы находимся в одинаковом ссыльном положении» [32]. За это послание архиеп. Серафим был арестован, осужден на 5 лет лагерей и отправлен на Соловки. Послание имело для иосифлян большое значение, так как в нем один из самых авторитетных иерархов фактически признал митр. Иосифа главой Церкви.

В целом в условиях конца 1920-х гг. у иосифлян почти не было шансов доминировать в Русской Православной Церкви. Государственная религиозная политика того времени поддерживалась вековой традицией отношения Церкви к светской власти и нежеланием большей части епископата и духовенства уходить в подполье в случае необходимости. Одна из причин поражения иосифлянства заключалась в резком ужесточении антирелигиозных акций советского режима в конце 1920-х-1930-х гг. Тактика привлечения на свою сторону духовенства путем агитации, назначения священников и епископов для других епархий в условиях советской действительности тех лет была обречена на поражение. Кроме того, иосифляне явно недооценили «политическую усталость» религиозных масс после нескольких лет революции и гражданской войны, их нежелание идти на конфронтацию с властью. В этих условиях сложные вопросы «каноничности-неканоничности» тех или иных поступков митр. Сергия отступали на второй план.

Неверным является утверждение, что движение постепенно угасло само. Несомненно, главной причиной его упадка стали широкомасштабные репрессии органов ОГПУ. Документы Центрального государственного архива Санкт-Петербурга свидетельствуют, что из 21 иосифлянского храма города лишь шесть перешли затем под управление митр. Сергия, 15 же были закрыты властями. Несколько приходов епархии присоединились к иосифлянам осенью 1928 г.

---

[31] ЦГА СПб., ф. 56, оп. 3, д. 2, л. 99.

[32] ГАОПИВО, ф. 9323, оп. 2, д. П 24705, т. 6, л. 83.

А нижний храм церкви Воскресения Христова (Малоколоменской) в Ленинграде стал иосифлянским 31 октября 1929 г. Община храма отнюдь не угасла, несмотря на репрессии (в декабре 1930 г. был арестован диакон, в июне 1931 г. – регент храма). Ее доходы быстро росли – с 13 тыс. рублей в 1930 г. до 26 тыс. – за январь-октябрь 1931 г. Но в марте 1932 г. церковь была закрыта и снесена[33].

Постепенно гонения на иосифлян нарастали, архиеп. Димитрий был арестован 29 ноября 1929 г. и постановлением Коллегии ОГПУ от 3 августа 1930 г. приговорен к 10 годам концлагеря. Сменившего его в качестве руководителя течения ей. Сергия (Дружинина) через год постигла та же участь. Оба они погибли в середине 1930-х гг. Настоятель кафедрального собора Воскресения Христова прот. Василий Верюжский был арестован 3 декабря 1929 г.[34] 18 ноября 1930 г. закрыли и сам собор.

Однако в 1930 г. «автокефалия» иосифлян не распалась, как считают многие исследователи. Хотя в 1931–1932 гг. в Ленинграде и пригородах сохранились лишь девять их официально не закрытых церквей, общественная деятельность сторонников митр. Иосифа не прекратилась, а ее антиправительственная окраска даже усилилась. Роль центрального храма перешла к церкви ев. Моисея на Пороховых. В докладных записках, сводках инспекторов по вопросам культа, сотрудников ОГПУ за 1932 г. указывалось: «В церкви Моисея “истинно-православными” церковниками производятся сборы денег и продуктов в пользу репрессированного за контрреволюционную деятельность духовенства и монашества… Церковь Моисея была и есть место, где устраиваются пострижения фанатически настроенных верующих в тайное монашество (ранее постригал епископ Василий Докторов и в последнее время – иеромонах Иванов и Анатолий Согласнов). Церковь Моисея после ареста 4 ноября 1932 г. особенно активных элементов “истинно-православных” церковников стали обслуживать скрывающиеся от арестов иеромонах Аркадий и священник П. Петухов… Надо полагать, что скрывающиеся от ареста представители духовенства… на регистрацию идти не хотят, т. к. они ее считают вообще недопустимой с канонической точки зрения»[35].

Ряд ученых считают, что в 1933 г. с легальной деятельностью «непоминающих» было покончено. Это не так, хотя в том году в Москве был закрыт их последний храм. Аналогичные попытки предпринимались в Ленинграде. Еще в 1932 г. была уничтожена одна из основных опор иосифлян – монашество. В одну ночь 18 февраля в ленинградских тюрьмах исчезли практически все оставшиеся на свободе иноки, а также связанные с монастырями представители приходского духовенства и мирян – всего около 500 человек[36]. И все-таки все 1930-е гг. в северной столице действовал последний легальный иосифлянский храм – Преев. Троицы в Лесном. Его община перешла в Московскую Патриархию только в 1943 г.

Середину 1940-х гг. можно считать фактическим концом иосифлянского движения. Последние его представители окончательно теряют свою обособленность. Значительная часть из немногих выживших в лагерях известных иосифлянских деятелей примирилась с Патриархией – протоиереи Василий Верюжский, Алексий Кибардин, Константин Быстреевский и др. За ними последовала и их прежняя паства. Так, в 1945 г. в г. Гатчина под Ленинградом внутри Патриаршей Церкви возникла община бывших иосифлян во главе со священником Петром Белавским, близким когда-то к архиеп. Димитрию.

Другая часть представителей иосифлянского движения, до конца оставшаяся непримиримой, полностью слилась с катакомбниками, составив в их среде особую традицию. Произошло окончательное разделение «левого» и «правого» крыла иосифлян. К числу непримири-

---

[33] Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Санкт Петербургу и Ленинградской области (АУФСБ СПб. ЛО), ф. арх. след. дел, д. П 28774, П 42182, П 66675; ЦГА СПб., ф. 4914, оп. 3, д. 2, лл. 50, 200, 206, 210.

[34] АУФСБ СПб. ЛО, ф. арх. след. дел, д. П 78806.

[35] ЦГА СПб., ф. 1000, оп. 50, д. 29, лл. 18, 20.

[36] Краснов Левитин А. Указ. соч. С. 222; Мещерский Н.А. Указ. соч. С. 102–106.

мых относилось большинство бывших «буевцев». Центральное Черноземье России – второй по значению регион деятельности иосифлян – стало основной «базой» катакомбников. Это признавали и советские исследователи. Так, например, А.И. Клибанов писал, что «здесь находился наиболее значительный и активный очаг этих течений (Истинно-Православной Церкви и истинно-православных христиан), распространявшихся и далеко за пределы Черноземного Центра» (прежде всего Тамбовской, Воронежской, Липецкой, Рязанской областей)[37].

Таким образом, хронологическими рамками иосифлянского движения являются 1927 – середина 1940-х гг., в то время как Катакомбная Церковь смогла просуществовать до падения советской власти. Иосифляне стали заметным явлением в церковной жизни рассматриваемого периода. Они попытались осуществить третий (отличный от катакомбного или избранного митр. Сергием) путь для Православной Церкви в СССР – легальной или полулегальной оппозиции. Движение потерпело поражение прежде всего вследствие резко антирелигиозной, бескомпромиссной политики советского режима в конце 1920-х-1930-х гг. Однако борьба иосифлян показала силу нравственного сопротивления русского народа утверждавшемуся тоталитарному режиму, явила целый сонм святых новомучеников и исповедников, многие из которых были причислены к лику святых как Зарубежной Русской Церковью (1981 г.), так и Русской Православной Церковью Московского Патриархата (2000 г.).

[37] Клибанов А.И. Конкретные исследования современных религиозных верований (Методика, организация, результаты). М., 1967. С. 13.

Митрополит Петроградский Иосиф (Петровых)

Митрополит Иосиф (Петровых).
Конец 1920-х гг. (Из следственного дела 1937 г.)

Митрополит Иосиф принадлежит к тем ключевым фигурам в истории Русской Православной Церкви XX века, которые вызывали и вызывают немало споров. С его именем связано возникновение самого сильного церковного движения сопротивления богоборческой политике советских властей и компромиссному курсу соглашений части церковного руководства с правительством. В то же время не вызывает сомнений, что Владыка Иосиф был одним из самых выдающихся архиереев 1920-1930-х гг., горячим молитвенником, опытным иноком, аскетом, крупным богословом. В 1981 г. Архиерейский Собор Русской Православной Церкви за границей причислил митрополита к лику святых среди новомучеников и исповедников российских. Уже несколько лет обсуждается и вопрос его возможной канонизации и Московской Патриархией.

Будущий митрополит родился 15 декабря 1872 г. в г. Устюжна Новгородской губ. в многодетной мещанской семье. Его отец, Семен Кириллович, был булочником, а мать, Евдокия Ивановна (урожденная Ганьковская), занималась домашними делами. В семье Петровых было девять детей: Андрей, Иван (будущий Владыка Иосиф), Александр, Сергей, Петр, Николай, Клавдия (позже в тайном постриге), Мария и Антонина. Крещен младенец Иван был, как и все его братья и сестры, в приходской церкви Вознесения Господня на Всполье. Глубокая вера и стремление послужить Богу отмечались у него с раннего детства. Несмотря на природные дарования и огромные способности мальчика, надежды на учение почти не было, но Божиим Промыслом Ване Петровых суждено было получить прекрасное духовное образование[38].

В 1880 г. по рекомендации священника Вознесенской церкви мальчик был принят в Устюженское Духовное училище и успешно окончил его в 1889 г. Затем Иван поступил в Новгородскую Духовную семинарию, которая располагалась в обители преподобного Антония Римлянина. После окончания семинарии в 1895 г. в числе лучших ее воспитанников Иван был принят на казенный счет в Московскую Духовную Академию. В дни каникул он работал при храмах и монастырях, приводя в порядок церковные документы. Закончив учебу первым магистрантом 11 июля 1899 г., И. Петровых был 16 августа оставлен профессорским стипендиатом при Академии. Будучи в стенах Троице-Сергиевой Лавры, Иван Семенович проявил себя усидчивым, способным к науке. По заданию Академии Наук он по специальной программе записал северный народный говор, получив за успешно выполненную работу одобрение.

9 сентября 1900 г. И.С. Петровых был утвержден исполняющим должность доцента Академии по кафедре Библейской истории. Но карьера ученого не привлекала его, стремившегося к своей давней мечте – иночеству. Зародилась она еще в то время, когда Иоанн Семенович был семинаристом. Студентом Академии он любил посещать святые обители и святые места. Там черпал силу и получал благодатную помощь Божию. Им были совершены паломничества в Соловецкий монастырь, во святой град Иерусалим, на святую гору Афон, в Ново-Афонский монастырь. Во времена зимних каникул, уклоняясь от светских развлечений и увеселений, Иван Семенович уезжал в любимый им Антониев монастырь в Новгороде. Именно там он и провел последние недели лета 1901 г., готовясь к иноческому постригу, уходя в себя и сосредоточиваясь в молитвах.

Пострижение в монашество было совершено 26 августа 1901 г. в Гефсиманском скиту при Троице-Сергиевой Лавре, с наречением имени Иосиф. Чин пострижения совершил духовный отец – преосвященный еп. Волоколамский Арсений (Стадницкий), ректор Московской Духовной Академии. Божественную литургию служил инспектор Академии архимандрит Евдоким (Мещерский) совместно с новгородским епархиальным миссионером иеромонахом Варсонофием (Лебедевым) и монастырскою братиею. Хор пел лаврский, нарочно прибывший в скит на пострижение И.С. Петровых. После совершения пострига епископом Арсением было сказано Иосифу слово, которое имело важное значение для всей его последующей деятельности: «Теперь, когда хулится имя Божие, молчание постыдно и будет сочтено за малодушие или бесчувственную холодность к предметам веры. Да не будет в тебе этой преступной теплохладности, от которой предостерегает Господь. Работай Господеви духом горяще». Слова эти были восприняты как завет и хранились в душе Владыки всю жизнь, имея огромное значение для его деятельности. В архивах сохранилась переписка Иосифа (Петровых) с митрополитом Арсением (Стадницким) за 1898–1917 гг. Многочисленные письма свидетельствуют, с каким вниманием относился Владыка Арсений к своему воспитаннику, а затем ставленнику, и с каким благоговением и любовью отвечал на эту заботу духовный сын. Владыка разглядел высокое устроение души молодого монаха, несмотря на некоторые проступки, совершенные

[38] Хрусталев М.Ю., Гусев О.А. Митрополит Петроградский Иосиф (Петровых) в сонме новомучеников и исповедников Российских // Устюжна: Историко-литературный альманах. Вып. II. Вологда, 1993. С. 146.

по сердечной горячности. 6 июля 1905 г. епископ Арсений записал в своем дневнике: «По душам беседовали мы с о. Иосифом, прекрасным монахом, но скрытым по характеру человеком. Нужно уметь проникнуть в сокровенная души его, иначе она останется неразгаданною. Кажется, я сумел сделать это». 30 сентября 1901 г. монах Иосиф был рукоположен во иеродиакона, а 14 октября – во иеромонаха[39].

6 июня 1903 г. его удостоили степени магистра богословия за диссертацию «История иудейского народа по "Археологии" Иосифа Флавия (Опыт критического разбора и обработки)» и 19 июля утвердили в звании доцента, а через некоторое время, 9 декабря 1903 г., назначили экстраординарным профессором и инспектором Московской Духовной Академии. За церковные заслуги 18 января 1904 г. отца Иосифа возвели в сан архимандрита, более двух лет он исполнял обязанности профессора Библейской истории. В 1904 г. архим. Иосиф в полемике по монашескому вопросу выступил с острой критикой против некоторых членов корпорации Академии, в частности профессора Н.Ф. Каптерева. В конце революционного 1905 г. архимандрит занял резко отрицательную позицию в отношении демократизации устава Духовной Академии и 10 января 1906 г. взял месячный отпуск вследствие «переутомления»[40].

Из-за конфликта со студентами, по прошению, о. Иосиф был уволен из Академии и указом Свят. Синода от 30 июня 1906 г. перемещен на должность настоятеля первоклассного Яблочинского Свято-Онуфриевского монастыря в Холмской епархии (Седлецкой губернии). 9 августа архимандрит написал теплое прощальное письмо к наставникам и сослуживцам по Духовной Академии: «Оставляя дорогую Академию, чувствую сердечную потребность сказать всем свое взволнованное последнее прости!., слишком тяжелый путь избираю себе, чтобы можно было пуститься в него, не сжимая сердца от разлуки с родной академической семьей, с которой успел сжиться тысячами нитей, и не оглянуться на нее слезно-прощальным, благоговеюще признательным взором… Простите же меня все, кому я подал какие-либо основания для нарушения внутреннего мира и спокойствия…»[41] В ноябре 1907 г. согласно определению Святейшего Синода архимандрит Иосиф был перемещен настоятелем первоклассного Юрьева монастыря в Новгороде. Новое постановление Синода от 27 февраля 1909 г. вознесло его на высокую ступень епископского служения.

Хиротония во епископа Угличского, второго викария Ярославской епархии, происходила 15 марта 1909 г. в Свято-Троицком соборе Александро-Невской Лавры. Совершали ее видные иерархи Русской Православной Церкви: митрополит Санкт-Петербургский Антоний (Вадковский), митрополит Московский Владимир (Богоявленский), митрополит Киевский Флавиан (Городецкий), архиепископ Финляндский и Выборгский Сергий (Страгородский) в сослужении многочисленного духовенства. В то время Владыка стремился как-то осмыслить свои движения и настроения, понять себя. Именно тогда он понял, что выбрал правильный жизненный путь. Преосвященный Иосиф очень любил служить литургию и служил ее каждый день. В трудные моменты жизни Владыка стремился пребывать в любви к Богу и Божией Матери, в молитвах просил у них помощи, и Господь посылал ему утешение.

В 1905–1914 гг. под инициалами А.I. была издана книга духовных размышлений преосвященного Иосифа «В объятиях Отчих. Дневник инока». «Владея настоящей книгой, знай, добрый читатель, что ты некоторым образом владеешь душою моею. Не осмей ее, не осуди, не укори: она открыта пред тобой здесь так, как только открывают ее духовнику и самому

---

[39] Мануил (Лемешевский), митрополит. Русские православные иерархи периода с 1893 по 1965 годы. Часть IV. Эрланген, 1986. С. 22; Новгородские епархиальные ведомости. 1901. № 19. С. 1176; Переписка митрополита Иосифа (Петровых) с митрополитом Арсением (Стадницким). Публ. О. Ефремовой // Богословский сборник Православного Свято-Тихоновского Богословского института (ПСТБИ). 2002. № 10. С. 295–319; Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 550, оп. 1, д. 317, 318, 391, 513.

[40] Голубцов С.А. Московская Духовная Академия в революционную эпоху. М., 1999. С. 21.

[41] Переписка митрополита Иосифа (Петровых) с митрополитом Арсением (Стадницким). С. 318–319.

близкому человеку – открыта во всех сокровеннейших движениях, ежедневных настроениях, чувствованиях, изъянах и немощах, во всех добрых или злых, святых или темных сторонах и жизненных проявлениях…» Такими словами предварил свой труд автор[42].

Сразу после выхода первых книжек дневника они возбудили горячий отклик в сердцах истинно верующих людей. Появляющиеся в различных православных дореволюционных российских журналах отрывочные публикации уже известного публике произведения способствовали поддержанию интереса к нему вплоть до 1917 г.

Сильное впечатление производит запись в дневнике от 6 августа 1909 г.: «Господи! Душа моя жаждет подвига. Укажи мне его, натолкни на него, укрепи в нем, вразуми, помоги. О, как хотел бы я участи избранных Твоих, не пожалевших для Тебя ничего, вплоть до души и жизни своей»[43].

Желание инока осуществилось. Мученическая кончина Владыки озаряет книгу новым светом, читатель имеет возможность проследить, как печатлеется в сердце, очищаемом покаянием, «вечная вселенская Истина», укрепляя его и уготовляя к исповедническому подвигу. Дневник состоял из 12 томов, из которых первые вышли в свет в 1905 г., т. е. не более чем через четыре года после пострижения. Отсюда видно, как внимательно автор углублялся в себя и записывал каждое свое душевное движение. В дневнике много говорится и о взлетах его духа, и об искушениях – приливах гордости и самомнения, и о других духовных переживаниях. Из этих записей видно, что архимандрит, а затем Владыка Иосиф был человек аскетически настроенный, опытный как инок, энергичный, но горячий и порывистый. Обширная административная работа, сначала во главе монастыря, а потом видного викариатства не вполне отвечала его душевному настрою, склонности к уединенной молитве и самоуглублению. В результате епископ Иосиф заболел мучительной болезнью, межреберной невралгией.

Душевные силы Владыки укрепляли поездки в обители. В 1909 г. он посетил старинный, основанный еще в 1564 г. близ Устюжны при впадении речки Моденки в реку Мологу Николо-Моденский монастырь – место своей будущей многолетней ссылки. Тогда ей. Иосиф отслужил в обители Всенощную. Значительно укрепило его духовные и душевные силы посещение в 1911 г. Святой Горы Афон, а затем Ново-Афонского монастыря в Абхазии. Одной из целей поездки на Афон было постижение тонкостей древнего церковного распева, так как епископ являлся знатоком церковного пения. С 27 февраля 1909 г., вплоть до закрытия этой обители в марте 1923 г., Владыка был настоятелем Спасо-Иаковлевского Димитриева монастыря в городе Ростове Великом. 22 мая 1913 г. он встречал там Императора Николая II и Августейшую Семью. 16 декабря того же года монастырь инкогнито посетила ев. Великая Княгиня Елизавета Феодоровна. Епископ Иосиф благословил ее святыней обители – Ватопедской иконой Божией Матери и преподнес Княгине икону свт. Димитрия с частицей его гроба, одежды и святых мощей. 4 июня 1916 г. епископ принял в монастыре Великого Князя Николая Михайловича.

За время управления Спасо-Иаковлевским монастырем Владыкой Иосифом были освящены храм Толгской иконы Божией Матери (9 октября 1909 г.), пещерный храм Воскресения Христова (1 апреля 1912 г.), придел Ватопедской иконы Божией Матери (8 июня 1916 г.) и церковь иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радосте» (25 ноября 1917 г.). Кроме того, на пожертвования богомольцев был отреставрирован соборный Зачатьевский храм, ив 1914 г. построен странноприимный дом, превращенный через два месяца после начала Первой мировой войны в оборудованный по последнему слову медицинской техники военный госпиталь имени о. Иоанна Кронштадтского на 150 мест. В городе славились хоры монастыря, особенно любили здесь детский хор[44].

---

[42] Непорочности Церкви тайный ревнитель… // Возвращение. 1993. № 4. С. 40.

[43] А. I. В объятиях Отчих. Дневник инока. Т. IX. Сергиев Посад, 1913. С. 240.

[44] Вахрина В.И. Спасо-Иаковлевский Димитриев монастырь. М., 2002. С. 83–85, 126.

И после закрытия обители преосвященный Иосиф до августа 1926 г. являлся председателем созданной братией церковной общины. До сих пор в сердцах старых ростовчан живет память о Владыке: «Епископ Иосиф был известным человеком в Ростове, его буквально боготворили. Когда в 1920 году епископ Иосиф находился в заключении в Ярославле, в городе были собраны тысячи подписей с просьбой о его освобождении. И сегодня его помнят в Ростове, и те, кто знали его, и те, кто только слышали о нем от своих родителей. Бережно хранят горожане, даже те, кто не считает себя верующими, фотографии и подарки владыки»[45].

Начало службы Владыки в Ростове совпало в октябре 1909 г. с 200-летием со дня кончины святителя Димитрия Ростовского, которое стало всероссийским событием. Епископ приложил много усилий по устройству и проведению торжеств. С 18 марта 1910 г. он был уже первым викарием Ярославской епархии, которую с 1907 по декабрь 1913 гг. возглавлял в сане архиепископа будущий ев. Патриарх Московский и всея России Тихон (Беллавин). 14 сентября 1913 г. преосвященный Иосиф передал из Ростова в свой родной край – в храм с. Модено Устюженского уезда, имевший придел свт. Димитрия Ростовского, – часть мощей, гроба и одежды этого святого. Их принесение сопровождалось празднеством, собравшим тысячи людей со всей округи.

В 1911 г. епископ Иосиф написал переизданную несколько раз книжечку о чуде выздоровления в 1910 г. тяжелобольной десятилетней девочки Лизы Лепешкиной у чудотворной иконы Божией Матери «Умиление» в Ростове. Владыка сам составил и молитву этой иконе[46].

В августе 1914 г. произошло почти одновременное отбытие из Костромы правящего архиерея и викария, и епископ Иосиф с 25 августа по 16 сентября 1914 г. исполнял обязанности временно управляющего Костромской епархией. Несмотря на непродолжительность этого периода, он характеризует Владыку как деятельного и истового архипастыря, немало сделавшего для оказания помощи русским воинам и их семьям в начальный период Первой мировой войны. Так, 29 августа в кафедральном соборе Костромы епископ Иосиф отслужил панихиду «по вождям и воинам, на поле брани живот свой положившим», затем был проведен крестный ход на центральную Сусанинскую площадь, где у Александровской часовни Владыка в сослужении всего городского духовенства совершил молебен «о даровании победы русскому воинству над врагом, а народу над пьянством». 3 сентября резолюцией епископа было предписано «объявить всем благочинным, настоятелям и настоятельницам монастырей и приходским священникам оказывать возможное содействие сборам на нужды Красного Креста за все время войны». О внимании Владыки к нуждам военного времени свидетельствует и то, что он собирал в Костроме настоятелей, причт и старост для обсуждения, «чем духовенство и церкви города могут оказать свою помощь больным и раненым воинам во время настоящей войны»[47].

До революционных потрясений 1917 г. Владыка успел написать и большей частью опубликовать около 80 трудов, в том числе 11 томов своего дневника, 10 статей в Православной Богословской энциклопедии, исторические описания нескольких обителей, многочисленные статьи на нравственно-воспитательные темы в журнале «Божья Нива», работы «Матерь Божия – Благодатная Матерь народа русского» (Сергиев Посад, 1902), «История иудейского народа по археологии Иосифа Флавия (Опыт критического разбора и обработка)» (Сергиев Посад, 1903), «От крупиц Евангельских. Беседы инока. Сборник проповедей» (Сергиев Посад, 1904), «Учение Лейбница о происхождении и сущности зла» (Харьков, 1905) и другие.

---

[45] Сахаров М.С. Священномученик митрополит Иосиф Петроградский (биографический очерк). СПб., 2002. Машинопись. С. 10–11.

[46] Новое чудо милосердия Царицы Небесной в г. Ростове Великом. Сергиев Посад, 1911.

[47] Мануил (Лемешевский), митрополит. Указ. соч. С. 21; Новгородские епархиальные ведомости. 1913. № 43. С. 1428–1432; Костромские епархиальные ведомости. 1914. № 19. С. 501–502; Хлебников М. Дополняя житие святителя Иосифа Петроградского // Православная жизнь. 1999. № 2 (590). С. 13–15.

Еп. Иосиф уделял внимание примирению со старообрядцами. 31 мая 1917 г., вместе с епископом Уфимским Андреем (Ухтомским) и единоверческим протоиереем Симеоном Шлеевым, он присутствовал на Соборе старообрядческой Церкви Белокриницкой иерархии, проходившем на Рогожском кладбище в Москве, подписал «Обращение» к Собору и имел беседы со старообрядческими архиереями. Через несколько месяцев Владыка стал участвовать в работе Всероссийского Поместного Собора 1917–1918 гг.

Согласно некоторым свидетельствам, Владыка Иосиф был назван Патриархом Тихоном в числе трех тайных чрезвычайных Местоблюстителей Патриаршего Престола, назначенных в соответствии с постановлением Поместного Собора от 25 января 1918 г. Так, в рассказе свидетельницы о встрече с митр. Иосифом в 1937 г. в тайной церкви в Алма-Ате, приведенном в работах М. Польского и Л. Регельсона, сообщалось: «Он лично говорил, что Патриарх Тихон предложил, немедленно по своем избрании, назначить его своим первым заместителем (еще одно свидетельство об исполнении Патриархом Тихоном постановления Собора от 25 янв. 1918 г. о чрезвычайном Местоблюстительстве! —*Л.Р.).* Почему-то в истории церковного местоблюстительства об этом нигде не упоминается»[48]. Кроме того, возможно, существовал секретный протокол Поместного Собора от 28 января 1918 г. с указанием имен чрезвычайных Местоблюстителей: митрополит Антоний (Храповицкий), архиепископ Кирилл (Смирнов) и епископ Иосиф (Петровых)[49].

Вскоре после вынужденного прекращения работы Собора Патриарх Тихон приехал в Ярославль, где 1–2 октября 1918 г. служил в Спасо-Ярославском монастыре. На следующий день, 3 октября, Первосвятитель поехал в Ростов Великий и служил там всенощное бдение вместе с епископом Иосифом и рядом других архиереев в Спасо-Иаковлевском монастыре. 4 октября в обители была совершена патриаршая литургия, а затем Первосвятитель отбыл в Москву.

В декабре 1917 г. – январе 1918 г. епископ Иосиф временно управлял Рижской епархией. А уже вскоре последовал его первый арест в Ростове в монастыре 7 июля 1919 г. Ярославской губернской ЧК «за попытку срыва вскрытия мощей в Ростовском уезде путем созыва верующих колокольным звоном». 18 июля Владыка был перевезен в Москву во внутреннюю тюрьму ВЧК на Лубянке, где содержался около месяца. В августе 1919 г. он оказался освобожден за недостаточностью улик без вынесения приговора[50]. Мужественное поведение Преосвященного не прошло мимо внимания церковного руководства, и 22 января 1920 г. он был возведен в сан архиепископа и назначен Святейшим Патриархом Тихоном архиепископом Ростовским, викарием Ярославской епархии.

Новый конфликт с представителями советской власти не замедлил себя ждать. 25 апреля 1920 г. во время вечерней службы в Димитриевском соборе они пришли к архиеп. Иосифу и потребовали срочно явиться в Успенский собор на вскрытие мощей Ростовских Чудотворцев (свв. Исаии, Игнатия, Авраамия и Димитрия Ростовского) и при. Евфросинии Полоцкой, согласно только что принятому постановлению X-го уездного съезда советов. Владыка обратился к молящимся: «Братья и сестры! X съезд советов постановил открыть мощи. Нами уже были поданы ходатайства перед властью об оставлении мощей, но, по-видимому, Господом Богом не приняты наши просьбы, и теперь нам надо подчиниться этому испытанию. Все-таки употребим последнюю нашу меру, попросим съезд советов не трогать наших святынь, и, может, Господь расположит их внять нашей просьбе». Епископ в белых ризах с богомольцами пошел к Успенскому собору, на крыльце которого еще раз обратился к народу и просил передать съезду

[48] Регельсон Л. Трагедия Русской Церкви 1917–1945. Париж, 1977. С. 590.

[49] Русское Православие. 2000. № 2. С. 7, 32.

[50] Одинцов М.И. Русские Патриархи XX века: Судьбы Отечества и Церкви на страницах архивных документов. Часть I. М., 1999. С. 116.

просьбу верующих, но со стороны властей последовал отказ. После вмешательства милиции народ разошелся.

В тот же день специальная комиссия вскрыла мощи. Около недели необлаченные мощи святых стояли в храмах, затем их вернули на прежние места. За организацию крестного хода с выражением протеста против этой варварской, незаконной даже в свете советских декретов акции 8 июля 1920 г. Владыка был арестован по обвинению в антисоветской агитации. Три недели он находился в заключении в Ярославской тюрьме, а в это время в Ростове собирались тысячи подписей верующих за его освобождение. В итоге архиепископ Иосиф был освобожден, но постановлением Президиума ВЧК от 26 июля 1920 г. приговорен к одному году заключения условно с предупреждением о неведении агитации[51].

Весной 1922 г. на Русскую Православную Церковь обрушились новые тяжелые испытания – развернутая по указанию Политбюро ЦК РКП(б) кампания по изъятию церковных ценностей и обновленческий раскол, также непосредственно организованный органами государственной власти, в частности ГПУ. После ареста Патриарха Тихона в мае 1922 г. власть в Церкви на год захватили просоветски настроенные обновленцы, сформировавшие свое Высшее Церковное Управление.

Архиепископ Иосиф также был арестован в мае 1922 г. по делу «о противодействии изъятию церковных ценностей» и 19 июля приговорен в г. Ростове Ярославским губернским революционным трибуналом к 4 годам лишения свободы. После этого – третьего за последние три года – ареста Владыка был вынужден дать подписку «не управлять епархиею и не принимать никакого участия в церковных делах и даже не служить открыто»[52]. По предписанию председателя ВЦИК М.И. Калинина от 5 января 1923 г. он в этом же месяце был освобожден досрочно. После освобождения Владыка затворился в Угличском Алексеевском монастыре и оттуда все же негласно управлял епархией, отвергая всякий диалог с обновленцами. Категорическое неприятие их принесло преосвященному Иосифу уважение и народную любовь. Верующие всячески поддерживали своего архипастыря. Когда 14 марта была образована приходская община храмов Спасо-Иаковлевского монастыря, архиепископа избрали ее председателем.

После освобождения в июне 1923 г. Патриарха Тихона начался катастрофический спад влияния обновленчества. Борьбу с ним в Ярославской губернии возглавлял архиепископ Ростовский. Так, в письме начальника Ярославского губернского отдела ГПУ в ОГПУ от 8 августа 1923 г. говорилось: «Обновленческая группировка в настоящее время почти совершенно прекратила свою деятельность под натиском тихоновской группировки. Большинство духовенства и верующих идет по пути тихоновщины, ослабляя морально и материально обновленческую группировку. Во главе тихоновской группировки стоит епископ Ростовский Иосиф. Данное лицо по Ярославской губернии в настоящее время весьма авторитетно не только среди духовенства и верующих, но и среди советских работников низового аппарата, и в особенности Ростовского уезда… Заручившись из Наркомюста официальной бумагой, разрешающей Иосифу создать свое параллельное ВЦУ Ярославское отделение Епархиального управления, Иосиф ведет линию всеми способами к полной ликвидации обновленческой группы как лицо весьма авторитетное среди духовенства и верующих и доказавшее себя, что и современная власть не всегда может его обуздать в его реакционной деятельности. Конечно, его настоящая деятельность, нужно признать, идет достаточно успешно. При таких обстоятельствах деятельность обновленческой группы в Ярославской губернии, собственно, должна замереть, что и можно констатировать в настоящее время. Для поддержания деятельности обновленческой группы, безусловно, необходимо изъять из пределов Ярославской губернии епископа Иосифа,

[51] Вахрина В.И. Указ. соч. С. 128–129.

[52] См.: Заявление митр. Иосифа от 24 июня 1927 г. в хранящейся у частного лица папке «Материалы для истории Русской Церкви за 1922-30 гг. Еп. Иннокентий (Старая Русса)».

что значительно ослабит тихоновскую группу, и этим самым дать возможность оживиться и обновленческой группе, главным образом за счет верующих, ибо епископ Иосиф в глазах верующих – самое авторитетное лицо из духовенства Ярославской губернии, а потому значительная часть верующих идет за ним не только как за тихоновцем, но и как за известным им Иосифом, которого и Советская власть по велению бога избавляет от наказания (выражения верующих). Без этой операции нет возможности хотя бы минимально поддерживать деятельность обновленческой группы»[53].

Но, несмотря на противодействие ГПУ, архиепископ продолжал борьбу за Православие. 21 мая 1924 г. архиеп. Иосиф был назначен членом Священного Синода при Патриархе. Правда, будучи переведен в марте 1924 г. на Одесскую кафедру, Владыка не смог водвориться там из-за противодействия обновленцев и местных властей и оставался проживать в Ростове на положении управляющего Ростовским викариатством до осени 1924 г., когда был назначен управляющим Новгородской епархией. Проживая большую часть времени в Ростове, Владыка Иосиф временно управлял одной из старейших русских епархий до сентября 1926 г. В этот период ему довелось вновь посетить родную Устюжну и встретиться с родственниками. Архиепископ периодически служил в новгородском Софийском соборе, ленинградском кафедральном храме Воскресения Христова (Спас на Крови). Особенно значительное количество верующих собирали его архиерейские богослужения в Успенском соборе г. Ростова.

Когда 7 апреля 1925 г. скончался Святейший Патриарх Тихон, Местоблюстителем Патриаршего Престола согласно его завещанию стал митрополит Крутицкий Петр (Полянский). 12 апреля архиепископ Иосиф, как управляющий Новгородской епархией, с шестьюдесятью другими архиереями участвовал в погребении ев. Патриарха Тихона и подписал акт о передаче местоблюстительских полномочий ев. митрополиту Петру. В своем завещательном распоряжении от 6 декабря 1925 г. – за несколько дней до ареста – последний поставил архиепископа Иосифа третьим кандидатом в Заместители Патриаршего Местоблюстителя за митрополитом Нижегородским Сергием (Страгородским) и митрополитом Киевским Михаилом (Ермаковым).

После ареста Владыки Петра (Полянского) руководство Русской Церковью перешло к митрополиту Сергию. Правда, весной 1926 г. был освобожден митрополит Ярославский Агафангел (Преображенский), который, по завещанию Патриарха Тихона, являлся вторым кандидатом на должность местоблюстителя Патриаршего Престола. 18 апреля он выпустил послание о вступлении его в права и обязанности Патриаршего Местоблюстителя. Но подавляющее число архиереев, в том числе и архиепископ Иосиф, поддержали митрополита Нижегородского, который сохранил руководство Русской Церковью на время заключения Владыки Петра.

Эта активная поддержка, вероятно, способствовала тому, что 26 августа 1926 г. архиепископ Ростовский, уважаемый повсюду за свою аскетическую жизнь и ученость, был назначен митрополитом Ленинградским. По словам указа, Владыку Иосифа назначили «вследствие настоятельной просьбы верующих» с возведением его в сан митрополита с возложением белого клобука, креста на клобук и митру. Действительно, летом 1926 г. к митрополиту Сергию в Москву несколько раз с соответствующими просьбами ездили делегации ленинградских священнослужителей – настоятель кафедрального собора протоиерей Василий Верюжский, архимандриты Лев и Гурий (Егоровы), протоиереи Александр Пакляр, Иоанн Смолин, Василий Венустов и др. О назначении Владыке Иосифу сообщил, приехав специально в Новгород, где временно находился митрополит, архиепископ Алексий (Симанский) – будущий Патриарх, ставший тогда управляющим Новгородской епархией. «Из послушания» преосвященный Иосиф принял назначение, но возражал, чтобы именоваться Ленинградским, и предпочитал наименование «Петроградского».

---

[53] Одинцов М.И. Указ. соч. С. 115–117.

Верующие жители северной столицы встретили Владыку с большой радостью, как стойкого борца за чистоту Православия, но также и потому, что после расстрела в августе 1922 г. святого новомученика митрополита Вениамина (Казанского) несколько лет не имели своего правящего архипастыря. Например, известный протоиерей Михаил Чельцов, настоятель Измайловского собора, высказывал в связи с назначением радостную надежду: «Наконец-то прекратится архиерейская рознь и скачки за первенство, наконец-то наступит мало-помалу порядок в наших делах и взаимоотношениях». 11 сентября нового стиля митрополит прибыл в Ленинград и остановился в Воронцовском подворье. Был канун известного городского праздника – перенесения в город мощей святого благоверного князя Александра Невского, который еще совсем недавно сопровождался грандиозным крестным ходом от Исаакиевского собора до Александро-Невской Лавры. На всенощной Свято-Троицкий собор Лавры, недавно перешедший к «тихоновцам» от обновленцев, был переполнен народом. «Восторгам и умилению не было пределов, радость слышалась отовсюду и виделась на лицах, разговоры лились самые оживленные и молитвенно Богу благодарные», – писал о. М. Чельцов. Согласно другому источнику: «Духовенства собралось человек полтораста – от облачального места до престола по обеим сторонам. Епископат весь: митрополит, преосв. Алексий, Гавриил (Воеводин), Николай (Ярушевич), Стефан (Бех), Григорий (Лебедев), Сергий (Дружинин) и Димитрий (Любимов)». Первые впечатления от нового главы епархии были очень благоприятны: «Новый митрополит – высокого роста, седой, в очках, вид серьезный, несколько необщительный, как будто суровый. Есть что-то общее во внешнем виде с покойным митрополитом Вениамином. Ходит несколько сутуловато. Ни с кем не разговаривает в алтаре. Даже через ей. Григория послал сказать “беседовавшему” в алтаре духовенству держать себя “покойнее”. У епископа и духовенства – в их держании себя – сразу почувствовалось, что приехал “хозяин”: все подтянулись. Голос у него – высокий, довольно нежный, приятный, дикция чистая. В общем, впечатление хорошее, приятное»[54].

Столь же благоприятным было впечатление, произведенное митр. Иосифом на о. М. Чельцова: «Митрополит Иосиф внушал к себе, с первого же взгляда на него, симпатию и доверие… Совершенно аскетического облика монах привлекал к себе и нравился; в богослужении у него не было ничего вычурного: просто и молитвенно… Отзывались о нем как об истинном монахе, добром человеке, горячем молитвеннике, отзывчивом к нуждам и горестям людским; хотелось быть около него, слушать его… И нам, духовенству, казалось, что именно его-то нам и нужно, что именно он-то и может проявлять тот авторитет, который обязывает к послушанию, отклоняет от противления, научает к порядку, дисциплинирует одним взглядом, – словом, что с ним-то начнется у нас настоящая жизнь, что будет у нас Владыка Отец»[55].

На следующий день, в воскресенье, несмотря на дождь, площадь перед собором была переполнена народом. Многие подходили под благословение со слезами. По просьбе митрополита прот. Николай Чуков сказал по запричастном стихе слово, а на следующее утро был у него с докладом о руководимых им Высших Богословских курсах и остался доволен оказанным приемом.

Сохранились свидетельства и других очевидцев о назначении Владыки Иосифа Петроградским митрополитом. Так, архимандрит Феодосий (Алмазов) в рукописи «Мои воспоминания (записки соловецкого узника)» отмечал: «Все в Петрограде восторжествовали. Известный аскет, профессор Академии, плодовитый духовный писатель. Первое всенощное бдение он совершил 23 ноября [на самом деле 11 сентября нового стиля] в день памяти св. Александра Невского в Лавре. Все туда устремились. Религиозный подъем был невиданный: ведь стал на свою кафедру преемник священномученика Вениамина. Народу – масса. Отслужив литургию

[54] Антонов В. Священномученик митрополит Иосиф в Петрограде // Возвращение. 1993. № 4. С. 47.

[55] Там же.

с прекрасной проповедью, Владыка уехал в Ростов попрощаться со своей паствой – и в этом была его роковая ошибка. Большевикам не понравилась его заслуженная популярность, вдруг проявившаяся. С дороги телеграммой ГПУ потребовало его в Москву, откуда он водворен был в монастырь около Устюжны»[56].

Митрополит Иосиф и его духовник протоиерей Александр Советов. Конец 1926–1927 гг.

Митрополит Иосиф действительно 13 сентября вечером уехал из Ленинграда в Ростов, чтобы проститься с прежней паствой (по другим сведениям, в Новгород за вещами), оставив управляющим епархией на время своего отсутствия епископа Гавриила (Воеводина). Вернуться на берега Невы ему уже никогда не было суждено. По замечанию протоиерея Михаила Чельцова, «советская власть… не могла нас оставить хотя бы при малом благополучии». Будучи вызван в Москву ОГПУ, в разговоре с возглавлявшим церковный отдел Е. Тучковым Владыка отрицательно отнесся к предложенному плану легализации Патриаршей Церкви. В результате он был отправлен в Ростов без права выезда из этого города. 28 сентября 1926 г. ленинградскому духовенству даже стало известно, что митрополиту Иосифу «предложено на три года уехать в ссылку по выбору (Архангельск и еще два пункта)»[57]. К счастью, эта угроза не была тогда реализована.

В октябре Владыка Иосиф подписался под нелегально распространяемым обращением об избрании Патриархом митрополита Кирилла (Смирнова), причем, по свидетельству епископа

[56] Феодосий (Алмазов), архимандрит. Мои воспоминания (записки соловецкого узника). М., 1997. С. 71.

[57] Антонов В. Указ. соч. С. 47–48.

Евгения (Кобранова), «подал было голос за Сергия, но потом сказал последнему: “Владыка, Вы все равно не пройдете”, – и подал за Кирилла»[58].

25 ноября (по ст. стилю) 1926 г. Заместитель Патриаршего Местоблюстителя митрополит Сергий был арестован. Его обязанности перешли к митрополиту Иосифу. Однако, предвидя и для себя невозможность в ближайшем будущем исполнять столь высокое церковное послушание, Владыка Иосиф обратился 25 ноября/8 декабря 1926 г. с завещательным посланием «К архипастырям, пастырям и пасомым Русской Православной Церкви». В нем он определял, в случае непредвиденных событий (ареста, ссылки, расстрела), дальнейший порядок «канонически неоспоримого» преемства высшей власти в Церкви. Митрополит Иосиф по возникшей тогда традиции назначил трех возможных преемников: архиепископов Свердловского Корнилия (Соболева), Астраханского Фаддея (Успенского) и Угличского Серафима (Самойловича).

Предчувствие ареста не обмануло Владыку Иосифа. 9 декабря он вновь оказался под стражей и на следующий день был дважды допрошен по делу о попытке тайного избрания Патриархом митр. Кирилла. В своих показаниях следователю митр. Иосиф заявил: «Я указал на записочке, запечатанной в конверт, что желательным кандидатом считаю Кирилла митрополита или Сергия. Я вовсе не считал, что, давая свое мнение, присоединяюсь к какому-то решению, долженствующему заменить собой соборное решение. Я имел в виду совещание, которое должно было состояться в г. Владимире, и полагал, что это просто предварительный обмен мнениями перед совещанием». Вероятно, вследствие такой позиции Владыки никто из иосифлян не аппелировал к результатам выборов 1926 г.[59]

Власти хотели услать подальше от Москвы и Ленинграда твердого в своих убеждениях архиерея. 29 декабря 1926 г. арестованного митрополита доставили в Николо-Моденский монастырь Устюженского района (в 35 верстах от родного города), где в это время обитало всего 10 монахов, с запрещением покидать его. Это была настоящая ссылка. Но, обладая значительным авторитетом и решительным характером, преосвященный Иосиф продолжал управлять Ленинградской епархией через своих викариев – епископа Гдовского Димитрия (Любимова) и епископа Нарвского Сергия (Дружинина)[60].

Важным переломным рубежом в истории Русской Православной Церкви стали события второй половины 1927 г. 29 июля освобожденный из заключения митрополит Сергий (Страгородский), совместно с членами созданного им Временного Синода, выпустил «Послание к пастырям и пастве» (Декларацию 1927 г.) о лояльности к советской власти, одновременно был допущен контроль ОГПУ над кадровой политикой Московской Патриархии. Такие компромиссы были негативно восприняты многими священнослужителями и мирянами. И ярче всего это недовольство и возмущение проявилось в Ленинграде.

В середине августа духовник Владыки прот. Александр Советов, ей. Гдовский Димитрий, схимонахиня Анастасия (Куликова) и другие клирики северной столицы отправили митрополиту Иосифу послание с выражением своего несогласия с политикой Заместителя Патриаршего Местоблюстителя. А 17 сентября 1927 г., вероятно, по настоянию ОГПУ, на заседании Временного Синода под председательством митр. Сергия, «по соображениям большей пользы церковной», решено было перевести Владыку Иосифа на Одесскую кафедру.

Этот указ вызвал среди верующих Ленинграда такую бурю возмущения, что даже не сочувствовавший митр. Иосифу церковный историк митр. Иоанн (Снычев) в своей книге отметил: «Когда стало известно, что их любимец и страдалец за веру православную не согласен с решением Синода и открыто выражает свой протест против него, смущение народное достигло

---

[58] Журавский А.В. Во имя правды и достоинства Церкви. Жизнеописание и труды священномученика Кирилла Казанского в контексте исторических событий и церковных разделений XX века. М., 2004. С. 252, 258.

[59] Там же. С. 260, 262.

[60] Русская Православная Церковь 988-1988. Выпуск 2. М., 1988. С. 40; Мещерский Н.А. На старости я сызнова живу: прошедшее проходит предо мною… Л., 1982. Рукопись. С. 1, 30.

крайних пределов…»; «Сергий и его Синод власти предались и угождают ей безмерно. А того не разумеют, что Церковь Православную губят». Сам Владыка Иосиф «воспринял указ – по свидетельству современника – как величайшую несправедливость, как следствие интриги», а с амвонов в Ленинграде открыто говорили, «что митрополит Иосиф переведен неправильно по докладу епископа Николая (Ярушевича), который, очевидно, наклеветал на него». Митрополит Иосиф в письме митрополиту Сергию от 28 сентября тоже видел в перемещении «злую интригу кучки людей», не желавшей, чтобы он пребывал в Ленинграде. Митрополит Иосиф пытался лично повлиять на решение, для чего он – по рассказу архиепископа Алексия (Симанского) – в середине сентября передал в Москве через митрополита Сергия письмо Е. Тучкову, в котором якобы «без должного достоинства… благодарил того за оказанную милость – разрешить выехать из Моденского монастыря, но просил продлить эту милость и дальше – разрешить ему управлять Ленинградской епархией, с которой он сроднился». Однако уже через две недели, преодолев минутную слабость, митр. Иосиф отправил митр. Сергию письмо, где упрекает его и высшую церковную власть «в плачевно-рабском послушании, совершенно чуждом церковному началу»[61].

В своем письме от 28 сентября Владыка Иосиф сообщал об отказе подчиниться указу, как неканоничному, принятому под влиянием посторонних факторов и поэтому пагубно сказывающемуся на церковной организации. В другом, отправленном в начале октября, послании к братии Александро-Невской Лавры митрополит писал: «Сердечно благодарю верную дружину св. Благоверного Великого князя Александра Невского, охраняющую его обитель, за дорогое сочувствие, участие и молитвы о мне, недостойном. Не судил Господь послужить обители Угодника, как хотелось от всей души, но пусть и душевное усердие мое вменится в самое дело. Пусть не моя вина будет в том, что данный мне некогда во сне завет Угодника – “не уходите на покой” – как будто видит свое нарушение. Сам-то я во всяком случае ни о каком покое не прошу и просить не нахожу возможности, никаких других назначений принять не считаю себя вправе, но восторжествовавшей попущением Божиим силе зла противиться лишен силы. А потому смиренно преклоняю свою страждущую главу суду Божию и заступничеству св. Угодника, а Вашей, други мои, любви и молитвенной памяти прошу и впредь. Пусть и один незабвенный день 30 августа 1926 года соединит нас навеки в неразрывный союз взаимной любви и молитвенного общения… О великий ревнитель Православия и славы нашего Отечества! Введи нас не только в твою земную, но и небесную обитель, недоступную никаким козням лукавых слуг зла и врагов Христова мира, правды и имени».

3 октября временно управляющий Ленинградской епархией епископ Петергофский Николай (Ярушевич) доложил Синоду о недовольстве в городе в связи с переводом митрополита. По этому докладу 12 октября было принято постановление, утверждающее прежний указ. Викариям предписывалось прекратить возношение за богослужением имени Владыки Иосифа и подчиниться еп. Николаю. Обо всем этом митрополит узнал из присланной ему выписки, хотя он ожидал или вызова на Синод, или простого письменного ответа на обращение к митр. Сергию. Сам указ митрополит получил только 22 октября, т. е. через месяц после его отсылки, очевидно благодаря соответствующим указаниям ОГПУ. Через три дня еп. Николай официально объявил в Воскресенском соборе «Спас на Крови» о переводе митрополита Иосифа в Одессу.

30 октября митр. Иосиф из Ростова (куда он вернулся в сентябре 1927 г.) в ответ на постановление Временного Священного Синода от 12 октября отправил новое послание с отказом оставить Ленинградскую кафедру, пояснив, «что нестроения в епархии породил тайно оглашенный… приказ о его перемещении, что связь его с ленинградской паствой не искусственная, но основанная на горячей любви к нему пасомых… и, наконец, что послушания “церков-

[61] Антонов В. Указ. соч. С. 50.

ной власти” он оказывать не желает, поскольку сама “церковная власть” находится в рабском состоянии»[62].

Оценивая поступок Владыки, можно полностью согласиться с утверждением в биографическом справочнике «За Христа пострадавшие»: «Совершенно неосновательны обвинения митрополита Иосифа в раздражительности, корысти и честолюбии, из-за которых он будто бы отказывался от перемещения на Одесскую кафедру. Трудно представить себе большее непонимание его горячего, пылкого сердца. Образно говоря, он шел свидетельствовать Истину и умирать за Христа, что казалось ему единственно возможным и правильным в той ситуации, а его отсылали в тыл, чтобы он не мешал достижению компромисса, воспринимавшегося им как предательство. Побудительными причинами для отказа от Одесской кафедры и разрыва с митрополитом Сергием (Страгородским) были проводимая митрополитом Сергием реформа отношений Церкви с государством и чуждое всякой корысти, дипломатии и политического расчета стремление митрополита Иосифа стоять за Истину до смерти» [63].

12 декабря 1927 г. митр. Сергий принял в Москве делегацию, состоявшую из ей. Димитрия (Любимова), прот. Викторина Добронравова и мирян И.М. Андреевского и С.А. Алексеева. Они передали Заместителю Местоблюстителя три протестных послания от духовенства и мирян, архиереев и ученых. Беседа, однако, не дала результата – митр. Сергий остался непреклонен, изменить политику и вернуть митр. Иосифа отказался. Горечь ленинградцев была очень велика, и через несколько дней родилось так называемое движение иосифлян. Следует упомянуть, что 12 декабря, при ожидании приема у митр. Сергия, произошла встреча членов делегации с Владыкой Иосифом, который ненадолго приезжал в Москву и познакомился здесь с текстом протестных посланий.

После возвращения делегации в Ленинград ей. Гдовский Димитрий и ей. Нарвский Сергий, взяв на себя инициативу, подписали акт отхода от митр. Сергия (13/26 декабря), «сохраняя апостольское преемство чрез Патриаршего Местоблюстителя Петра, Митрополита Крутицкого». Уже в январе 1928 г. ей. Димитрий объявил митр. Сергия безблагодатным и потребовал немедленного разрыва молитвенного общения с ним. В ответ Заместитель Патриаршего Местоблюстителя и Синод 30 декабря приняли постановление о запрещении в священнослужении отошедших ленинградских епископов Димитрия (Любимова) и Сергия (Дружинина), зачитанное в Никольском Богоявленском соборе епископом Николаем (Ярушевичем). С этого времени Московская Патриархия стала считать неподчинившихся священнослужителей раскольниками[64].

Решение ленинградских викариев отойти от митр. Сергия было принято самостоятельно, тем не менее, до его официального провозглашения митр. Иосиф благословил готовившийся отход. Во второй половине декабря он писал еп. Димитрию: «Дорогой Владыко!

Узнав от м. А[гафангела] о принятом вами решении, нахожу (после ознакомления со всеми материалами), что другого выхода нет. Одобряю ваш шаг, присоединяюсь к вам, но, конечно, помочь вам более существенно лишен возможности…»[65] Сам же митр. Иосиф оставался пребывать в молитвенно-каноническом общении с Заместителем Патриаршего Местоблюстителя до февраля 1928 г.

7 января митр. Иосиф в письме в Ленинград вновь одобрил действия своих викариев: «… Для осуждения и обезвреживания последних действий митр. Сергия (Страгородского), про-

---

[62] Регельсон Л. Трагедия Русской Церкви 1917–1945. Париж, 1977. С. 135.

[63] За Христа пострадавшие. Гонения на Русскую Православную Церковь 1917–1956. Кн. 1: А-К. М., 1977. С. 521.

[64] Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве Высшей Церковной власти 1917–1943. М., 1994. С. 565.

[65] Иоанн (Снычев), митрополит. Церковные расколы в Русской Церкви 20-х и 30-х годов XX столетия – «Григорианский», «Ярославский», «Иосифлянский», «Викторианский» и другие. Их особенности и история. Сортавала, 1993. С. 171.

тивных духу и благу Св. Христовой Церкви, у нас, по нынешним обстоятельствам, не имеется других средств, кроме как решительный отход от него и игнорирование его распоряжений»[66].

Следует отметить, что Владыка с самого начала не был реальным руководителем движения, называвшегося его именем. Согласно протоколам его допросов (от 22, 30 сентября и 9 октября 1930 г.) митрополит говорил: «После назначения меня на Одесскую кафедру, я первое время хотел уйти на покой от всех дел, но в это время в Ленинграде появилась группа духовенства во главе с епископами Дмитрием (Любимовым), Сергием (Дружининым), священниками – называть в отдельности отказываюсь, – а главным образом, многочисленное количество верующих стало просить меня и потребовало остаться их руководителем, Ленинградским митрополитом, обещая мне, что они меня не будут ни в чем беспокоить, а сидеть в ссылке в Моденском монастыре и только быть их духовным руководителем. Первое время так и было… Постепенно я был втянут в церковный водоворот, и приходилось так или иначе реагировать на те события, которые развернулись вокруг этой новообразованной церковной группы. Дело мое, по которому я привлекаюсь, как мне представляется, зиждется на мнении обо мне как лидере особого течения в нашей Церкви, возникшего четыре года назад в связи с Декларацией митрополита Сергия, грубо нарушившего, по убеждению верующих, глубочайшие основы строя церковной жизни и управления. Это течение совершенно несправедливо окрещено “иосифлянами”, каковую несправедливость указывает и сам митроп. Сергий в переписке его с митрополитом Кириллом. Гораздо основательнее оно должно быть названо вообще “антисергианским”… Самое течение нашей группы возродилось на благоприятной почве злоупотреблений митрополита Сергия и независимо от каких бы то ни было личностей вызвало одновременно повсюду соответствующе сильную реакцию в церковных кругах без всякого моего участия и влияния. Более того, я сам значительно позднее втянут был в это течение, и не оно шло и идет за мною, а скорее я плетусь в хвосте за ним, не сочувствуя многим его уклонам вправо и влево. И если бы даже уничтожить вовсе меня и мое участие в этом движении, оно безостановочно шло бы и пойдет дальше без малейшей надежды на полное искоренение… Никакими репрессиями со стороны Сов. власти наше движение не может быть уничтожено. Наши идеи, стойкость в чистоте Православия пустили глубокие корни. Ложь митрополита Сергия в его интервью о том, что церкви закрываются по постановлениям верующих, очевидна каждому, даже неграмотному крестьянину… Не имея на местах духовного руководителя, с разных городов и местностей СССР приезжали к епископу Дмитрию за руководством, некоторые, возвращаясь с Ленинграда, заезжали ко мне, так просто повидать, так как по всем вопросам они получали руководство от епископа Дмитрия… Обращавшихся ко мне с теми или иными вопросами я направлял к епископу Дмитрию, прося его разрешить все вопросы…»[67]

Верность Заместителю Патриаршего Местоблюстителя сохранили лишь два ленинградских епископа: Николай (Ярушевич) и Сергий (Зенкевич). Четверо из восьми архиереев заняли двойственную позицию. Они не присоединились к оппозиции ей. Димитрия, однако не поминали в богослужениях имени митр. Сергия. Так, наместник Александро-Невской Лавры ей. Григорий (Лебедев), пользуясь древним правом ставропигии, которое имела Лавра, никому не подчинялся и поминал лишь Патриаршего Местоблюстителя митр. Петра. Некоторое время так же поступали архиеп. Гавриил (Воеводин) и епископы Серафим (Протопопов) и Стефан (Вех).

2 февраля 1928 г. по поручению Синода митрополита Иосифа в Ростове посетили архиепископ Вологодский Сильвестр и архиепископ Самарский Анатолий. Им Владыка сделал

---

[66] Регельсон Л. Указ. соч. С. 447, 448.

[67] См.: Осипова И.И. История «Истинно-Православной Церкви» по материалам следственного дела // Ежегодная Богословская конференция Православного Свято-Тихоновского Богословского института: Материалы 1992–1996 гг. М., 1996. С. 375–376; «Я иду только за Христом…» Митрополит Иосиф (Петровых), 1930 год / Публ. А. Мазырина // Богословский сборник ПСТБИ. 2002. № 9. С. 376–424.

заявление об отделении от митрополита Сергия (Страгородского), а 24 января/б февраля официально подписал акт отхода от митр. Сергия в составе группы архиереев Ярославской епархии. В этот же день появилась его резолюция о согласии возглавить отделившихся от митр. Сергия в Ленинградской епархии: «Митрополит Ярославский Агафангел с прочими епископами Ярославской церковной области отделились также от митр. Сергия и объявили себя самостоятельными в управлении вверенными им паствами, к чему я присоединил свой голос. По сему благому примеру нахожу благовременным открыто благословить подобное же правильное отделение части ленинградского духовенства со своими паствами. Согласен на просьбу возглавить это движение своим духовным руководством и молитвенным общением и попечением; готов не отказать в том же и другим, желающим последовать доброму решению ревнителей Христовой Истины. Молю Господа, да сохранит всех нас в единомыслии и святой твердости духа в переживаемом Церковью новом испытании»[68].

В новом послании к ленинградской пастве от 8 февраля митр. Иосиф сообщил о переходе на самоуправление митр. Агафангела (Преображенского) и трех его викариев, а также что он, приняв в этом участие, признает тем самым прежние распоряжения митр. Сергия и его Синода не имеющими силы, требует канонически правильного решения судом епископов вопроса о переводе и до этого суда не считает себя вправе предоставлять вверенную ему паству произволу церковных администраторов, не пользующихся доверием; поручает временное управление епархией ей. Димитрию и просит ей. Григория в качестве его наместника продолжать управление Александро-Невской Лаврой, призывая возносить свое имя за богослужением, несмотря на невозможность для него приехать в Ленинград[69].

Особенно ярко и аргументированно Владыка Иосиф высказал свою церковную позицию в февральском 1928 г. письме к известному ленинградскому архимандриту Льву (Егорову): «Дорогой отче! До последнего времени я думал, что мой спор с Митрополитом Сергием окончен и что, отказавшись дать принести себя в жертву грубой политике, интриганству и происках врагов и предателей Церкви, я смогу отойти спокойно в сторону, добровольно принеся себя в жертву протеста и борьбы против этой гнусной политики и произвола. Я был совершенно искренен, когда думал и говорил, что “ни на какой раскол я не пойду и подчинюсь беззаконной расправе со мной – вплоть до запрещения и отлучения, уповая на одну правду Божию”. Но оказалось, что жизнь церковная стоит не на точке замерзания, а клокочет и пенится выше точки простого кипения. Мое маленькое “дело” вскоре оказалось лишь малой крупицей столь чудовищного произвола, человекоугодничества и предательства Церкви интересам безбожия и разрушения этой Церкви, что мне осталось удивляться отселе не только одному своему покою и терпению, но теперь уже приходится удивляться и равнодушию и слепоте тех и других, которые еще полагают, что попустители и творцы этого безобразия творят дело Божие… Может быть, я терпел бы и это. Моя-де хата с краю, как теперь Ваша. Но, дорогой Отче, я вдруг с особой болью стал чувствовать себя в значительной мере ответственным за нечестия Церкви. Ведь как Вам небезызвестно, я один из

Заместителей Патриаршего Местоблюстителя, который связан страдальческим долгом не просто заменить арестованного предшественника, но быть ему и свободным предостережением на случай замены при возможности его духовного падения… Погодите, придет – мы надеемся – время, когда будут говорить о наших событиях и перед судом. И кто тогда будет более обвиняемым, еще большой вопрос. А пока дело обстоит так: мы не даем Церкви в жертву и расправу предателям и гнусным политиканам и агентам безбожия и разрушения. И этим протестом не сами откалываемся от Нее, а их откалываем от себя и дерзновенно говорим: не только не выходили, не выходим и никогда не выйдем из недр истинной Православной Церкви,

[68] Польский М., протопресвитер. Новые мученики российские. Т. 2. Джорданвилл, 1957. С. 8.

[69] Там же. С. 8–9.

а врагами Ее, предателями и убийцами Ее считаем тех, кто не с нами и за нас, а против нас. Не мы уходим в раскол, не подчиняясь Митр. Сергию, а вы, ему послушные, идете за ним в пропасть Церковного осуждения. Мы зовем вас и укрепляем ваши силы на борьбу за независимость Церкви, только совсем не так, как вы полагаете должным: не согласием с поработителями этой Церкви и убийцами Ее святой независимости, выявляющейся сейчас в Ее святом бесправии, а громким и решительным протестом против всякого соглашательства, лицемерных и лживых компромиссов и предательства Ее интересов интересам безбожного мракобесия и ожесточенной борьбы со Христом и его Церковью… Не судите же меня строго и четко усвойте следующее:

1. Я отнюдь не раскольник и зову не к расколу, а к очищению Церкви от сеющих истинный раскол и вызывающих его.

2. Указание другому его заблуждений и неправоты – не есть раскол, а, попросту говоря, введение в оглобли разнуздавшегося коня.

3. Отказ принять здравые упреки и указания есть действительно раскол и попрание истины.

4. В строении церковной жизни участники – не одни только верхушки, а все Тело Церковное, и раскольник тот, кто присваивает себе права, превышающие его полномочия, и от имени Церкви дерзает говорить то, что не разделяют остальные его собратия.

5. Таким раскольником показал себя митр. Сергий, далеко превысив свои полномочия, и отвергнув, и презрев голос многих других святителей, в среде коих и сохраняется чистая истина»[70].

Следует упомянуть, что в начале февраля к митр. Иосифу в Ростов ездили из северной столицы влиятельные протоиереи Василий Верюжский и Иоанн Никитин с целью взять благословение Владыки на отход от митр. Сергия и продолжение священнослужения, несмотря на запрещение заместителя местоблюстителя. Кроме того, к митрополиту Иосифу приезжал профессор М.А. Новоселов с письмом от епископа Димитрия (Любимова), который просил Владыку стать каноническим главой нового, идущего против Сергиевской декларации течения.

Митр. Иосиф, взяв на себя руководство отделившимися от митр. Сергия, пытался объединить ярославскую группу с ленинградскими иосифлянами, но митрополит Агафангел решил управлять самостоятельно, без какого бы то ни было слияния с другими оппозициями, а уже 16 мая 1928 г. частично примирился с митр. Сергием. Пик влияния иосифлян пришелся на первую половину 1928 г., тем не менее далеко не все «непоминающие» открыто присоединились к ним[71].

За акт официального отделения от митр. Сергия власти из Ростова, где Владыка Иосиф проживал с сентября предыдущего года, заменяя поначалу отсутствующего архиерея, 29 февраля 1928 г. выслали его обратно в Николо-Моденский монастырь. Это существенно осложнило руководство набиравшим силу иосифлянским движением или – как его позднее стали называть – Истинно-Православной Церковью. Данный термин ввел сам митрополит Петроградский, употребив его в 1928 г. в одном из своих писем. По пути в Николо-Моденский монастырь Владыка Иосиф «по делу ликвидации личного имущества» заезжал в Ленинград, где, согласно сообщению местного Полномочного Представительства ОГПУ, «убеждал всех крепко стоять за него, ни в каком случае не каяться перед митрополитом Сергием (наоборот, говорил Иосиф, митрополит Сергий должен перед нами каяться). “Пусть я буду сослан, казнен, – говорил Иосиф, – но не покину тех, кто идет за мной»[72].

---

[70] Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области, ф. 9323, оп. 2, д. П-24705, т. 7, лл. 83–84.

[71] Шкаровский М.В. Иосифлянство: течение в Русской Православной Церкви. СПб., 1999. С. 19.

[72] «Сов. секретно. Срочно. Лично. Тов. Тучкову» и не только ему. Донесения из Ленинграда в Москву, 1928–1930 годы / Публ. А. Мазырина // Богословский сборник ПСТБИ. 2003. № 11. С. 336.

Согласно другому свидетельству агентов ОГПУ, во время посещения Ленинграда Владыка дал своим сторонникам указания: «Двадцатки создавать из надежных, проверенных лиц, отрицательно относиться к лицам, приходящим в организацию из обновленцев и сергиевцев, так как оттуда возможна провокация»[73].

Стремясь овладеть ситуацией, митр. Сергий 10 февраля назначил в «северную столицу» митрополита Серафима (Чичагова), что, однако, не погасило страсти. Новый архиерей захотел поставить перед Тучковым в качестве условия своего приезда в Ленинград «недопущение туда митр. Иосифа». Наконец, Синод прибег к более жестким мерам и своим решением от 27 марта уволил с кафедр и запретил в священнослужении митр. Иосифа и единомысленных с ним епископов. По словам митр. Иоанна (Снычева), «все указанные архиереи… решительно пренебрегли запрещением и продолжали служить и управлять епархиями». В середине апреля митр. Иосиф письмом просил Е. Тучкова снять с него обвинения и допустить в Ленинград. Это была его последняя попытка апелляции к властям[74].

Епископ Димитрий (Любимов), ставший после ссылки митр. Иосифа в феврале 1928 г. практическим руководителем движения, был признан в этом качестве многими противниками митр. Сергия. Весной 1928 г. он лично окормлял иосифлянские приходы на Северо-Западе России, частично на Украине, Кубани, в Ставрополье, Московской, Тверской, Вятской, Витебской и др. епархиях. А в январе 1929 г. Владыка Иосиф возвел своего викария в сан архиепископа. Вскоре митрополиту стало ясно, что для завоевания высшей церковной власти в существующей Патриаршей Церкви нужна сплоченная, хорошо организованная сила. Он даже хотел провозгласить себя Заместителем Патриаршего Местоблюстителя, но ей. Димитрий отговорил Владыку от подобного шага[75].

До тех пор, пока митр. Иосиф жил в Николо-Моденском монастыре, с ним можно было поддерживать регулярные и обширные контакты. К Владыке постоянно ездили курьеры, привозившие ему известия о событиях, указы на подпись, материальную помощь и увозившие с собой практические указания, письма, разъяснения и архипастырские советы. Так, в материалах следственного дела архиеп. Димитрия и его сподвижников, 1930 г., сохранилось несколько писем митрополита прот. Николаю Прозорову. В одном из них летом 1928 г. Владыка писал: «Возможности возвращения в Ленинград я не верю и этим не ослабляюсь, а даже укрепляюсь больше в решимости стоять за правое дело. Чем меньше тут моего личного благополучия и заинтересованности, тем лучше для дела».

Еще более выразительно другое письмо о. Николаю (также 1928 г.): «Принеся себя в жертву за всех вас, я всецело в вашей зависимости. Ваша верность, твердость и ревность – моя жизнь, сила и спасение. Ваша измена, расслабление и равнодушие – моя гибель, мое поражение и уничтожение. Некто из нынешних сказал: “Народ пойдет за "белым клобуком". Личность тут ни при чем…” Жизнь должна испробовать этот взгляд на деле. Если “легализовавшиеся” восторжествуют всецело, как уронится этим “народ”! Если же этого не случится, как он поднимется и еще в наших страдальческих глазах! Мы убедимся тогда, что стоило страдать за этот народ, и не тяжки будут за него эти страдания». А в одном из писем 1929 г. митрополит писал протоиерею: «Знакомы ли Вы с “Беседой двух друзей”?

Это интересная вещь. Говорят, она была в Питере. Познакомлю Вас со свежими событиями моего уединения. По счастливой случайности свидетельницей их оказалась мать Анастасия, которая дополнит, пояснит Вам многое, чего не уместить на страницах бумаги…»

Особый интерес представляет обращение прот. Н. Прозорова с просьбой ответить на вопросы, выдвинутые пастырями Пензенской епархии из присоединившихся к иосифлянам

---

[73] АУФСБ СПб Л О, ф. арх. – след. дел, д. П-78806, т. 2, л. 483.

[74] Антонов В. Указ. соч. С. 51.

[75] Польский М. Указ. соч. Т. 2. С. 2.

приходов, и ответы митр. Иосифа от 22 февраля 1929 г. Сергианских священников Владыка предлагал принимать в сущем сане (в случае хиротонии без нарушения церковных правил) с покаянием и епитимией в виде временного воздержания от священствования от двух недель до месяца. На вопрос же, нужно ли помазывать ев. миром крещеных обновленцев и сергиан, митрополит ответил: «Обновленческих – да, помазывать ев. миром, но сергианских – пока нет! ибо они – сергиане по недоразумению, в стадии происходящего еще разрешения этого дела»[76].

Первые два года ссылки надзор не был очень строгим и не сильно ограничивал жизнь митр. Иосифа в обители. Он жил в келлии со спаленкой, окна которой выходили во двор на храм, принимал приезжавших и паломников, духовных детей, родственников, многочисленных посетителей. Добраться до монастыря летом можно было лишь пароходами «Гаршин» и «Златовратский». В ссылке Владыка развел сад и выращивал даже розы. С детства привычный к любому труду, с истинно народной смекалкой и умением он научился чинить часы, чем зарабатывал на пропитание. Служить в трех храмах обители митр. Иосифу позволяли по великим праздникам. Но в сентябре 1929 г. две церкви, находившиеся в ограде монастыря, были закрыты, а часть насельников привлекли к суду.

В декабре 1929 г. после обыска и допроса в монастыре агентами ОГПУ, вызванного отлучкой Владыки в Ростов, митрополит составил рукопись, в которой бесстрашно обличал богоборцев: «Толковать с Вами – самое бесполезное и безнадежное дело. Мы никогда не столкуемся. Вы никогда не сделаете того, чего я хочу. Я никогда не сделаю того, что Вам нужно. Вам нужно уничтожение Христа, мне – Его процветание… По-вашему, мы – мракобесы, по-нашему вы – настоящие сыны тьмы и лжи… Вам доставляет удовольствие издеваться над религией и верующими, таскать по тюрьмам и гонять по ссылкам ее служителей. Нам кажется величайшей дикостью, позором из позоров XX века ваши насилия над свободой совести и религиозными убеждениями человечества… мы готовы на все мучения, но правды Христовой никогда не принесем в жертву осмеянию и мракобесию безбожия»[77].

Владыка Иосиф был арестован агентами Череповецкого ГПУ в своей келлии в Николо-Моденском монастыре 9 сентября 1930 г., перевезен сначала в ленинградский Дом предварительного заключения на Шпалерной ул. (ДПЗ), где больше трех месяцев подвергался усиленным допросам следователем Макаровым, а затем в конце декабря 1930 г. – в Москву, во внутреннюю тюрьму ОГПУ. На допросах архипастырь смело говорил о своих убеждениях и резко критиковал политику митр. Сергия и его сторонников: «Когда попытки сговориться с митроп[олитом] Сергием и склонить его на некоторые важные уступки, выраженные тогда в особом протесте, в составлении которого участвовал Абрамович-Барановский, остались тщетными, недовольные Сергием решились прервать с ним общение как с администратором и управляться в своей общине самостоятельно с зарегистрированными при храме Воскресения на Крови духовными руководителями, митрополитом Иосифом и епископом Дмитрием, которому и были мною переданы соответствующие полномочия.

Никакого другого оформления политического или церковного эта оппозиция не имела и не имеет, ограничивая себя чисто церковной деятельностью, чуждой гражданской политики, и вначале только лишь в тесном кружку одной общины, к которой вскоре же, однако, примкнул целый ряд др[угих] общин, как в самом Ленинграде, так и в других местностях Союза. Все эти общины объединялись одним духом протеста против антиканонических деяний митрополита Сергия и никакой документальной программы, общей и обязательной для всех, не имели. Их неписаный лозунг был – совершенное отрешение от светской политики в сторону только цер-

---

[76] Антонов В. Петроградские священномученики протоиерей Сергий Тихомиров и отец Николай Прозоров // Возвращение. 1996. № 1 (9). С. 19–20; АУФСБ СПб ЛО, ф. арх. – след. дел, д. П-78806, т. 2, л. 483, т. 4, лл. 106–111.

[77] Жития и жизнеописания новопрославленных Святых и Подвижников Благочестия, в Русской Православной Церкви просиявших (от царствования царя-мученика Николая II Александровича и до наших дней). СПб., 2001. С. 423–424; «Я иду только за Христом…» С. 387.

ковного дела. Целью было одно: религиозное утешение верующих в богослужениях по строго церковному, чуждому всяких новшеств чину, и как содействующее условие этому – устройство церковной жизни на строго церковных началах, выработанных правилами Вселенских Соборов, ближе пододвинутыми к условиям современной жизни постановлениями Поместного Собора 1917 года.

Мы до сих пор не знаем, за что сидят в ссылке митр[ополиты] Петр, Кирилл и др[угие] и все увеличиваются сроки их пребывания в ссылке, однако митрополит Сергий в своей Декларации осудил все духовенство и Церковь в нелояльности к Советской] власти. Радости Советской] власти не могут быть нашими общими радостями. Советская власть получает удовлетворение закрытием той или иной церкви, мы можем только иметь скорбь и не можем радоваться. В программе Советской] власти на первом месте поставлена борьба с религией как опиумом для народа, мы же считаем и всякое преследование духовенства и верующих преследованием религии и только можем выражать скорбь.

Как глава Церкви, прежде чем осудить заграничное духовенство, митрополит Сергий должен был учинить формальный церковный суд. И как глава Церкви он был не вправе в своей Декларации осудить огульно все духовенство. За политику церковный суд не судит, это дело гражданского суда. Связь с митр[ополитами] Петром, Кириллом, Агафангелом и другими лицами вначале была совершенно неощутительна. О митр[ополитах] Петре и Кирилле сергианцы даже пускали слухи, что они осуждают это новое течение, пускали в оборот письма, якобы с их одобрениями, чем смущали и колебали многих. Лично я получил письмо от митроп[олита] Серафима Чичагова, где он призывал меня образумиться, ссылаясь на то, что и митроп[олит] Кирилл, и все виднейшие иерархи на их стороне. В дальнейшем оказалось, что это была ложь, которая еще более оттолкнула от пользующихся столь негодными средствами…»

При этом митр. Иосиф также категорически опровергал попытки властей приписать иосифлянскому движению характер подпольной контрреволюционной организации: «Распространение антисергианских документов, в которых задевалась и Советская] власть, преступлением не считаю, этими документами мы критиковали слова и дела митрополита Сергия, его лакейский подход к Советской] власти в его церковной политике… Мне часто приходилось слышать “благие советы”: то идти за одним, то за другим. Зачем же непременно нам нужна человеческая кабала? Я иду только за Христом, по разумению своего какого ни на есть разума, и этого с меня довольно».

Митрополиту были предъявлены два основные обвинения – в руководстве контрреволюционной организацией и в создании монархическо-церковной группы. Оба они были Владыкой отвергнуты в заявлении на имя Ленинградского областного прокурора, поданном 15 ноября 1930 г. через начальника Ленинградского ДПЗ. 3 сентября 1931 г. митр. Иосиф по делу Всесоюзного центра «Истинное Православие» был приговорен Коллегией ОГПУ к 5 годам концлагеря с заменой высылкой в Казахстан на тот же срок[78].

В Ленинграде разгром сторонников митрополита Иосифа начался массовыми арестами в ноябре 1929 г. 17 ноября 1930 г., в ходе очередной атеистической кампании, был закрыт собор «Спас на Крови». Еще несколько крупных судебных процессов прошли над иосифлянами в 1931–1933 гг. Последний же легальный храм движения – Пресвятой Троицы в Лесном – перешел в Патриаршую Церковь только в 1943 г.

Митрополит Иосиф с 12 сентября 1931 г. жил в ссылке в г. Чимкенте Казахской ССР. В начале октября 1933 г. он послал ходатайство о досрочном освобождении по старости и болезни возглавлявшей Политический Красный Крест Е.П. Пешковой. Однако в конце ноября митрополита неожиданно конвоировали в г. Аулиэ-Ата, где, продержав 17 дней в заключении, объявили, что вскоре отправят отбывать срок ссылки в отдаленную дикую местность Нижний

[78] ЦГА СПб., ф. 7179, оп. 10, д. 290, лл. 447–470; «Я иду только за Христом…» С. 392, 396, 397, 424.

Талас. Затем, в ожидании подходящего транспорта, местная милиция выпустила Владыку временно жить на частной квартире в Аулиэ-Ате, и он 19 декабря отправил второе письмо Е.П. Пешковой с просьбой:

«1) Походатайствовать пред самим ВЦИКом о немедленном досрочном моем освобождении (на правах частной амнистии), так как силы и здоровье мое окончательно подорваны пережитыми ужасами голодовки и кошмарного заключения, и я сейчас еле держусь на ногах.

2) Если это ходатайство почему-либо не может быть удовлетворено, то нельзя ли разрешить оставшийся срок отбывать в одном из русских городов или селений где-либо около Вологды, Рыбинска или Костромы, как ближайших к месту моей родины (гор. Устюжна, в 200 верстах от Вологды), где, вблизи родных, я мог бы получать некоторую помощь, в которой чрезвычайно нуждаюсь»[79].

Пешкова смогла помочь митрополиту лишь частично, его не освободили и оставили в Казахстане, но разрешили вернуться в Чимкент (некоторое время митр. Иосиф работал бухгалтером на медном комбинате). В доме, где проживал Владыка, был устроен небольшой алтарь, и он ежедневно служил литургию. Митрополит постоянно поддерживал отношения с другими ссыльными противниками Заместителя Патриаршего Местоблюстителя и принимал посланцев из разных областей страны.

9 апреля 1935 г. митр. Иосиф был освобожден из ссылки, но оставлен на проживание в Казахстане (г. Мирзоян-Джамбул, ныне г. Тараз, ул. Рувимская, 43) без права выезда. Владыка совершал тайные службы в некоторых нелегальных общинах иосифлян, существовавших в различных населенных пунктах Казахстана. По свидетельству очевидцев, одна из таких подпольных церквей действовала в 1936–1937 гг. в Алма-Ате: «Архим. Арсений был рукоположен митрополитом и имел счастье содержать его материально… У него была глубоко под землей церковь, и он и митрополит Иосиф служили в ней. Митрополит и освятил ее секретно, изредка приезжая в Алма-Ату… Архим. Арсений устроил ему комнату для спокойной жизни, заботился о его еде, не только в сытости, но и соблюдением диеты. Достал ему сперва цитру, затем и фисгармонию, что для митрополита, большого музыканта, было радостью. Он перекладывал псалмы на музыку и пел. 23 сентября 1937 г. было арестовано везде, в окрестностях Алма-Аты, по Казахстану, все духовенство потаенных иосифлянских церквей, отбывавших вольную ссылку за непризнание “советской церкви”… Подземная церковь о. Арсения была открыта. По неосторожности он однажды открыл ее тайну одному с виду почтенному и пожилому человеку, который оказался чекистом…» Митрополит Иосиф осенью 1935 г. рукоположил во иеромонаха и позднее посвятил в сан архимандрита и подарил свою митру приезжавшего к нему в Мирзоян монаха Арсения (Корди). Пещерную церковь в Алма-Ате под домом на Транспортной ул., 44 Владыка освятил осенью 1936 г. и несколько раз тайно служил в ней[80].

Участница описываемых событий М.П. Бузина вспоминала: «Митрополит Иосиф был очень высокого роста, все же два раза при мне приезжал сюда и проникал в эту церковь, создавалось особое молитвенное настроение, но не скрою, что страх быть обнаруженным во время богослужения, особенно в ночное время, трудно было побороть. Когда большая цепная собака поднимала лай во дворе, хотя и глухо, но все же было слышно и под землей, то все ожидали окрика и стука НКВД. Молились мы в пещере с осени 1936 г.» Близкий духовный сын Владыки Иосифа тайный архимандрит Арсений (в миру Борис Григорьевич Корди), работавший художником-оформителем в Республиканском историческом музее, после ареста был приговорен к высшей мере наказания и расстрелян 16 ноября 1937 г. в Алма-Ате[81].

---

[79] Сообщено родственником митр. Иосифа М.С. Сахаровым.

[80] Польский М. Указ. соч. Т. 2. С. 1, 4.

[81] Катакомбная церковь в Алма-Ате // Веди. 2001. № 3–4. С. 12–14.

С января 1937 г. митр. Иосиф состоял в переписке с проживавшим в Чимкенте священномучеником митрополитом Казанским Кириллом (Смирновым), взгляды которого к тому времени претерпели заметную эволюцию. Первоначально митр. Кирилл занимал среди других «непоминающих» довольно мягкую позицию по отношению к митр. Сергию. Однако в ссылке он сблизился с иосифлянами и в письме к иеромонаху Леониду от 8 марта 1937 г. писал об «обновленческой природе сергианства», а также подчеркивал: «С митрополитом Иосифом я нахожусь в братском общении, благодарно оценивая то, что с его именно благословения был высказан от

Петроградской епархии первый протест против затеи м. Сергия и дано было всем предостережение в грядущей опасности»[82]. Переписка митрополитов велась через архимандрита Арсения (Корди), ссыльных священников Ветчинкина и Григория Сеницкого.

По рассказам племянницы Нины Алексеевны Китаевой, Владыка Иосиф жил на окраине Чимкента, на Полторацкой улице, около арыка, за которым простиралась нераспаханная степь. В небольшом казахском глинобитном доме он занимал комнату с верхним светом, обставленную очень скромно: в ней стоял грубо сколоченный стол, топчан, на котором спал митрополит, и пара стульев. Вставал Владыка в шесть утра и каждое утро один служил за аналоем, на который ставил небольшой резной складень. Кончив службу, он шел на базар за покупками, завтракал, немного отдыхал и садился читать. Книги ему присылали или давали местные ссыльные. Часто из России приходили с оказией посылки или деньги, поэтому митрополит жил не нуждаясь. Легального храма в городе не было. Ссыльные Владыку посещали редко, и беседовал он с ними, прогуливаясь в степи. Письма, как правило, присылались и отправлялись с доверенными людьми, наезжавшими в Чимкент. Хозяйство митрополита в 1931–1937 гг. вела монахиня Мария (в миру Мария Ивановна Коронатова), бывшая учительница в Устюжне, последовавшая за ним в ссылку и разделившая его судьбу. После ареста Владыки она также была схвачена агентами НКВД, в ноябре 1937 г. приговорена к 10 годам лагерей и в 1942 г. скончалась в заключении – в сельскохозяйственной колонии № 9 на ст. Чамолган Туркестано-Сибирской железной дороги[83].

Точная дата кончины архипастыря долго не была известна. Существует опубликованное свидетельство его племянницы Китаевой, что летом 1938 г. она с пятилетним сыном навещала Владыку в Чимкенте, и, таким образом, он погиб не раньше осени 1938 г.[84] Но человеческой памяти свойственно со временем ослабевать, что, видимо, произошло и в этом случае. Ставшие теперь доступными документы следственного дела не оставляют места для сомнений.

Митрополит Иосиф был арестован 24 июня 1937 г. Мирзояновским районным отделом НКВД в г. Мирзояне и помещен в тюрьму г. Чимкента. При обыске у Владыки были изъяты: переписка (121 лист), фотографии, большое количество церковной литературы и 7 тыс. рублей, якобы предназначенных на контрреволюционную деятельность. Во время обыска митрополит вел себя спокойно и с достоинством, на предъявленном ему ордере Владыка написал: «Ордер читал и недоумеваю, почему нет санкции прокурора». По делу так называемого «Всероссийского контрреволюционного центра» вместе с митрополитом Иосифом проходили митрополит Кирилл (Смирнов) и епископ Евгений (Кобранов), также арестованные 24 июня. Всего же «за участие» в якобы возглавляемой ими «контрреволюционной организации церковников» были схвачены 64 человека. Владыка Иосиф дважды подвергался допросам – 14 и 23 июля. На первом допросе, несмотря на вероятные жестокие пытки (что было обычной практикой в то время), он признался только в том, что «возглавлял нелегальную религиозную организацию», а обвинение в антисоветской деятельности отверг. Протокол же второго допроса, из которого

[82] Справка Комитета национальной безопасности Республики Казахстан № 10/1-С-П от 9 апреля 1997 г.

[83] Антонов В. Священномученик митрополит Иосиф в Петрограде. С. 52.

[84] В 1938 году он был еще жив… // Возвращение. 1993. № 1. С. 26.

следует, что митрополит будто бы признал вину в контрреволюционной деятельности, резко отличается казенной стилистикой ответов от первого и, несомненно, представляет собой фальсифицированный документ. Вероятно, подложной является и подпись Владыки под ним, так как совершенно непохожа на первоначальную. От подписи в предъявленном ему обвинении митр. Иосиф отказался, и следователь был вынужден написать за него – «контрреволюционер»[85].

В сфабрикованном обвинительном заключении от 19 ноября 1937 г. говорилось: «Петровых Иосиф являлся заместителем Смирнова К. и, в случае ареста последнего, Петровых должен был возглавить к[онтр]р[еволюционную] деятельность организации. Помимо этого, Петровых проводил работу по концентрации к[онтр]р[еволюционных] сил церковников вокруг контрреволюционной] организации, вел новую вербовку членов и организовывал к[онтр]р[еволюционные] ячейки на местах… На территории Южно-Казахстанской области непосредственно им организована в г. Чимкенте контрреволюционная] ячейка из б[ывших] адм[инистративно] ссыльных попов и монашек, которая находилась под личным его руководством и члены которой репрессированы за контрреволюционную] деятельность и осуждены. Для развертывания контрреволюционной] деятельности среди населения им был завербован в г. Чимкенте авторитетный религиозник Руднев Николай, который готовился на руководящую контрреволюционную] работу в одну из контрреволюционных] ячеек»[86].

Во время пребывания в чимкентской тюрьме Владыки Иосиф и Кирилл имели возможность довольно частого общения. По свидетельству одного из репрессированных московских священников, «когда митрополитов Кирилла и Иосифа выпускали ежедневно на прогулку, то они всегда гуляли рядом, причем митрополит Иосиф был высокого роста, а, сравнительно с ним, коренастый митрополит Кирилл был маленького роста. Митрополиты, гуляя по кругу, всегда были заняты сосредоточенной беседой, очевидно, здесь, на открытом воздухе, их нельзя было подслушать. А за прогулкой митрополитов всегда следили с горы катакомбницы-монахини. Это было небезопасно. Надо было маскироваться, чтобы власти не заметили всей тайной сигнализации. А она сводилась к тому, что митрополиты давали им свое благословение в начале и в конце прогулки. Эту подробность я слышал от жителей Чимкента и в заключении, и на воле. Сейчас уже не осталось и следа от того домика, в котором содержались иерархи-исповедники. Его снесли, когда заметили, что это место пользуется особым почитанием со стороны верующих…»[87]

Заседанием Тройки Управления НКВД по Южно-Казахстанской области от 19 ноября 1937 г. митрополиты Иосиф и Кирилл (и с ними епископ Евгений) были приговорены к высшей мере наказания. Эти два духовных столпа Русской Церкви прославили Христа Бога своей мученической кончиной вечером накануне «Собора святого Архистратига Михаила и прочих Бесплотных Сил». 7/20 ноября 1937 г. их расстреляли и похоронили в местности, называемой Лисья Балка, под Чимкентом.

В эту ночь был проведен массовый расстрел священнослужителей и мирян, отбывавших ссылку в Южно-Казахстанской области. «Их вывели большой группой, около ста пятидесяти человек. Все – катакомбное духовенство, митрополитов с ними не вели. Их доставили позже машиной прямо на место расстрела… Здесь вся группа попросила взаимно друг у друга прощения. Все дали друг другу (кто успел) последнее целование. Митрополиты преподали всем благословение и “напутствие”. И, несмотря на строгость, все же оказался один свидетель расправы. Это был чабан, пастух овец, и он видел, как люди эти пали под пулями. Он свидетель-

[85] Журавский А.В. Указ. соч. С. 359–360; Архив Департамента Комитета национальной безопасности Республики Казахстан по Южно-Казахстанской области, ф. 1, д. 723, лл. 48–53.

[86] Там же, л. 157–162; Журавский А.В. Указ. соч. С. 601–613.

[87] Церковь Катакомбная на земле Российской // Православная жизнь. 2002. № 10. С. 17.

ствовал, что среди расстрелянных был один “большой мулла”. Это, несомненно, сказано о митрополите Иосифе, который выделялся своим огромным ростом…»[88] Из расстрелянных вместе с Владыкой новомучеников восемь были причислены на Юбилейном Архиерейском Соборе 2000 г. к лику святых.

Так закончился земной путь Владыки Иосифа. Но память о нем благоговейно хранят тысячи верующих – выходят статьи, снимаются документальные фильмы. Жизнь митрополита, человека бескомпромиссного и непреклонного, принявшего узы Христовы и смерть, вызывает в памяти слова Спасителя: «Верный в малом и во многом верен». Вместе с православным русским народом в жестокое время он испил чашу страданий и унижений до дна. Ныне Владыка Иосиф предстоит пред Престолом Божиим вкупе с другими мучениками, на крови которых созидается слава Церкви.

[88] Там же. С. 18.

Архиепископ Гдовский Димитрий (Любимов)

Архиепископ Димитрий (Любимов). Конец 1920-х гг.

Один из создателей и фактический руководитель иосифлянского движения в первые два года его существования Владыка Димитрий (в миру Дмитрий Гаврилович Любимов) родился 15/28 сентября 1857 г. в г. Ораниенбауме Петергофского уезда Санкт-Петербургской губернии в семье митрофорного протоиерея Гавриила Марковича Любимова (1820–1899), сподвижника св. о. Иоанна Кронштадтского. Отец Гавриил был известен как устроитель целого ряда богоугодных заведений, щедрый благотворитель, талантливый законоучитель и проповедник, а также храмоздатель, выстроивший 96 храмов в различных губерниях России. В честь него в начале XX века одна из улиц Ораниенбаума была названа Любимовской (ныне ул. Рубакина). Происходил род Любимовых из Тамбовской губернии[89]. Окончив в Петербурге в 1878 г. семи-

[89] Попов И.В. Ораниенбаумский пастырь – протоиерей Гавриил Любимов // С.-Петербургские епархиальные ведомости. 1995. № 14. С. 90–96.

нарию и в 1882 г. Духовную Академию, по первому разряду со степенью кандидата богословия, Дмитрий Гаврилович не сразу принял священный сан. 23 марта 1882 г. он был послан псаломщиком в Никольскую церковь при Российском посольстве в Штутгарте (Германия), где священником служил его старший брат Сергий, ставший затем настоятелем русского Никольского собора в Ницце (Франция).

Прослужив два года в Штутгарте, Д. Любимов возвратился в Ораниенбаум и 11 сентября 1884 г. определился преподавателем латинского языка в Ростовское Димитриевское Духовное училище. Через полтора года молодой учитель вступил в брак с дочерью потомственного почетного гражданина Агриппиной Ивановной Чистяковой. У них родилось четверо детей: дочери Вера (7 апреля 1888 г.), Анна (12 ноября 1891 г.) и Надежда (23 июня 1896 г.), а также сын Гавриил (8 октября 1893 г.). Однако трое младших детей, вероятно, умерли в младенчестве.

6 мая 1886 г. Д. Любимов был рукоположен во иерея в петербургском Исаакиевском соборе архиепископом Казанским и Свияжским Палладием (Раевым) и по прошению отца получил назначение в дворцовую Пантелеимоновскую церковь Ораниенбаума. Одновременно с 30 мая 1886 г. он работал законоучителем Ораниенбаумского городского училища. 5 сентября 1895 г. священник сменил своего отца на должности настоятеля главного храма Ораниенбаума – церкви св. Архангела Михаила. 16 августа 1898 г. о. Димитрий участвовал в освящении последнего «детища» прот. г. Любимова – построенной в Ораниенбаумском Градском лесу церкви во имя Божией Матери «Всех скорбящих Радосте». 12 сентября 1898 г. о. Димитрия перевели третьим священником в петербургскую Покровскую церковь, церковь в Большой Коломне, в которой он за три десятилетия последующего служения снискал большую любовь, авторитет у своих прихожан и получил многочисленные церковные награды. 14 мая 1903 г. о. Д. Любимов был возведен в сан протоиерея, 6 мая 1913 г. награжден палицей, а с 14 октября 1915 г. служил помощником благочинного IV округа Петрограда[90].

Лично знавший Владыку Димитрия церковный писатель А. Краснов-Левитин писал о нем: «До революции он был энергичным, деятельным пастырем, одним из руководителей Общества трезвости. В 1914 г. его постигло первое серьезное испытание: его единственная дочь, учившаяся в немецкой школе “Annenschule” вышла замуж за немецкого офицера и уехала с ним в Германию, а через несколько месяцев разразилась война. Отец с дочерью были разлучены навсегда. После революции, в голодные годы, от тифа умерла его жена. Отец Димитрий стал еще духовнее, еще преданнее Богу, еще молитвеннее. Во время обновленческого раскола он хранил непоколебимую преданность Церкви. Надо сказать, что Покровский храм имел особое значение в духовной жизни Питера. Причт этого храма отличался просвещенностью и энергией. Настоятелем был известный питерский протоиерей о. Василий Акимов – магистр богословия, окончивший, кроме Духовной Академии, университет. В прошлом – законоучитель созданной Победоносцевым образцовой Свято-Владимирской Духовной гимназии на Забалканском проспекте, пользовавшийся любовью своих учениц. Великолепный администратор и народный деятель. Вторым священником был популярнейший питерский протоиерей отец Николай Чепурин, высококультурный человек, биолог, получивший образование в Оксфорде, впоследствии окончивший Духовную Академию. Отец Димитрий был третьим священником этого храма. Окончив в свое время Петербургскую Академию по 1-му разряду, о. Димитрий был, пожалуй, популярен еще более, чем два его сослужителя, благодаря своей молитвенной ревности»[91].

---

[90] РГИА, ф. 805, оп. 1, д. 1540, л. 9-17; Туренский И.Д. Церковь Покрова Пресвятой Богородицы, что в Большой Коломне, в Санкт-Петербурге. СПб., 1912. С. 214–216; Антонов В.В. Священномученик архиепископ Димитрий и его сподвижники // Возвращение. 1999. № 12–13. С. 43–45.

[91] Краснов-Левитин А. Лихие годы 1925–1941. Париж, 1977. С. 102.

Впервые с советскими органами власти о. Д. Любимову пришлось столкнуться в 1919 г. 16 марта на общеприходском собрании он был избран в число 42 человек, уполномоченных подписать договор о принятии богослужебного имущества и здания церкви в «бесплатное и бессрочное пользование». Однако этот список не устроил отдел юстиции Петросовета, и по его требованию 30 ноября на новом собрании был избран приходской совет из 14 человек, в который снова вошел о. Димитрий. 13 декабря протоиерей в числе других членов совета подписал договор с представителем отдела юстиции[92].

Гораздо более серьезные потрясения произошли в 1922 г. 24 апреля о. Димитрию пришлось присутствовать на изъятии из Покровской церкви ценностей, а вскоре был арестован настоятель храма прот. В. Акимов (6 июля его приговорили к 3 годам заключения). 10 июля о. Димитрий на общеприходском собрании был избран председателем приходского совета и исполняющим обязанности настоятеля.

Одной из первых проблем, которую пришлось решать батюшке в качестве настоятеля, был введенный властями контроль за произнесением проповедей. С июля 1922 г. требовалось заранее подавать заявления о разрешении их произнесения. Протоиереи Д. Любимов и Н. Чепурин попытались бороться против такого порядка и 31 августа подали заявление в совет Центрального городского района: «Ввиду того, что проповедь, посвященная наставлению в вере и христианской нравственности, составляет неотъемлемую часть богослужения, без чего богослужение это оказывается неполным и лишенным значительной части своего смысла и наставления… Покровский причт просит совет ЦГР, в отмену ограничения его богослужебно-проповеднических прав, сделанных б. 2-м городским районом, разрешить ему постоянное беспрепятственное ведение духовных бесед за богослужениями в своем храме на общем, по законам РСФСР, основании». Со временем, хотя и не сразу, такое разрешение было получено[93].

Другой важнейшей проблемой являлась борьба с обновленцами, создавшими вскоре после ареста митр. Вениамина свое Епархиальное управление. Отец Димитрий отказался признать его власть и вошел в число основателей так называемой Петроградской автокефалии, которая в условиях отсутствия канонической власти в Русской Церкви самостоятельно боролась с обновленчеством. 26 августа авторитетная группа верующих подала в Петроградский губисполком заявление о регистрации «Православной Кафолической Церкви» г. Петрограда, а 1 сентября представила проект ее устава[94]. Однако власти не только не зарегистрировали новую организацию, но и попытались покончить с ней путем репрессий.

Летом 1922 г. о. Д. Любимов сблизился с группой священнослужителей и активных мирян города, собиравшихся на квартирах и обсуждавших вопросы борьбы с обновленцами и создания Петроградской автокефалии. Неосторожность и простодушие настоятеля Введенского храма о. Димитрия Кратирова имели для членов этой группы печальные последствия. 6 августа 1922 г. имевший коммунистические убеждения инженер-строитель Г.П. Снежков пришел во Введенскую церковь и обратился к настоятелю с просьбой отслужить молебен для больной жены. 19 августа после молебна священника угостили чаем. Не представляя, с кем имеет дело, о. Димитрий неправильно оценил молчаливое внимание хозяина и поделился с ним своими мыслями. На следующий день Снежков написал в ГПУ донос на священника: «Он после молебна за чаем развил агитацию, что бороться необходимо с советской властью путем сорганизовывания в подпольную организацию попов и прихожан – для свержения существующего государственного строя. Он заявил, что это уже воплощено в жизнь, и что подобного рода организация существует, и что она держится на строгой конспирации. Но что некоторые

[92] ЦГА СПб, ф. 7384, оп. 33, д. 254, лл. 13, 21–25.

[93] Там же, лл. 48, 59, 62, 112.

[94] Там же, ф. 1001, оп. 7, д. 22, лл. 3–3 об.

члены этой организации, не имея выдержки, выступили отдельно и уже высланы. Считаю, что этот гражданин, как вредный элемент, должен быть изъят из общества, которое нуждается в покое после гражданской войны и в мирном строительстве. Я его не считаю нужным скрывать от ГПУ и делаю это с полным сознанием своего гражданского долга перед народами РСФСР, и желал бы быть обвинителем на суде этих церковников».

Заявление Снежкова попало на благоприятную почву. В ГПУ как раз искали повод для разгрома зарождавшегося в Петроградской епархии движения сопротивления обновленцам. 5 сентября 1922 г. арестовали священника Д. Кратирова и в тот же день прот. Д. Любимова и еще 20 священников и мирян. Как выяснилось, о. Д. Кратиров Снежкова и его семью совершенно не знал и после молебна задержался не более чем на 10–15 минут. И по его словам, «никаких особых разговоров у нас там не было». На вопрос следователя, не говорил ли он там о существовании какой-либо подпольной организации, священник ответил: «Ни о какой подпольной организации и помина не было. И вообще, по моему личному мнению, таковой, в особенности среди церковников, и быть не может»[95].

Так же стойко вел себя и о. Д. Любимов. Протокол его единственного допроса от 6 сентября 1922 г. составлен в форме вопросов и ответов. На вопрос следователя, что протоиерею известно «о подпольной организации духовенства в Петрограде», батюшка заявил, что ни в каких организациях не состоит, об их существовании ему ничего не известно, и он полагает, что таковых вообще нет; при Покровском храме никакой самостоятельной организации также не существует, разве что церковный совет. Далее «диалог» продолжался следующим образом:

– Известно ли вам что-либо о существовании в Петрограде так называемого комитета помощи пострадавшему при изъятии церковных ценностей духовенству?

– О существовании такового мне ничего не известно, но частным образом мне известно, что в нашем приходе жертвовали прихожане на уплату судебных издержек по приговору суда над бывшим настоятелем нашей церкви Акимовым, который осужден трибуналом на три года, но как производился этот сбор и куда что отдавалось, я хорошо не припомню.

– Знаете ли вы лично священника Пищулина?

– Фамилию слыхал, но где служит, я лично не знаю. И еще раз добавляю, о существовании каких-либо организаций в Петрограде мне ничего не известно. Кроме того, добавляю, что мы, группа духовенства, количества точно не знаю, подавали заявление в Петрогубисполком об оставлении нас независимыми от «Живой церкви», ибо последнюю мы считаем неправославной и пастырей ее незаконными. Но я полагаю, что эта группа есть официальная[96].

В тот же день было вынесено официальное постановление о заключении о. Димитрия под стражу. Расследование оказалось недолгим и весьма поверхностным. Уже 13 сентября было составлено обвинительное заключение на 22 человека, которых обвинили в «антисоветской деятельности в рамках религиозного объединения». В этом документе говорилось о необходимости высылки арестованных лиц, «стоящих на особом учете как неблагонадежных в политическом отношении… для пресечения дальнейшей антисоветской деятельности». 14 сентября Петроградский губернский отдел ГПУ постановил в отношении трех лиц дело продолжить, а остальных 19 выслать на три года в различные отдаленные губернии, в том числе о. Д. Любимова – в Уральскую[97].

26 сентября осужденные были высланы из Петрограда, и в тот же день помощник начальника 6-го отделения секретного отдела ГПУ Чепурин в своем «Заключении» написал, что, «просмотрев следственные материалы и обвинительное заключение Петроградского губотдела ГПУ, по сему делу нашел: гражданин Любимов Д.Г…настроены против обновленческого

[95] АУФСБ СПб ЛО, ф. арх. – след. дел, д. П-89251, лл. 1-21.

[96] Там же, л. 114.

[97] Там же, лл. 194–196.

движения. На основании этого Петроградским губотделом ГПУ означенные лица как крайне неблагонадежные в политическом отношении 26 сентября с.г. были высланы из Петроградской губ. на три года каждый. Пищулин В.Ф., Казакевич Е.М., Пичугин П.Т., Никитин А.Н., Венустов В.А. – в Двинскую губ., Любимов Д.Г., Балыков П.П., Боголюбов Н.В., Устименко Ф.П., Тихомиров А.Н. – в Уральскую губ., Никольский А.П., Черняева Т.М., Курляндский А.Ф., Покровский В.А. – в Тюменскую губ., Афанасьев В.П., Гидаспов Д.Ф., Сербаринов Г.А., Вознесенский С.А., – в Оренбургскую губ.

А потому, принимая во внимание вышеизложенное, полагал бы высылку означенных выше лиц санкционировать, дело о них следствием прекратить и сдать в архив Петроградского губотдела ГПУ.

…Дело возникло на основании письма инженера Снежкова, который заявил, что он из беседы с одним попом Кратировым узнал, что петроградское духовенство для борьбы с советской властью организуется в нелегальные группы, члены которых для разрешения вопросов антисоветского характера собираются на конспиративных квартирах. Дальнейшим следствием факт нелегальных собраний означенных выше лиц установлен. Установлен также факт распространения ими ложных слухов, что якобы Соввласть печатает статьи в “Правде” и других органах о том, что, кто не признает “Живую церковь”, тот идет против власти и прочее, чем возмущали народ и создавали в нем настроение против обновленческого движения»[98].

С сентября 1922 г. о. Димитрий отбывал ссылку в казахском г. Уральске, но 27 декабря того же года Комиссия НКВД по административным высылкам постановила приговор Петроградского губотдела ГПУ в отношении батюшки и ряда других осужденных изменить на трехлетнюю высылку в Туркестан. В начале 1923 г. прот. Д. Любимова перевели в г. Теджен Закаспийской области (ныне Туркмения). В туркестанской ссылке его добровольно сопровождала Александра Георгиевна Куликова. Она родилась в 1899 г. в Кронштадте, работала портнихой, еще в молодости поступила прислугой в дом о. Димитрия, а когда он овдовел, вела хозяйство священника. Уже после возвращения в город на Неве, в 1925 г. она приняла монашеский постриг с именем Анастасия, а позднее и постриг в схиму. 26 сентября 1924 г. Особое Совещание при Коллегии ОГПУ постановило досрочно освободить 14 осужденных по делу петроградской группы духовенства, в том числе о. Димитрия. Фактически же он был освобожден 1 марта 1925 г. по распоряжению ГПУ г. Полторацка и, вернувшись домой, 31 марта явился в Ленинградское ГПУ, где получил вид на жительство[99].

К моменту возвращения о. Димитрия настоятелем Покровской церкви вновь служил освобожденный к тому времени из тюрьмы прот. Василий Акимов. 2 апреля президиум приходского совета с участием настоятеля, заслушав заявление о. Д. Любимова о зачислении его в состав причта храма, единогласно решил выполнить эту просьбу и в тот же день подал ходатайство о регистрации протоиерея в райисполком. 8–9 апреля и общее собрание «двадцатки» постановило принять о. Димитрия с жалованием по смете штатного протоиерея[100].

Меньше чем через год после возвращения из ссылки вдовый протоиерей был удостоен архиерейской хиротонии. По свидетельству О.М. Чельцова, принять епископство о. Димитрия убедил управлявший тогда Ленинградской епархией еп. Григорий (Лебедев). В декабре 1925 г. батюшка выехал в Нижний Новгород. Заместитель Патриаршего Местоблюстителя митр. Сергий (Страгородский) совершил его монашеский постриг и возвел в сан архимандрита. По просьбе принявшего постриг за ним сохранилось прежнее имя, только небесным покровителем вместо свт. Димитрия Ростовского стал великомученик Димитрий Солунский. 30 декабря 1925 г./ 12 января 1926 г. митр. Сергий и его сомолитвенники, в том числе еп.

[98] Там же, лл. 238–241.

[99] Там же, лл. 242, 286; ЦГА СПб., ф. 7384, оп. 33, д. 278, л. 51.

[100] Там же, лл. 49–50, 56.

Алексий (Буй), хиротонисали архим. Димитрия во епископа Гдовского, викария Ленинградской епархии. После возвращения в город св. Петра, судя по записям о. М. Чельцова, «еп. Димитрий на правах не столько епископа, сколько близко ставшего к Григорию человека, часто бывал у Григория, как и Григорий у него, и они… управляли епархией… Григорий как бы делил дела с Димитрием, предоставив последнему бракоразводные неприятности и отдаленные – Гдовский с Ладожским – уезды»[101].

Следует отметить, что епископы Димитрий и Григорий активно поддержали митр. Сергия в его конфликте с григорианским Временным Высшим Церковным Советом и 5 апреля 1926 г. написали суждение о канонической правомочности Заместителя Патриаршего Местоблюстителя и необходимости мер, предпринятых им в отношении организаторов григорианского раскола[102].

16 января 1926 г. «двадцатка» Покровского храма известила районный стол регистрации, что «Любимов возведен в сан епископа… и по-прежнему будет продолжать служение в нашей церкви». Авторитет Владыки среди прихожан существенно вырос. 22 сентября 1926 г. приходской совет постановил пригласить в престольный праздник Покрова Пресвятой Богородицы нового Ленинградского митрополита Иосифа (Петровых) для служения всенощной и поздней литургии вместе с еп. Димитрием и по предложению последнего, на торжественное богослужение – еще еп. Григория и архидиакона Евлогия из Александро-Невской Лавры. Как известно, митр. Иосиф был выслан в Ростов, и торжественное богослужение в церкви 14 октября совершили Владыки Димитрий, Григорий и Гавриил (Воеводин)[103].

Отношения еп. Димитрия с другими членами причта Покровской церкви стали портиться во второй половине 1927 года. Архим. Феодосий (Алмазов) писал позднее об этом периоде, характеризуя ленинградских архиереев: «…епископ Димитрий (Любимов), крайне правый. Доходами он пользовался от Покровской церкви, (впоследствии закрытой), занимая вторую вакансию при настоятеле протоиерее В. Акимове, никогда не говорившем проповедей, но бывшем профессором Богословского института, управлявшегося протоиереем Чуковым, потом закрытым. Попытка епископа Димитрия стать настоятелем Покровской церкви потерпела поражение. Протоиереи Акимов, Чепурин и Казанский (первый и третий уже в могиле) не уступили ему настоятельства, вопреки желанию народа»[104].

Конфликты с другими членами причта Покровской церкви у еп. Димитрия стали возникать после выхода 29 июля известной «Декларации 1927 г.» Уже в середине августа, по свидетельству Н.А. Мещерского, через него епископ Гдовский, прот. Александр Советов, схимон. Анастасия (Куликова) и еще несколько священнослужителей отправили высланному в Моденский монастырь митр. Иосифу послание с выражением своего несогласия с политикой Заместителя Патриаршего Местоблюстителя[105].

Впрочем, когда 28 августа временно управлявший в то время Петроградской епархией сторонник митр. Сергия епископ Петергофский Николай (Ярушевич) послал в административный отдел заявление с просьбой зарегистрировать Епархиальное управление, он включил в его состав, помимо себя, еп. Димитрия, ей. Серафима (Протопопова) и семь протоиереев в качестве временного совета. Из этих кандидатов три протоиерея (все будущие иосифляне) были отведены ОГПУ, а когда 14 ноября 1927 г. Леноблисполком, наконец, зарегистрировал Епархиальный совет, в нем не оказалось и еп. Димитрия[106].

---

[101] Прот. М.П. Чельцов. В чем причина церковной разрухи в 1920–1930 гг. /Публ. В. Антонова// Минувшее. Т. 17. М.-СПб., 1994. С. 438–439.

[102] Акты Святейшего Патриарха Тихона. С. 450–451.

[103] ЦГА СПб., ф. 7384, оп. 33, д. 278, лл. 116, 172, 190.

[104] Архим. Феодосий (Алмазов). Мои воспоминания (записки соловецкого узника). М., 1997. С. 69.

[105] Мещерский Н.А. На старости я сызнова живу: прошедшее проходит предо мною… Л., 1982. Рукопись. С. 10–11.

[106] «Сов. секретно. Срочно. Лично. Тов. Тучкову» и не только ему. Донесения из Ленинграда в Москву, 1928–1930 годы /

К этому времени отношения Владыки и еп. Николая резко обострились. Несмотря на указ от 13 сентября о переводе митр. Иосифа на Одесскую кафедру, еп. Димитрий постоянно поминал за богослужением митрополита и игнорировал распоряжения еп. Николая. После того как «двадцатка» Покровской церкви 14 октября пригласила на торжественное богослужение в престольный праздник епископа Петергофского, Владыка Димитрий не стал служить вместе с ним. Прот. М. Чельцов так написал об этом инциденте: «На Покров (1 октября ст. ст.) в храмовый праздник церкви, при которой он в течение многих лет священствовал и теперь епископствовал, он не служил, будучи вполне здоров и оставаясь в своей квартире. Отчего? Почему? Да потому, что Николая он поминать не хотел, но и Иосифа не мог ввиду распоряжения церковной власти и принятого причтом церкви решения. Ярко отмежевавши себя от Николая, Димитрий старается чаще служить в Лавре, где Николая не поминали»[107].

Заслушав доклад еп. Николая о ситуации в северной столице, митр. Сергий и Временный Синод 25 октября постановили подтвердить перевод митр. Иосифа на Одесскую кафедру, а «Преосвященным викариям Ленинградской епархии Димитрию и Серафиму предписать всякий выезд из пределов Ленинградской епархии с ведома и благословения времен, управл. Ленинградской епархией Преосвященного Николая и вообще находиться в должных к нему, как временно управляющему епархией, отношениях»[108].

Однако это постановление выполнено не было. Епископ Димитрий, «ничем доселе не проявлявший себя, активно и резко становится на защиту Иосифа и отказывается поминать Николая». Постепенно конфликт все более расширялся. В Ленинграде образовалось две церковных группы: еп. Николая (Ярушевича) и еп. Григория (Лебедева), который, по свидетельству о. М. Чельцова, «сам как-то не выставлялся, оставался как бы в тени, но все к нему сводилось и от него исходило. У него собирались некоторые из священников и мирян, его глазами смотрел и его словами говорил епископ Димитрий»[109].

24 ноября епископ Гдовский присутствовал на первом собрании руководителей оппозиционеров на квартире прот. Феодора Андреева, а через несколько дней уже на квартире Владыки Димитрия был заслушан текст обращения к митр. Сергию, который устроил далеко не всех. После бурной дискуссии на этом собрании было решено написать три новых послания к Заместителю Местоблюстителя с критикой курса его церковной политики. Одно из них – от шести викариев Ленинградской епархии, в числе других архиереев, подписал еп. Димитрий. Он же возглавил и знаменитую делегацию представителей духовенства и мирян северной столицы к митр. Сергию. Однако двухчасовая беседа с Заместителем Местоблюстителя 12 декабря не принесла желаемых результатов. Вот как рассказывал об обращении Владыки Димитрия к митр. Сергию участник этой беседы: «Епископ Димитрий, семидесятилетний старец, пал перед митрополитом на колени и со слезами в глазах сказал: “Владыко, во время моей хиротонии Вы сказали мне, чтобы я был верен Православной Церкви и в случае необходимости готов был и жизнь свою отдать за Христа. А Вы Вашей Декларацией вместо пути Голгофы предлагаете встать на путь сотрудничества с богоборческой властью, гонящей и хулящей Христа”. Но убедить митрополита сойти с пути компромиссной легализации Церкви и встать на путь Голгофы Владыке не удалось»[110].

Тяжело было епископу порывать с хиротонисавшим его архиереем, но религиозная совесть все же побудила его после возвращения из Москвы, взяв на себя инициативу, подпи-

---

Публ. А. Мазырина // Православный Свято Тихоновский Богословский институт. Богословский сборник. Вып. 10. М., 2002. С. 366.

[107] Прот. М.П. Чельцов. Указ соч. С. 461; ЦГА СПб., ф. 7384, оп. 33, д. 321, л. 50.

[108] Акты Святейшего Патриарха Тихона. С. 519.

[109] Прот. М.П. Чельцов. Указ. соч. С. 461.

[110] Жития и жизнеописания новопрославленных святых и подвижников благочестия, в Русской Православной Церкви просиявших / Авт. сост. М.Б. Данилушкин, М.Б. Данилушкина. Т. 1. СПб., 2001. С. 492.

сать 26 декабря вместе с еп. Сергием (Дружининым) акт отхода от Заместителя Местоблюстителя. В этот день еп. Димитрий на своей квартире объявил еп. Николаю (Ярушевичу) о том, что он и его единомышленники порывают молитвенное общение с митр. Сергием.

Вскоре после оглашения акта отхода в кафедральном соборе Воскресения Христова еп. Димитрий написал письмо духовенству ст. Сиверская (расположенной вблизи г. Гатчина) с обоснованием своего шага: «Вас смущает прежде всего то, что мы так долго не пор[ы]вали канонического общения с митрополитом Сергием, хотя и послание его, и дело митрополита Иосифа давно уже были перед нашими глазами. На сие ответствую так: последнее представлялось нам первоначально одним из обычных даже для Патриарха подтверждений о невмешательстве Церкви в дела гражданские. И нам пришлось изменить отношение к нему лишь тогда, когда обнаружилось, что послание начинает оказывать сильное влияние и на дела чисто церковные и искажать не только канонически, но даже и догматически лицо Церкви. Плоды его выявились не сразу, а самые крупные из них, по крайней мере, до сего времени, отразившиеся и в нашей епархии, следующие:

1. Закрепление Временного Синода, который, в сущности, не Синод, так как не представительствует совершенно лица Русской Церкви, а простая канцелярия, каковой первоначально представил его митрополит Сергий, закрепление его в качестве соуправляющего Заместителю органа, без которого уже ни одно решение не исходит от митрополита Сергия, что является незаконным и самочинным действием. Искажен самый патриарший образ управления Церковью.

2. Одновременно с таким самоограничением митрополита в своих правах является требование возносить имя его вместе с Местоблюстителем митрополитом Петром, что еще более искажает единоличную форму правления Церковью, установленную Собором 1917–1918 гг., да и вообще противно духу Св. Церкви, никогда не допускавшей на одно епископское место двух соуправителей или хотя бы именования двух имен с одинаковым значением.

3. Также незаконно и объясняемое, по словам митрополита Сергия, лишь гражданскими причинами массовое (до 40 случаев) перемещение епархиальных епископов.

4. Такую же цель принизить значение епископа для епархии имеют и учрежденные ныне епархиальные советы, под надзор которых будет попадать каждый вновь назначенный на епархию епископ.

5. Незаконно и требование, обращенное митрополитом Сергием к русским православным людям, помимо отношения внешней подчиненности к гражданской власти, которую они доблестно являли в течение десяти лет, не нарушая гражданского мира и не восставая против законов страны, не противоречащих христианской совести, – незаконное требование от них и внутреннего признания существующего строя, и общности, и радости, и печали с людьми, совершенно чуждыми и враждебными Церкви.

Таковы первые плоды, возросшие на почве послания; другие подрастают еще, и о них говорить преждевременно, но и явившихся оказалось достаточно для того, чтобы поставить пред совестью вопрос о дальнейшем отношении к митрополиту Сергию и его делу»[111].

30 декабря митр. Сергий и Временный Синод приняли постановление о запрещении Владыки Димитрия в служении. Вскоре епископу пришлось оставить свою «родную» Покровскую церковь. Еще 9 декабря ее «двадцатка» «признала себя входящей в юрисдикцию Митрополита Сергия» и постановила принять к исполнению новую формулу возношения за богослужением: «О Господине нашем Патриаршем Местоблюстителе Преосвященнейшем Митрополите Петре и Господине Преосвященнейшем Митрополите Сергии». Владыке Димитрию не удалось склонить на свою сторону основную часть причта и прихожан храма, и 1 января он и два приписных священника – Василий Тулин и Иоанн Быстреевский подали заявления об оставлении

[111] Акты Святейшего Патриарха Тихона. С. 540–541.

службы в Покровской церкви. 5 января «двадцатка», заслушав эти заявления, постановила просить епископа «отложить свое намерение выйти из состава Покровского причта и быть в единении со всею Православною Церковью». Однако 6-13 января приходской совет «вследствие ухода епископа Димитрия» покинули шесть его членов, а оставшиеся заняли непримиримую по отношению к иосифлянам позицию. 20 января «двадцатка» так написала в районный стол регистрации о выходе отделившихся от митр. Сергия из ее состава: «С этого момента они перестали быть нашими единоверцами и членами одного с нами исповедания». А 24 января приходской совет, заслушав новые заявления ей. Димитрия в свой адрес и на имя настоятеля, постановил считать Владыку «выбывшим из состава причта»[112].

С начала января кафедральным храмом епископа стал собор Воскресения Христова (Спас на Крови). На первой же службе в нем Владыка Димитрий произнес яркую проповедь, провозгласив, что «митрополит Иосиф, он, епископ Димитрий, и верное митрополиту Иосифу духовенство защищает чистоту Православной веры, что настало время каждому стать на страже веры, а если нужно, и пострадать за нее». Позже некоторые арестованные иосифляне на допросах покажут, что тогда же ей. Димитрий объяснял, что поминовение за богослужением богоборческой власти «по существу, сразу же уничтожает всю Церковь, никакое соотношение Церкви с советской властью невозможно, что Сергиевская Церковь – советская Церковь». Говоря о будущем истинного Православия, Владыка предупреждал прихожан о необходимости быть готовыми к тому, чтобы «уйти в подполье, рассеяться, укрыться от всякого контроля советской власти, а если существовать открыто, то – как организация, которая должна сопротивляться всем мероприятиям советской власти»[113].

Фактически с момента создания иосифлянского движения ей. Димитрий управлял оставшимися верными митр. Иосифу приходами Ленинградской епархии, хотя формально митрополит передал ему временное управление епархией 8 февраля 1928 г. Позднее, на допросе осенью 1930 г., Владыка Иосиф так описал эту ситуацию: «Ленинградская группа духовенства, опротестовавшая произвол м[итрополита] Сергия в моем перемещении и фактически уже отложившаяся от него, указала и мне на мой долг не покидать их на произвол судьбы и, если нет мне возможности и надежды быть в Ленинграде, все же не отнимать у них права считать меня их законным архипастырем. Непосредственное же управление может быть оставлено в руках ей. Димитрия, около к[отор]ого сплотилось отложившееся от Сергия духовенство. Так как это нисколько не изменяло и ничего не прибавляло к моему ростовскому ничегонеделанию, то я не видел для себя никакой опасности в попущении этого, и дальше как-то все пошло самотеком. Еп. Димитрию предоставлена была полная свобода управления до того, что он позволял себе действовать даже вопреки моим ожиданиям и определенно выраженным желаниям и советам. Я не претендовал в таких случаях, оправдывая такие поступки ей. Димитрия тем, что на месте ему виднее большая или меньшая целесообразность такого или иного решения. Во многих случаях, когда он спрашивал моего совета, я так и отвечал ему, предлагая на месте обсуждать дело с более опытными лицами из духовенства, если он не надеется на свой опыт и рассуждение. Более близко пришлось мне проявлять себя в делах лишь после ареста ей. Димитрия… Полнота прав, предоставленная епископу Димитрию (в силу, между прочим, и Ярославской декларации), позволяла ему, помимо моего участия, удовлетворять духовные запросы и нужды отдельных лиц не только Ленинградской епархии, но и других местностей. Отсюда и произошло то, что к нему ехали с этими нуждами и запросами отовсюду, где не было поблизости другого, пользовавшегося доверием, архиерея. Непосредственно ко мне ездить им

[112] ЦГА СПб., ф. 7384, оп. 33, д. 321, лл. 84, 88–90, 94, 100–103.

[113] Осипова И.И. «Сквозь огнь мучений и воду слез…» М., 1998. С. 52.

не было никакой надобности, чем и объясняется крайне незначительное количество таковых приездов и обращений»[114].

По некоторым сведениям, ей. Димитрий уже в январе 1928 г. объявил митр. Сергия безблагодатным и потребовал от своих сторонников немедленного разрыва молитвенного общения с ним. 4/17 января в качестве временно управляющего епархией епископ написал обращение «к отцам настоятелям»: «В ответ на прошение Ваше от 30.12 [ст. ст.], обращенное к моему недостоинству, ответствую, что с любовью приемлю Вас в свое молитвенное общение и архипастырское руководство и сам прошу усердно Ваших ев. молитв о мне, грешном, да даст нам Господь Бог, по богатству благодати Своей, пребыть верными Единой, Святой, Соборной и Апостольской Церкви, возглавляемыми в порядке земного церковного священноначалия Местоблюстителем Патриаршим Петром, Митрополитом Крутицким, впредь до того времени, как совершенный Поместный Собор Русской Церкви, представленный всем наличным епископатом, т. е. теперешними изгнанниками-исповедниками, не оправдает нашего образа действий своей соборной властью, или же до тех пор, пока сам митрополит Сергий, пришед в себя, не покается в том, что погрешил не только против канонического строя Церкви, но и догматически против ее лица, похулив святость подвига ее исповедников подозрением в нечистоте их христианских убеждений, смешанных якобы с политикой, соборность – своими и синодскими насильственными действиями, апостольство – подчинением Церкви мирским порядкам и внутренним (при сохранении ложного единения) разрывом с митрополитом Петром, не уполномочившим митрополита Сергия на его последние деяния, начиная посланием от 16 (29) июля с.г. “Тем же убо, братие, стойте и держите предания”»[115].

Уже в первый месяц после отделения от митр. Сергия Владыка Димитрий предпринял энергичные усилия по распространению движения сопротивления политике Заместителя Местоблюстителя в целом ряде епархий – Московской, Воронежской, Новгородской, Псковской и др. Известно, что он даже посылал своего послушника Сергия в Соловецкий лагерь, стремясь заручиться поддержкой «Соловецкого епископата», но заключенные архиереи в беседе с послушником осудили действия ей. Димитрия[116], и лишь ей. Нектарий (Трезвинский) 8 февраля 1928 г. присоединился к иосифлянам.

В качестве ответной меры митр. Сергий и Временный Синод 25 января приняли постановление о раздорнической деятельности епископов Димитрия и Сергия: «1. Принимая во внимание, что Преосвященный Гдовский Димитрий не подчинился постановлениям Заместителя Патриаршего Местоблюстителя и Временного Патриаршего Священного Синода и не только служит в состоянии запрещения, но и продолжает чинить смуту и раскол, распространяя среди верующих клевету на Высшую Церковную Власть, якобы она уже уклонилась от православия, призывает народ порвать молитвенно-каноническое общение как с законным Заместителем Патриаршего Местоблюстителя, так и единомышленными с ним епископами, при этом епископ Димитрий и его единомышленники называют храмы, где поминают Митрополита Сергия, “[ново]обновленческими храмами”, православных пастырей – безблагодатными.

2. В своем ослеплении расколом епископ Димитрий дошел до такого безумия, что один из православных храмов (Спаса на водах) публично назвал храмом сатаны, и на основании 28-го и 34-го правил Святых Апостолов, 13, 14, 15-го правил Двукратного Собора, 38-го правила Карфагенского Собора Преосвященного Димитрия уволить от управления Гдовским викариатством на покой, с оставлением под запрещением в священнослужении и предать его за учи-

[114] «Я иду только за Христом…» С. 409–410.

[115] Акты Святейшего Патриарха Тихона. С. 560–561.

[116] Митр. Иоанн (Снычев). Церковные расколы. С. 195.

нение церковного раскола, с одной стороны, и за служение в состоянии запрещения – с другой, каноническому суду православных епископов»[117].

Это постановление, подтвержденное еще раз 27 марта 1928 г., не содержало ничего принципиально нового по сравнению с постановлением от 30 декабря и было также проигнорировано еп. Димитрием. Впрочем, на одно ложное обвинение Владыка ответил «опровержением клеветы» в обращении ко «всем чадам Православной Церкви»: «В январе месяце сего года я получил указ от м. Сергия и его Синода, запрещающий мне священнослужение. В нем было сказано, что я дошел до такого безумия, что одну церковь – храм “Спаса на водах” публично назвал “храмом сатаны”. Недавно был прислан 2-ой указ, в котором повторяется это обвинение. Вероятно, с какою-либо целью это обвинение было связано с церковью, которая особенно была близка моему сердцу. Свидетельствую моею архиерейскою совестью, что ни в частной беседе, ни публично я таких слов не произносил. Указ рассылается повсеместно, и найдутся люди, которые поверят этой клевете и соблазнятся. Будем молиться, чтобы Господь охранил слабых, колеблющихся людей от соблазна, а тех, которые прибегают к такой клевете, вразумил и наставил на истинный путь»[118].

Это опровержение епископ высказал и устно в день Вознесения Господня после литургии в соборе Воскресения Христова. Как известно из архивных документов, община храма «Спаса на водах» в 1928 г. была «непоминающей», оппозиционной митр. Сергию, и оскорблять ее, хотя бы по этой причине, Владыка Димитрий действительно не мог. 8 марта в северную столицу прибыл Владыка Серафим (Чичагов) назначенный Заместителем Местоблюстителя митрополитом Ленинградским. Он сразу же послал пригласительное письмо еп. Димитрию, но тот письма не принял, заявив, что знает только Ленинградского митрополита Иосифа, заместителем которого является[119].

Весной 1928 г. Владыка Димитрий был признан в качестве руководителя оппозиционного митр. Сергию движения многими «непоминающими» в различных районах страны. В это время епископ непосредственно окормлял иосифлянские приходы на Северо-Западе России, частично на Украине, Кубани, в Ставрополье, в Московской, Тверской, Витебской епархиях, а также, после ареста 4 апреля еп. Виктора, викториан Вятской губернии и Удмуртии. С осени 1928 г. он начал совершать хиротонии тайных епископов для других епархий, в частности 2 октября вместе с еп. Сергием (Дружининым) хиротонисал во епископа Серпуховского Максима (Жижиленко).

Владыка Димитрий вел обширную переписку не только со своими сторонниками, но и с противниками. Так, весной 1928 г. он написал письмо с обоснованием своей позиции поддерживавшему митр. Сергия известному ленинградскому архимандриту Льву (Егорову), а 1 июля того же года послал обширное ответное письмо еп. Иннокентию (Тихонову). При этом архиепископ Гдовский часто служил в различных иосифлянских храмах своей епархии и посещал дома и квартиры своих последователей, в частности, неоднократно приезжал в Гатчину к схимонахине Марии (Леляновой)[120].

Согласно показаниям арестованных иосифлян, в собор Воскресения Христова с начала 1928 г. стали стекаться священники, лишенные приходов по указанию митр. Сергия, насельники закрытых монастырей, богомольцы, странники, юродивые, и все они подходили под благословение и причащение к Владыке Димитрию. Воссоединение же приезжавшего духовенства происходило не в храме, а на квартирах членов причта. После личной беседы архиепископ давал «приезжающему из разных мест высшему духовенству право принимать в общение свя-

[117] Акты Святейшего Патриарха Тихона. С. 565.

[118] Китеж. С. 178–179.

[119] Митр. Иоанн (Снычев). Церковные расколы. С. 186.

[120] Там же. С. 209, 229.

щенников через исповедь, освобождая их от необходимости лично приезжать в Ленинград». Клирики, после разговора с Владыкой, «испытывались через исповедь в стойкости идей ИПЦ у духовника Никитина в храме “Воскресения на Крови”, посвящались и, получив литературу и наставления самим твердо стоять в ИПЦ и воспитывать массы, уезжали на места».

Многие обвиняемые рассказывали о стремлении иосифлян использовать для распространения своего влияния в стране, прежде всего, старое монашество и тайное новое. На собраниях духовенства архиеп. Димитрий говорил, что монахи – «наша опора, так как, будучи враждебно настроены против советской власти за разоренные монастыри и подворья, они не меньше нашего ненавидят советскую власть и ждут ее погибели. Они помогут нам разъяснять верующим, что только мы стоим на защите истинного Православия». Владыка возлагал большие надежды на молодых, тайно постриженных монахов и монахинь – именно их посылали с воззваниями и листовками в различные епархии. Принимая в молитвенное общение приезжавших в Ленинград священнослужителей, архиеп. Димитрий разъяснял, что не следует гнаться за количеством прихожан, гораздо важнее, «чтобы наши сторонники держались крепко, ничего не боясь». Приезжали к Владыке в Ленинград и присоединившиеся к иосифлянскому движению архиереи: епископы Варлаам (Лазаренко), Иоасаф (Попов), Алексий (Буй) и Николай (Голубев).

Расширению влияния иосифлян в провинции способствовало принятие в молитвенное общение различных групп «полусектантов», в частности, стефановцев и иоаннитов, которых Владыка Димитрий особенно ценил. Осенью 1930 г. на допросе ей. Василий (Докторов) показал: «Первое время немалое смущение в рядах нашей организации было то, что епископ Димитрий (Любимов) благоволил иоаннитам. Священник Ф. Андреев был особенно против того, чтобы иоанниты приходили причащаться, отталкивая их от чаши, считая их неправославными за то, что они, иоанниты, Иоанна Кронштадтского считают за Бога. Епископ Димитрий (Любимов) отрицал возводимое на иоаннитов такое обвинение и говорил, что они являются стойкими борцами за истинное Православие, ведут праведную жизнь и так же, как и мы, ненавидят советскую власть, и отталкивать их от себя не следует… Доверяясь всецело епископу Димитрию (Любимову) и наблюдая за тем, что иоанниты своей преданностью Церкви, своей горячей верой в Бога помогают нам вести борьбу с врагами Церкви Христовой, распространяют через своих книгоношей не только религиозно-нравственные брошюры и книги, но и брошюры в защиту нашей организации, я считал и считаю, что из их среды могут быть стойкие Православию пастыри, и обращающихся ко мне с просьбой посвятить их в иеромонахи посвящал тайно у себя на квартире»[121].

Ближайшими помощниками Владыки были протоиерей Феодор Андреев и профессор М.А. Новоселов. Позднее некоторые арестованные иосифляне на допросах показали, что «антисоветский характер политики Дмитрия в значительной мере объясняется влиянием Новоселова», а один свидетель даже утверждал, что «Новоселов руководил епископом Дмитрием Гдовским». Впрочем, вполне вероятно, что подобные показания были инициированы агентами ОГПУ. При этом сам архиеп. Димитрий на допросе подтвердил, что к словам ей. Марка (Новоселова) относился с большим вниманием, считая, что тот в церковных вопросах разбирается лучше. Позже, отвечая на обвинение в подготовке вооруженной борьбы с советской властью, архиепископ пояснял, что «установку нашу, т. е. необходимость, в случае надобности “пострадать до крови”, надо понимать в смысле мученичества»[122].

Со временем среди руководителей движения обозначились две группы – более радикальная и относительно умеренная. Во второй половине 1928 г. отношения членов причта и Владыки Димитрия изменились, его решительность и бескомпромиссность стали смущать неко-

[121] АУФСБ СПб. ЛО, ф. арх. след. дел, д. П 77463, т. 4, л. 239.

[122] Осипова И.И. Указ. соч. С. 35–37; АУФСБ СПб. ЛО, ф. арх. след. дел, д. П 78806, т. 1, лл. 83–85.

торых клириков. По мнению прот. Василия Верюжского, «причина изменений заключалась в том, что архиеп. Димитрий как бы становился на место митр. Иосифа, затеняя собою до некоторой степени даже личность самого митр. Иосифа и совершенно почти его отстраняя». Часть иосифлян возмущало и то, что активные помощники архиепископа, в том числе иоанниты, «склонны были смотреть на него, как на единственного истинно-православного епископа, считая других недостаточно твердыми». К 1929 г. началось расхождение в руководстве иосифлян, что позднее подтвердил на допросе один из обвиняемых по делу Истинно-Православной Церкви, показав, что одна часть – «архиеп. Димитрий, Николай Прозоров и др. – была наиболее непримирима по отношению к митр. Сергию и его Декларации, другая часть – ей. Сергий Нарвский, прот. Верюжский и другие – держались более умеренных взглядов, склоняющихся к взглядам митр. Кирилла (Смирнова)»[123].

При этом разделения групп не произошло. Принадлежавший к умеренной части митр. Иосиф всегда оставался для Владыки Димитрия духовным авторитетом, и он нередко следовал его советам. Сам митрополит на допросах 27 сентября и 9 октября 1930 г. говорил: «Первое время епископ Димитрий являлся моим заместителем только по Ленинградской епархии, но впоследствии, когда антисергианское течение разрослось далеко за пределы Ленинградской епархии, я не мог ему запретить, да и сам с ним был согласен в том, чтобы всем обращающимся к нему за руководством он давал советы. Сам епископ Димитрий по всем вопросам меня ставил в известность, спрашивая у меня как у своего митрополита советов и руководства…. Мой заместитель архиепископ Димитрий Любимов, через монахиню Анастасию Куликову, запросил меня, как ему быть и поступать с вновь вступающими в нашу организацию. На этот запрос я через Куликову же дал указание, чтобы архиепископ Димитрий в приеме новых лиц, как из духовенства, так и из мирян был бы крайне осторожным, остерегался провокации. Тут же я ему писал, чтобы ни в коем случае не прекращать поминовение митр. Петра, так как это свидетельствует массам о нашем единении с митр. Петром. Писал ему, что если по этому вопросу будет какое-либо “давление” извне, то, не боясь никаких репрессий, твердо стоять на своем. Предупреждал еп. Димитрия, чтобы он строго следил за тем, чтобы каждая двадцатка представляла из себя крепко слитое ядро. Без единомыслящей двадцатки, лиц в ней состоящих, никакую работу духовную проводить нельзя»[124]. 7 января 1929 г. митр. Иосиф возвел Владыку Димитрия в сан архиепископа.

Между Владыками существовала постоянная связь. Чаще всего в Николо-Моденский монастырь с пакетами от еп. Димитрия приезжала схимонахиня Анастасия (Куликова). В одном из ответных писем к епископу от 6 августа 1928 г. митр. Иосиф писал: «Дорогой Владыко! Да укрепит Вас Господь на Ваши святые труды для блага Церкви Его. Помолитесь, чтобы и мой “отдых” был на пользу и на лучшее, чем то, что мог бы я сделать трудами своими. Премного утешило меня сообщение о том, что Вы все бодро и терпеливо идете своим тесным путем. Эти сообщения премного устыждают меня в моем нетерпении и малодушии и дают новые силы и побуждения крепко стоять и впредь за дело Христово!»[125]

Вся деятельность иосифлян проходила под постоянной угрозой репрессий, и Владыка Димитрий понимал неизбежность своего ареста. В сообщении Ленинградского представительства ОГПУ в Москву начальнику 6-го отделения Е. Тучкову от 29 декабря 1928 г. говорилось о беседе 17 декабря «на квартире руководителя всего иосифовского движения епископа Димитрия Гдовского. Димитрий собравшимся священникам высказывал свое опасение, что он чувствует, что скоро его ГПУ арестует. На вопрос нашего осведома – за что могут арестовать, ведь для этого нужно иметь какое-то основание, – Димитрий ответил: “От таких негодяев и

[123] Осипова И.И. Указ. соч. С. 56.

[124] «Я иду только за Христом…» С. 391, 404.

[125] Акты Святейшего Патриарха Тихона. С. 619.

мерзавцев можно всего ожидать. Ведь они митр. Иосифа сослали, не имея никаких оснований на это… Ну ладно, ничего, эта власть долго не продержится, Бог не допустит издевательств, найдутся люди, которые пойдут во имя Христова и восстанут против власти, а мы должны стараться объединиться и помочь в этом. Наша главная задача сейчас – это вливать в свои ряды молодые стойкие силы духовенства, без этой силы нам трудно, старикам, вести борьбу со многими врагами за нашу правоту. Вот если бы нам разрешили открыть пастырские курсы, тогда было бы хорошо, но об этом и мечтать не приходится"… и т. д.»[126].

В это время Владыка Димитрий принял под свое непосредственное руководство часть киевских и поволжских иосифлян, продолжая при этом окормлять московские, вятские и некоторые другие истинно-православные общины. Так, 12 декабря 1928 г. он писал настоятелям московских иосифлянских храмов: «Благодать Господа нашего Иисуса Христа и любы Бога и Отца да будет с Вами, возлюбленные о Господе о. Александр Сидоров, о. Сергий Голощапов, о. Никодим и все священнослужители церквей Крестовоздвиженской, Грузинской Божией Матери и Николы [Большой] Крест, – да поможет Вам Господь пребывать в мире, единодушии и единомыслии, в твердом исповедании чистоты и Истины православной веры, с любовию во всем помогая друг другу. Не смущайтесь никакими прещениями, которые готовят Вам отступившие от веры Христовой. Никакое запрещение или извержение Вас из сана митрополитом Сергием, его Синодом или епископами для Вас недействительно. Доколе останется хоть один твердо православный епископ, имейте общение с таковым. Если же Господь попустит, и Вы останетесь одни без епископата, – да будет Дух Истины, Дух Святый со всеми Вами, Который научит Вас решать все вопросы, могущие встретиться на Вашем пути, в духе Истинного Православия. Где бы я ни был, моя любовь и мое благословение будет с Вами и с Вашей паствой»[127].

Весной 1929 г. архиеп. Димитрий потерял двух ближайших помощников: 23 марта был арестован М.А. Новоселов, а 23 мая скончался прот. Ф. Андреев. Владыка отпевал о. Феодора в соборе Воскресения Христова и хоронил его на Никольском кладбище Александро-Невской Лавры. На могиле протоиерея архиеп. Димитрий сказал: «Я сегодня хороню сына…» Позднее появилось предание, будто бы кто-то из присутствовавших на похоронах Владыки в 1935 г. в Ярославле взял горсть земли с его могилы и захоронил в могилу о. Феодора[128].

После этих утрат помогали архиепископу, прежде всего, свящ. Николай Прозоров и схимон. Анастасия (Куликова). По свидетельству свящ. Петра Белавского, они «фактически вели все дела группы. Некоторое духовенство говорило Дмитрию, чтобы Анастасия не вмешивалась в церковные дела, но Дмитрий защищал ее и был под ее влиянием». Сам о. Н. Прозоров показал: «По поручению еп. Димитрия я писал резолюции о присоединении к нашей группе духовенства СССР, выполняя всевозможные поручения, вплоть до увещевания не торговать свечами»[129]. Впрочем, значительную роль в руководстве движением играли также протоиереи Сергий Тихомиров, Иоанн Никитин, Василий Верюжский и Викторин Добронравов.

Во второй половине 1929 г., в условиях нарастающих репрессий, архиеп. Димитрию приходилось брать под свое непосредственное окормление новые иосифлянские приходы в различных районах страны. Так, 6 августа он писал благочинным Задонского округа: «Призываю на Вас Божие благословение, с любовью принимаю Вас временно в свое молитвенное каноническое общение, о чем и прошу поставить в известность всех православных окружных о.о. благочинных епархии. О.о. благочинным предоставляю право, в случае необходимости, по своему усмотрению, назначать себе заместителей. Благочинническим советам предоставляю

---

[126] «Сов. секретно. Срочно. Лично. Тов. Тучкову» и не только ему. Донесения из Ленинграда в Москву, 1928–1930 годы / Публ. А. Мазырина // Православный Свято Тихоновский Богословский институт. Богословский сборник. 2003. Вып. 11. С. 341.

[127] Акты Святейшего Патриарха Тихона. С. 620–621.

[128] Андреева М.Ф., Можанская А.Ф. Указ. соч. С. 12.

[129] АУФСБСПб. ЛО, ф. арх. след. дел, д. П 78806, т. 1, лл. 240–241, т. 2, л. 484.

право назначения и перемещения священнослужителей… Да поможет Вам Господь до конца дней Ваших понести крест служения Святой Церкви»[130].

При этом Владыка и тогда старался удержаться в рамках легальности. Характерным примером служат его переговоры в ноябре 1929 г. с посланцем южнороссийских иосифлян, священником Алексием Шишкиным. Кубанские общины «твердо решили выступить против закона о регистрации, как закона, сужающего церковную деятельность до минимума – требоисправления». Отец Алексий старался убедить архиепископа в связи с предстоящей регистрацией полностью перейти в подполье (согласно показаниям на допросе священника Сергия Бутузова от 6 марта 1930 г.). При этом архиеп. Димитрий, поддерживаемый большинством ленинградских иосифлян, с ним не согласился[131].

Однако это не имело никакого значения для органов ОГПУ, осуществивших в конце 1929 – начале 1930 гг. первую масштабную операцию по разгрому иосифлянского движения в его центре. Всего в Ленинградской области с 23 ноября по 25 февраля было арестовано более 50 человек, священнослужителей и мирян. Из них 46 прошли по сфабрикованному групповому делу «Истинно-Православной Церкви».

Одним из поводов к арестам послужило то обстоятельство, что после принятия правительственного постановления о введении патентов на продажу свечей и просфор в храмах во многих иосифлянских церквах его первоначально отказались выполнять. Правда, в ответ на запрос архиеп. Димитрия – какой тактики следует придерживаться в отношении новых указов – митр. Иосиф предложил в письме: «…священники должны внушать церковным советам и доводить до их сознания, что от патентов отказываться не следует, но что это мероприятие власти противно духу Православия, как приравнивание Церкви к лавочке»[132]. Владыка Димитрий указал на необходимость руководствоваться советом митр. Иосифа и пытаться удержаться в рамках легальности.

Однако 29 ноября 1929 г. архиепископ был арестован на даче в пос. Тайцы по обвинению в том, что он «состоял фактическим руководителем церковной группы “Защита истинного православия”, совместно с руководящим ядром этой группы вел контрреволюционную агитацию, направленную к подрыву и свержению Советской власти. Принимал духовенство и руководил этой группой по СССР». При обыске у Владыки конфисковали фотографии, переписку, личную печать и 150 рублей.

Настоятель кафедрального собора Воскресения Христова прот. Василий Верюжский был арестован 3 декабря 1929 г. по обвинению в том, что «состоял в группе защиты истинного православия, распространял контрреволюционную литературу, направленную на подрыв и свержение Советской власти. Принимал приезжающее из различных мест СССР духовенство, исповедовал и давал инструкции по борьбе с Советской властью». Во время ночного обыска в соборе было задержано девять монахинь и мирянок, на престоле под парчой обнаружено воззвание Ярославской группы архиереев и акафисты, в камине алтаря – разорванное письмо митр. Антония (Храповицкого), а в ризнице – послание митр. Кирилла (Смирнова)[133].

В качестве серьезного вещественного доказательства монархической пропаганды была воспринята висевшая на алтарной стене картина «Освящение храма в присутствии Императора Николая II». Органы следствия расценили эту картину как намек на «воскресение монархии на крови» и даже приложили ее фотографию к обвинительному заключению[134].

---

[130] Государственный архив общественно политической истории Воронежской области (ГАОПИВО), ф. 9323, оп. 2, д. П 24705, т. 4, л. 115.

[131] Там же, л. 463.

[132] ГАРФ, ф. 10035, оп. 1, д. 28850, л. 41.

[133] АУФСБ СПб. ЛО, ф. арх. след. дел, д. П 78806, т. 2, л. 478.

[134] Там же, лл. 475–476.

Одним из первых, 23 ноября, был арестован прот. Сергий Тихомиров, затем его брат, прот. Александр. В тюрьму попали также секретарь архиеп. Димитрия схимон. Анастасия (Куликова), иеромон. Гавриил (Владимиров), протоиереи Иоанн Никитин и Николай Загоровский, священники Петр Белавский, Василий Вертоский, Николай Прозоров, многие другие монашествующие и священники, а также несколько десятков мирян. Отец Сергий Тихомиров на допросе показал: «До перехода в иосифлянство я был благочинный, и как благочинный должен был распространить выпущенную митрополитом Сергием Декларацию. Получив эту Декларацию от еп. Ярушевича, я ее дома прочитал и нашел, что этой Декларацией митрополит Сергий душой и телом сливается с антихристовой властью… Соввласть стремится уничтожить Церковь, она гонит, разрушает и всячески искореняет религию, а я, как истинно-православный, стою на защите Православной Церкви, и после того как была выпущена Декларация, я увидел, что для спасения истинного Православия надо избрать путь такой, который бы противодействовал намерениям митр. Сергия Церковь подчинить антихристовой безбожной власти, и я вместе с другими присоединился к группе духовенства, впоследствии названным “иосифлянами”… По своей пастырской обязанности я говорил всем верующим, чтобы они вышедшие в свет воззвания и послания, направленные против Декларации и распоряжений митр. Сергия, всячески размножали, переписывали и перепечатывали» [135].

Архиепископа Димитрия допрашивали четыре раза: 4-го, 6-го, 13-го декабря 1929 г. и 20 января 1930 г. Он не скрывал своих убеждений и, в частности, резко негативного отношения к политике митр. Сергия. Так, на допросах 6 и 13 декабря 1929 г. Владыка говорил: «От митрополита Сергия мы отошли и не признаем его своим духовным руководителем по следующим причинам: 1) перевод митрополита Иосифа из Ленинграда в Одессу, 2) учредил незаконно самовольно Синод, 3) после выпуска митрополитом Сергием декларации мы требовали изменения курса церковной политики – прекратить перемещения епископов и категорически отрицаем, что радости Соввласти – наши радости. Мы не можем радоваться гонению и разорению церквей, т. е. тому, что радует Соввласть и 4) это указ о молении за власть, за власть, отрицающую Бога… Мы, иосифляне, сохраняем истинное православие. Как истинно-православные мы выступали против декларации митрополита Сергия с требованием изменить курс церковной политики. Мы считаем, что своей декларацией митрополит Сергий подчинил церковь антихристовой власти. Мы не можем сочувствовать политике Соввласти за гонения, преследования и разрушение православной церкви» [136].

Согласно показаниям свидетелей, архиеп. Димитрий в своей приемной неоднократно заявлял: «Терпеть долго не придется, народ полон злобы, Соввласть долго не продержится. Бог не допустит издевательства. Найдутся люди, которые пойдут во имя Христа на все жертвы. Нам нужно объединиться, усиливать приходы, работать над ними и в нужную минуту сказать свое слово» [137].

Архиепископ назвал семь поддерживавших его архиереев: «В настоящее время у нас в Ленинграде кроме меня еще два епископа: епископ Сергий Дружинин и епископ Василий Каргопольский, и недавно приехал с Олонецкой губернии епископ Варсонофий. Кроме этих епископов к нам примыкают: епископ Виктор Вожский и Максим Серпуховский, они находятся в ссылке; Иоасаф и епископ Николай. Иоасаф находится в Екатеринославской губернии, а Николай – в Костромской». Однако в этом перечне не упоминались многие другие истинно-православные архиереи, в том числе лично приезжавшие к Владыке Димитрию епископы Алексий (Буй) и Варлаам (Лазаренко) и состоявшие с ним в активной переписке епископы Павел (Кратиров) и Нектарий (Трезвинский). На допросе 13 декабря архиепископ упомянул о связях с

[135] Там же, т. 1, лл. 11об–12.

[136] Там же, лл. 83–85.

[137] Там же, л. 85 об.

другими регионами, но никаких имен приезжавших оттуда священнослужителей и мирян следователю не назвал: «Помимо Ленинграда истинное православие имеется в Вятской губернии, в Воронежской губернии и на Кубани. Из этих мест приезжало духовенство, а иногда и миряне, получали у меня благословение и инструкции по распространению и закреплению на местах истинного Православия»[138].

Несколько раз Владыку спрашивали об известных следствию из других источников приездах в Ленинград харьковского протоиерея Григория Селецкого, привозившего письма от проживавшего тогда в г. Стародубе епископа Глуховского Дамаскина (Цедрика). Увидев, что поездки о. Григория известны следователю, архиеп. Димитрий подтвердил встречи с ним: «Священник Селецкий Григорий, сам, лично приезжал ко мне в Ленинград и оставил письмо на имя митрополита Иосифа, в котором Селецкий писал, что епископ Дамаскин наладил связь с митрополитом Петром, получил от него ответы о том, что мы, епископы, сами должны отказаться от митрополита Сергия, что письмо епископа Василия сообщает неправду, какие-то еще пункты, но забыл. На именины я получил от епископа Дамаскина письмо, в котором он выражал мне благодарность в моем трудном деле стоять на посту истинного православия» [139].

Следствие велось более полугода, обвинительное заключение составлено 22 июня 1930 г. на 44 человека (в том числе 23 священнослужителя). В нем говорится, что руководящий «церковно-административный центр организации» находился в храме Воскресения Христова. В качестве «периферийных ячеек» особенно выделялись 19 приходов Ленинграда и области: «Церковь Святого Николая во главе с прот. В. Добронравовым, видным деятелем организации, группировала в своем приходе преимущественно интеллигенцию, антисоветски настроенный слой населения. Архиеп. Дмитрий весьма уважал и ценил Добронравова как хорошего работника – пропагандиста и организатора прихода и нередко советовался с ним, считаясь с его мнением… Церковь в Пискаревке во главе с Н. Прозоровым, видным деятелем в организации и близким советником архиеп. Дмитрия. Уединенное положение этой церкви позволяло использовать ее для некоторых секретных дел, как тайное посвящение в епископы Максима Жижиленко… Церковь в Тайцах во главе со священником Петром Белавским, близким к архиеп. Дмитрию, – кафедра архиеп. Дмитрия в летнее время. Здесь происходили тайные посвящения приезжающих» и т. д.

В обвинительном заключении арестованные во главе с архиеп. Димитрием обвинялись в том, что они «превращали церкви в очаги своей контрреволюционной монархической деятельности», особенно активно действуя в деревнях. «При этом контрреволюционная агитация иосифлян сводилась к распространению провокационных слухов, к запугиванию крестьян скорым падением советской власти… агитация обычно заканчивалась призывом к борьбе за свержение антихристовой власти и замене ее монархией». Была составлена схема «контрреволюционной организации» с центром в Ленинграде и филиалами в Воронеже, Серпухове, Новгороде, Пскове, Вятке, Великом Устюге, Одессе, Екатеринославе, Стародубе, на Кубани и Северном Кавказе[140].

Органы следствия ставили перед собой единственную цель: изобразить сторонников митрополита Иосифа заклятыми и неисправимыми врагами советской власти. При этом ОГПУ выполняло заранее намеченный план поэтапного разгрома иосифлян не только как своих идейных противников, но и как противников, более послушных режиму сторонников митр. Сергия, помогая последним установить контроль над церковной жизнью.

Коллегия ОГПУ вынесла свой приговор 3 августа 1930 г. В соответствии с ним 21 августа в тюрьме на Шпалерной были расстреляны священники Сергий Тихомиров (у него при

[138] Там же, лл. 83–85.

[139] Там же, лл. 81–86.

[140] Там же, т. 2, лл. 474–497.

обыске изъяты антисоветские «Деяния Собора в Сремских Карловцах») и Николай Прозоров. Владыку Димитрия от смертной казни спас лишь преклонный возраст – его приговорили к 10 годам заключения в лагерь. Всего по делу были осуждены 44 человека (двое арестованных умерли во время следствия): 10 из них, в том числе протоиереи Василий Верюжский, Иоанн Никитин, Александр Тихомиров, архим. Сергий (Андреев), иеромон. Гавриил (Владимиров) и техник судостроительного завода М.А. Коптев – духовный сын архиеп. Димитрия, последовавший за Владыкой из Покровской церкви (у него на квартире в 1928 г. останавливался епископ Майкопский Варлаам), получили по десять лет, 12 – по пять лет, 8 – по три года лагеря. Остальных сослали в Северный край или в Казахстан[141].

Владыку Димитрия должны были отправить на Соловки, но в связи с привлечением его сначала как свидетеля по делу Всесоюзного центра «Истинное Православие» в конце сентября 1930 г. перевели из Ленинграда в московскую Бутырскую тюрьму ОГПУ. После первого допроса, мало что давшего следствию, 21 октября последовало указание начальнику Бутырской тюрьмы с первым этапом направить архиеп. Димитрия на Соловки. На следующий день было даже отправлено предписание в Ленинград – выслать все еще находящиеся в местном Доме предварительного заключения деньги и вещи архиепископа в Управление Соловецкого лагеря для выдачи владельцу. Однако вскоре было решено «переквалифицировать» Владыку Димитрия из свидетеля в обвиняемого и подвергнуть новым допросам.

Аресты по делу «Всесоюзного центра церковно-монархической организации “Истинное Православие”», будто бы существовавшего в Москве, начались с апреля 1930 г. и продолжались по февраль 1931 г. 28 января 1931 г. был выпущен циркуляр о препровождении обвинительных заключений по местным иосифлянским организациям начальнику секретного отдела Я. Агранову. И со всей страны в Москву полетели шифрограммы о ликвидации «филиалов ИПЦ». Следствие велось более года, в столицу свозились руководители движения из различных епархий Советского Союза: митр. Иосиф (Петровых) из Череповецкого округа, ей. Алексий (Буй) из Воронежа, о. Анатолий Жураковский и его жена Н.С. Жураковская из Киева, о. Алексий Никитин и вдова прот. Феодора Андреева Н.Н. Андреева из Ленинграда.

Из Суздальского политизолятора доставили находившегося там с мая 1929 г. М.А. Новоселова. Подавляющее большинство обвиняемых (25 человек из 32) составили москвичи. Одним из первых 18 апреля 1930 г. был арестован профессор А.Ф. Лосев. А вскоре в Бутырской и Лубянской тюрьмах оказались священники Владимир Воробьев, Измаил Сверчков, монахи Михаил (Коробков), Борис (Туголесов), художник Ф.С. Булгаков, астроном В.М. Лосева-Соколова, а также преподаватели и научные сотрудники московских вузов – Д.Ф. Егоров, И.В. Петровский, А.Б. Салтыков, А.В. Сузин, Е.Ф. Ушакова, П.А. Черемухин, В.И. Щелкачев и др.

По данному делу, наряду с иосифлянами Московской епархии, были привлечены и участники течения имяславцев, по мнению ОГПУ находившиеся на тождественных церковных позициях. Это лишний раз демонстрирует основной критерий репрессивных акций властей – нелояльность к советскому строю. В действительности это течение оказало лишь определенное влияние на московских иосифлян. Так, архим. Давид еще с дореволюционных времен возглавлял в Москве имябожников, или имяславцев. Многие имябожники полагали, что обрушившиеся на Россию войны, революции – наказание за оскорбление имени Божия Свят. Синодом в 1913 г. Они резко отрицательно отнеслись к советской власти, считая Ленина антихристом, а коммунистов – слугами его. Был близок к имяславцам и настоятель главного иосифлянского храма столицы – Крестовоздвиженского на Воздвиженке – о. Александр Сидоров. Некоторые идеи имябожников были созвучны взглядам выдающегося философа, профессора Московской

[141] Там же, л. 387.

консерватории и 2-го университета А.Ф. Лосева. Не чужд им был и известный издатель религиозно-философской литературы М.А. Новоселов.

Стержнем дела Всесоюзного центра «Истинное Православие» являлось полностью сфальсифицированное утверждение о существовании с конца 1927 г. в Москве нелегального антисоветского политического и идеологического центра иосифлянского движения во главе с профессорами М.А. Новоселовым, А.Ф. Лосевым и Д.Ф. Егоровым, который будто бы руководил легальным административным центром в Ленинграде, возглавляемым архиеп. Димитрием.

Решающую роль сотрудники ОГПУ отвели М.А. Новоселову, который проявлял значительную активность в объединении антисергианского духовенства, написал около 20 различных воззваний и циркуляров и был сторонником перехода иосифлянских приходов на нелегальное положение. Пребывание М.А. Новоселова в течение нескольких лет в подполье, его таинственные приезды под чужими фамилиями в Самару, Серпухов, Тверь, Вышний Волочек, Ленинград вызвали повышенное внимание следователей. Следует отметить, что открытые письма профессора в 1920-е гг. действительно широко распространялись в самиздате. Впервые они были опубликованы только в 1994 г. Например, в письме от 31 декабря 1927 г. Новоселов так характеризовал политику митр. Сергия: «…нас постигло в истекшем году испытание, значительно, можно сказать – несравненно тягчайшее: накренился и повис над бездной весь церковный корабль. Небывалое искушение подкралось к чадам Церкви Божией. Новые сети раскинул князь мира сего – и уже уловил множество душ человеческих»[142].

В следственном деле утверждалось, что «Всесоюзный центр» сумел за короткое время создать свои ячейки и филиалы почти на всей территории СССР. Его практическая работа якобы выражалась в повстанчестве, проведении террористических актов, массовых выступлений, изготовлении и распространении листовок, контрреволюционной литературы, пересылке за границу материалов о разгроме Церкви в Советском Союзе. Агитация велась главным образом в деревне, так как ставилась задача борьбы с коллективизацией сельского хозяйства.

Вся богослужебная деятельность иосифлян была объявлена антисоветской: «Подчинив легальную церковную деятельность главной цели, нелегальной контрреволюционной работе, организация последовательно проводила принцип использования легальных возможностей для нелегальных целей: передвижение активных работников связи, распространение контрреволюционной литературы, организационная работа и пр. – все делалось под видом назначения попов на приход и поездок за благословениями, рукоположениями и других “богоугодных” целей»[143].

Идеологией организации было названо имяславие. В протоколе допроса А.Ф. Лосева говорилось: «Советская власть и социализм рассматриваются имяславием как проявление торжества антихриста, как дело рук сатаны, восставшего против Бога. Политический идеал имяславия – неограниченная монархия, всецело поддерживающая православную церковь и опирающаяся на нее. Имяславие – наиболее активное и жизнедеятельное течение внутри церкви. Резко отрицательное отношение имяславия к Советской власти породило у его сторонников положительную оценку вооруженной борьбы, направленной на свержение Советской власти и сочувствие как вооруженным выступлениям, так и иного рода активной антисоветской деятельности»[144].

На основе этого документа следствием было сформулировано основное обвинение: «… руководящий центр имяславия, ставивший себе целью восстановление монархии путем вооруженного восстания крестьянства против Советской власти, методом подготовки вооруженного восстания избрал пропаганду своих идей под прикрытием религиозной пропаганды»[145].

---

[142] Новоселов М.А. Письма к друзьям. М., 1994. С. 280.

[143] ГАРФ, ф. 10035, оп. 1, д. 28850, т. 7, л. 3.

[144] ГАОПИВО, ф. 9323, оп. 2, д. П 24705, т. 1, лл. 6, 7.

[145] Там же, л. 14.

По этому делу архиеп. Димитрия допрашивали пять раз – с 1 октября 1930 г. по 4 марта 1931 г. Как и на допросах в Ленинграде, он бесстрашно обличал религиозную политику советской власти и действия митр. Сергия и не скрывал свои монархические убеждения: «Мы считали, что Церковь не может быть лояльной к власти, которая ее гонит, а советская власть, по моему разумению, именно гонит Церковь. Самый факт существования безбожного общества, шествия, антирелигиозные плакаты – это гонение, а тем более, сочувственное отношение власти к этому вопросу… Мы считаем, что советская власть по религиозным соображениям не является для нас государственной властью – такой, какой мы подчиняться можем… Властью называется иерархия, когда не только мне кто-то подчинен, а и я сам подчиняюсь выше меня стоящему, т. е. все это восходит к Богу, как источнику всякой власти. Иначе говоря, такой властью является Помазанник Божий, монарх»[146].

Допросы Владыки в течение пяти месяцев проходили для органов следствия не просто. С целью оказания давления на архиепископа применяли различные методы воздействия, в том числе изоляцию от других обвиняемых. Так 28 ноября 1930 г. коменданту Бутырской тюрьмы пришла телефонограмма от Е. Тучкова о необходимости изолировать архиеп. Димитрия от 10 других арестованных по делу Всесоюзного центра «Истинное Православие», в том числе ей. Алексия (Буя), прот. Николая Дулова и свящ. Измаила Сверчкова[147].

Архиеп. Димитрий был обвинен в том, что «являлся заместителем митрополита Иосифа Петровых по руководству церковно-административным центром Всесоюзной к-р организации “ИПЦ”. Он насаждал на периферии ячейки этой организации, куда посылал своих представителей. Любимов инструктировал приезжавших к нему участников организации, требуя от них борьбы с колхозным строительством, пропаганды повстанчества, подготовки поддержки интервенции, которую он и другие участники организации ждали в ближайшее время. Кроме того, Любимов распространял контрреволюционную литературу организации» [148].

Постановлением Особого Совещания Коллегии ОГПУ от 3 сентября 1931 г. большинство обвиняемых приговорили к разным срокам заключения. Архиеп. Димитрий, ей. Алексий (Буй) и свящ. Анатолий Жураковский были осуждены на смертную казнь с заменой на 10 лет концлагеря, А.Ф. Лосев – на 10 лет концлагеря, М.А. Новоселов – на 8 лет тюрьмы и т. п.[149]

Хорошо знавшая Владыку Димитрия иосифлянка В.Н. Ждан-Яснопольская позднее писала в своих воспоминаниях: «В эти же первые дни ноября 1931 года объявили приговоры и другим обвиняемым по нашему делу. Епископа Димитрия (Любимова) и киевского священника о. Анатолия Жураковского вызвали из камеры в коридор и прочли: “Приговорены к высшей мере наказания – расстрелу” (оба они перекрестились) – и после небольшой паузы закончили: “…с заменой 10 годами концлагерей”. Епископ Димитрий сказал: “Я не рассчитываю прожить еще 10 лет”. Ему было тогда 82 года»[150].

Из Москвы Владыку с первым же этапом осенью 1931 г. отправили в Ярославский политизолятор, где обычно содержались важные политические заключенные. Родственники долгое время ничего не знали о нем. Дочь архиепископа Вера в 1932 и 1935 гг. писала в Политический Красный Крест, прося сообщить о судьбе отца на свой адрес: Ленинград, ул. Петропавловская, 4-38. Затем Владыка смог переслать дочери письмо, в котором писал, что ему сделана операция на глазах, в результате которой он ослеп. В декабре 1931 г. в Ярославский политизолятор был заключен епископ Сергий (Дружинин). Именно на его руках архиепископ Димитрий скончался

---

[146] Осипова И.И. Указ. соч. С. 42; Ее же. История Истинно Православной Церкви по материалам следственного дела // Православная Русь. 1997.№ 14. С. 5; См.: Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации, д. Н 7377, т. 11, лл. 204–212.

[147] АУФСБ СПб. ЛО, ф. арх. след. дел, д. П 78806, т. 2, лл. 423–425.

[148] АУФСБ Самарской обл., ф. арх. след. дел, д. П 17773, т. 6, л. 20.

[149] Антонов В.В. Указ. соч. С. 50–51; Осипова И.И. «Сквозь огнь мучений и воду слез…» С. 40–41, 267.

[150] Мироносицы в эпоху ГУЛАГа. С. 543.

4/17 мая 1935 г.[151] Дата кончины Владыки долго не была известна, поэтому в устной традиции и церковной литературе до конца 1990-х гг. можно было встретить самые различные версии. И после смерти архиепископа в церковном подполье некоторое время существовали группы верующих, называвших себя «дмитровцами».

[151] Андреева М.Ф., Можанская А.Ф. Указ. соч. С. 12.

Епископ Нарвский Сергий (Дружинин)

Епископ Сергий (Дружинин). Конец 1920-х гг. (Из следственного дела 1937 г.)

Владыка Сергий вошел в историю как одна из ключевых фигур иосифлянского движения. Именно он вместе с епископом Гдовским Димитрием (Любимовым) подписал 13/26 декабря 1927 г. акт отделения от митрополита Сергия (Страгородского), а после ареста Владыки Димитрия около года практически возглавлял Истинно-Православную Церковь. Свою верность истине Христовой епископ Сергий засвидетельствовал мученической кончиной в 1937 г.

Родился будущий Владыка (в миру Иван Прохорович Дружинин) 20 июня 1863 г. в с. Новое Село Бежецкого уезда Тверской губернии в зажиточной крестьянской семье. Образование он имел только домашнее, самостоятельно изучив грамоту. В 1881 г. Иван приехал жить в Санкт-Петербург, где его двоюродные сестры пребывали монахинями Воскресенского Новодевичьего монастыря. В столице Иван некоторое время работал вагоновожатым конки, а в 1881 г. поступил послушником в Спасо-Преображенский Валаамский монастырь, где прожил около шести лет. 9 сентября 1887 г. И.П. Дружинин был принят в известную подвигами святителя

Игнатия (Брянчанинова) Свято-Троицкую Сергиеву пустынь, расположенную в юго-западном пригороде Петербурга – пос. Сергиево.

Впоследствии, на допросе 7 марта 1931 г., епископ Сергий так излагал свою биографию: «Отец мой продал свой надел в Тверской губ. и через крестьянский поземельный банк купил, совместно с другими, участок земли в Ярославской губ., где прожил до своей смерти. В семье нашей было много родных, ушедших в монастыри, и я сам с 12 лет стал бывать в мужских монастырях, в которых находились родственники моей матери. Когда мне исполнилось 18 лет, я, по совету и настоянию своих двоюродных сестер, монахинь Воскресенского, ныне Новодевичьего монастыря, ушел на Валаам, в монастырь Сергия и Германа. Условия послушания в этом монастыре были очень тяжелые, что мне, по слабому состоянию своего здоровья, было не под силу.

Поэтому вскоре я, по совету настоятеля, перешел в Сергиеву пустынь около поселка Стрельна. В монастыре Сергиевой пустыни я пробыл на положении послушника около шести лет. Первоначально я был определен под руководство старца Герасима, в миру богатого помещика Загребы, ушедшего в монастырь после окончания университета. Под руководством Герасима я находился уже после принятия пострига в течение десяти лет до смерти Герасима. После смерти Герасима, будучи уже иеродиаконом, я перешел под начало архимандрита Варлаама, а за его смертью – под руководство игумена Агафангела, из бывших помещиков Ярославской губ. Настоятелем Сергиевой пустыни был в то время архимандрит Михаил, под руководство которого я перешел за смертью игумена Агафангела, помощника настоятеля. Общение мое с перечисленными руководителями укрепило меня в истинном православии, монашеской жизни, послушании духовной власти и преданности престолу…

С момента принятия пострига я проживал в покоях настоятеля и выполнял обязанности: вначале помощника ризничего, а впоследствии и ризничего. В моем ведении находились все монастырские ценности, за исключением денег, которые хранил казначей»[152].

Будущий епископ начал свой подвиг в Троице-Сергиевой пустыни еще при настоятельстве духовного сына свт. Игнатия (Брянчанинова) архимандрита Игнатия (Малышева) и прошел в обители хорошую школу монастырского послушания. Через два года после поступления в пустынь, 4 декабря 1889 г., И.П. Дружинин был определен послушником, 24 сентября 1894 г. принял монашеский постриг с именем покровителя обители – при. Сергия Радонежского, а 20 ноября того же года был рукоположен во иеродиакона. 24 апреля 1898 г. преуспевшего в духовном делании о. Сергия рукоположили во иеромонаха. С сентября 1894 г. он исполнял послушание помощника ризничего, а с 9 января 1902 г. более 13 лет состоял ризничим, что говорит об успешном исполнении порученного дела. 5 мая 1915 г. священномученик митрополит Петроградский и Ладожский Владимир (Богоявленский), ходатайствуя перед Синодом о назначении иеромонаха Сергия настоятелем Троице-Сергиевой пустыни, указывал, что он принял там иноческое пострижение «и с примерным усердием много лет проходил возлагавшиеся на него послушания»[153].

Наряду с исполнением монастырских обязанностей, о. Сергий уже через два года после рукоположения в сан иеромонаха стал духовным наставником. Летом в Стрельне, неподалеку от пустыни, в Константиновском дворце (ныне используемом в качестве морской резиденции Президента Российской Федерации), жил его последний хозяин Великий Князь Дмитрий Константинович (1860–1919), а в Павловске – его старший брат Константин Константинович (1858–1915) со своим многочисленным семейством. Будучи благочестивыми людьми, они часто бывали в монастыре на богослужениях. Как говорил 7 марта 1931 г. сам ей. Сер-

[152] Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Санкт-Петербургу и Ленинградской области (АУФСБ СПб. ЛО), ф. арх. – след. дел, д. П-83017, т. 1, лл. 28–29.

[153] Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Владимир. Обитель Северной столицы. Свято-Троицкая Сергиева пустынь. Исторический очерк. СПб., 2002. С. 145–146.

гий: «После службы гости иногда заходили к настоятелю, и мне приходилось их принимать, угощать чаем и “монастырским хлебом”. По выбору и приглашению великих князей Дмитрия Константиновича и Константина Константиновича, я был назначен совершать богослужения во внутренней дворцовой церкви Стрельнинского дворца в течение лета, а с 15 августа по 21 мая – в Павловском дворце».

Оценив достоинства молодого иеромонаха, великий князь Константин Константинович, после двух лет службы о. Сергия в дворцовых храмах Стрельни и Павловска, просил его от лица всех «Константиновичей» стать их духовником. Это произошло в Павловском дворце перед Пасхой в апреле 1900 г. Первоначально, на предложение великого князя, переданное через его адъютанта генерала Ярмолинского, о. Сергий ответил отказом, «ссылаясь на свою богословскую неподготовленность», но в тот же день, после личных просьб всех старших представителей «Константиновичей», в том числе королевы эллинов Ольги Константиновны, согласился. По словам ей. Сергия, он был великокняжеским духовником целых 18 лет, до ареста весной 1918 г. большинства членов этой ветви Романовых. Только один раз он надолго расстался с ними, когда в 1904–1905 гг., во время Русско-японской войны, был послан военным священником в Манчжурию, в действующую армию[154].

О духовном авторитете о. Сергия свидетельствует письмо к нему Августейших детей от 6 мая 1903 г.: «Дорогой Батюшка! Узнав от Дяденьки, что Вы хотите сделать в трапезной каменный пол, мы собрали, сколько могли, из наших карманных денег и просим Вас принять эту лепту и помолиться о болящих Гаврииле и Олеге. Просим Вашего благословения. Иоанн, Татиана, Константин, Олег и Игорь»[155].

«Константиновичи» были известны своей широкой благотворительной деятельностью, финансируя десятки школ, приютов, богаделен и т. п. В этой деятельности активно участвовал и о. Сергий, в частности, дважды в год – к Рождеству и Пасхе – передавал со своей сопроводительной запиской пакет просьб о помощи жителей поселков Стрельни, Сергиево и паломников пустыни к Великому Князю Димитрию Константиновичу, который выдавал на всех 500–700 рублей. В 1904 г. иеромонах стал председателем правления православного благотворительного Общества ревнителей веры и милосердия при освященном 1 июня 1903 г. храме преподобномученика Андрея Критского. В частично занимаемом этой церковью Доме милосердия также располагались школа с приютом для сирот и богадельня для одиноких старушек[156].

В июле 1912 г. иеромонах Сергий освятил вновь устроенную в Константиновском дворце над покоями Димитрия Константиновича церковь ев. кн. Александра Невского (во время реконструкции 2002–2003 гг. на ее месте сделали шахту лифта). Осенью 1916 г. в Стрельне с благословения о. Сергия было устроено подворье Шамординского монастыря, часть насельниц которого батюшка позднее – в 1920-е гг. – окормлял. Служил иеромонах и в других храмах. Так, 17 декабря 1910 г., в день двадцатилетия Великого Князя Константина Константиновича (младшего), о. Сергий совершил богослужение во Введенской церкви Мраморного дворца. Продолжал он окормлять своих Августейших духовных детей и в годы Первой мировой войны. В частности, для служившего тогда в армии и приезжавшего наездами в Петроград Иоанна Константиновича батюшка за август-октябрь 1916 г. провел четыре службы и две исповеди. Помимо окормления «Константиновичей» о. Сергий подготовил к исповеди сына Великого Князя Сергея Михайловича, неоднократно встречался и с Императором Николаем II.

О своих монархических убеждениях и теплых чувствах к Великим Князьям и Императорской Семье ей. Сергий открыто говорил даже на допросах в ОГПУ: «В семье Константи-

---

[154] Антонов В.В. Священномученик епископ Сергий (Дружинин) // Православная жизнь. 1996. № 2. С. 3.

[155] Лавры, монастыри, храмы Святой Руси. СПб., 1905. С. 43.

[156] Коняев Н. «Талант к Православию». Приходская жизнь (храм во имя преподобномученика Андрея Критского и святой праведный Иоанн Кронштадтский). СПб., 2002. С. 24–25.

новичей мне пришлось встречаться и с самим царем, бывавшим на семейных торжествах у Великого Князя. Отдельные встречи с царем у меня проходили на праздниках Рождества и Пасхи, когда меня наряду с причтом придворного духовенства приглашали во дворец. Обычно на третий день Пасхи царь имел обычай христосоваться с придворным духовенством, причем, согласно правил, монашеское духовенство, даже сам митрополит, с царем не христосовались, а это право было дано только настоятелю Сергиевой пустыни, которым я в то время являлся. Последнюю свою встречу с царем я имел на Рождестве в 1916 г., когда Государь со мной беседовал довольно продолжительное время. От облика царя у меня осталось впечатление, что это был человек кроткий, смиренный, удивительно скромный, напоминавший скорее простого офицерика, а не самодержца, человек в обращении более чем деликатный, с приятным взглядом. Поэтому факт отречения Государя от престола я встретил с огромным сожалением, скорбел за Помазанника Божьего, т. к. я лично был самым тесным образом связан с интересами династии и был всем обязан царскому строю. В "распутиниаду" я не верил. Я имел случай проверить правдоподобность тех слухов и сплетен, какие распространялись вокруг имени Распутина и царицы. Моим духовным сыном был камердинер самого царя, прослуживший у него 24 года, некий Иван Васильевич. Однажды, на исповеди, я задал ему вопрос: верно ли все то, что говорят о пьянстве царя, Распутине и царице. Камердинер мне поклялся, что все это – ложь, и этого мне было достаточно»[157].

В 1915 г. по рекомендации Великого Князя Димитрия Константиновича и ходатайству Петроградского митрополита Владимира о. Сергий был назначен на должность настоятеля Троице-Сергиевой пустыни, хотя он сначала неоднократно отказывался в пользу наместника иеромонаха Иоасафа (Меркулова). 5 мая митр. Владимир писал Святейшему Синоду: «Настоятель Свято-Троицкой Сергиевой Первоклассной Пустыни, близ Петрограда, архимандрит Михаил 5 сего мая прислал ко мне свое прошение следующего содержания: "22 марта сего 1915 года, во время служения Пасхальной Светлой утрени, я внезапно серьезно заболел и с того времени лежу в постели. Сознаю, что дальнейшее управление обителью для меня будет не по силам. Донося о сем, долгом считаю для себя почтительнейше просить Ваше Высокопреосвященство, Милостивейший Архипастырь и Владыко, об увольнении меня от управления Троицко-Сергиевою Пустынью на покой и о назначении вместо меня настоятелем в Сергиеву Пустынь ризничного оной иеромонаха Сергия, как вполне способного к прохождению такого служения". Донося о вышесказанном и находя прошение архимандрита Михаила заслуживающим уважения, – признавая также и со своей стороны иеромонаха Сергия способным и достойным занятия настоятельской должности в Сергиевой Пустыни… имею долг почтительнейше ходатайствовать…»

По указу Свят. Синода от 6 мая 1915 г. за № 3504 архим. Михаил был уволен от настоятельства, а новым настоятелем пустыни назначен иеромонах Сергий, с возведением в сан архимандрита. 24 мая о. Сергий был удостоен этого сана, прежний же настоятель обители архим. Михаил (Горелышев) скончался 14 мая 1918 г.[158]

К 1915 г. Троице-Сергиева пустынь представляла собой один из крупнейших монастырей Петроградской епархии с семью действующими храмами, пятью часовнями, многочисленной братией и обширным хозяйством. В обители имелось: свыше 20 коров лучшей породы, конюшня с ценными лошадями, птичник «с несметными стаями совершенно ручных кур», пчельник, обеспечивавший обитель медом, фруктовый сад, «огородное и полевое земледельческое хозяйство». Годовой доход пустыни в то время составлял около 15000 руб. Это позволило увеличить число насельников. В 1915 г. численность братии и проживавших «для богомоления» составляла почти 90 человек. Образцовое ведение хозяйства позволило пустыни расши-

[157] АУФСБ СПб. ЛО, ф. арх. – след. дел, д. П-83017, т. 1, лл. 31–32.

[158] Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб.), ф. 19, оп. 107, д. 43, лл. 1-31.

рить благотворительную деятельность. В монастыре действовали инвалидный дом, школа на 60 мальчиков, больница, странноприимная. О больнице литератор Леонид Соколов в 1915 г. писал: «Больница Сергиевой пустыни с амбулаторией для приходящих больных – чистое просторное здание. Больница построена нынешним опытным настоятелем; порядок и чистота. Стены окрашены масляной краской, приличная прислуга, опрятные кровати, из них 10 – для монахов. Ванна, электрическая машина, аптека. Внизу амбулатория, принимающая в год до 6000 больных (в 1913 году принято было 6534 человека). Фельдшер – монах, врач – мирской. Больница производит приятное впечатление».

В том же году архимандрит Сергий сообщал епархиальному начальству: «В пустыни имеется помещение для странников, ежедневно оказывается приют 15–20 лицам, с выдачею при этом, по мере возможности, горячей пищи, при недостатке же таковой выдается хлеб и квас». После начала Первой мировой войны в обители был также открыт госпиталь для раненых воинов, в котором в августе 1917 г. лечились 29 человек.

В первые годы настоятельства о. Сергия монастырь продолжал расти. 30 июля 1916 г. архимандрит сообщал петроградскому губернатору: «Во вверенной управлению моему Троице-Сергиевой пустыни состоит монашествующего братства до 100 человек, до 70 человек вольнонаемных служащих…» В управлении столь многочисленной братией требовался большой опыт, который у о. Сергия несомненно был, так как он умело справлялся с обязанностями настоятеля[159].

Революционные события 1917 г. резко изменили судьбу архимандрита. Для братии началась длительная череда нестроений, разногласий и волнений. Часть «Константиновичей» покинула Россию, но о. Сергий отказался уехать с ними. Позднее он говорил: «После Февральской революции, во время беспорядков, Королева Эллинов Ольга Константиновна обращалась ко мне и предлагала уехать с ней в Грецию. Я от ее предложения отказался и заявил, что желаю оставаться со своей братией и в годину смуты, а не только в то время, когда мне приходилось ездить на великокняжеских автомобилях»[160]. Этот самоотверженный выбор привел смиренного служителя Господня на стезю страданий и исповедничества. Известно также, что некоторые «Константиновичи» по благословению о. Сергия сознательно остались в России и приняли мученический венец.

Близость к Великим Князьям «ударила» по настоятелю пустыни уже в марте 1917 г. Среди братии произошло разделение и 25 монахов с целью «оздоровления атмосферы монастыря» написали на него управляющему епархией епископу Гдовскому Вениамину (Казанскому) фактический донос, объявив в нем о. Сергия «ставленником бывшего Великого Князя Дмитрия Константиновича, митрополита Питирима и Распутина». Поддержанная местной «прогрессивной» интеллигенцией недовольная часть братии в этом обращении из 22 пунктов упрекала, среди прочего, архимандрита в том, что он «заставил всю братию подписать бумагу на преосвященнаго Антонина [Грановского], который 6 лет страдал за свободу в этой святой обители и просился на покой обратно сюда же», т. е. не допустил снова в пустынь одного из будущих «вождей» обновленцев. Неловко и даже стыдно читать сейчас прокламации поддавшейся тогда революционным искушениям части насельников обители.

Сторонники настоятеля в ответ 18 марта напечатали в газете опровержение и послали обер-прокурору Синода письмо, в котором говорилось: «О. Сергий пользуется среди местного населения всеобщим глубоким уважением… имеет строгость, но строгость справедливую… единственно к порядку». После проведенного расследования, показавшего, что строгость архимандрита действительно была справедливой, взбунтовавшейся части братии пришлось пока-

[159] Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Владимир. Указ, соч. С. 144–146, 153.

[160] АУФСБ СПб ЛО, ф. арх. – след. дел, д. П-83017, т. 1, л. 30.

яться и взять назад свое заявление. Вскоре обе стороны примирились и просили оставить архим. Сергия настоятелем пустыни. 1 мая

1917 г. братия писала обер-прокурору: «Личность архимандрита Сергия нам всем, братии, хорошо известна как человека хорошего и безукоризненного поведения, а, будучи ризничным, благодаря его неусыпным заботам об обители, им сделано очень много хорошего, как-то: при его содействии была выстроена монастырская каменная больница, произведена реставрация братской трапезы, церкви монастыря украсились разными ценными пополнениями в украшении, а также и св. Престолы, ризница обогатилась весьма ценными богослужебными принадлежностями – словом, архимандрит Сергий своими трудами и заботами сделал для управляемой им обители очень много хорошего и полезного».

В результате о. Сергий был оставлен настоятелем, но для управления пустынью, на основании резолюции архиепископа Вениамина (Казанского) от 13 июня 1917 г., был учрежден Духовный Собор монастыря, состоявший из должностных лиц: настоятеля, наместника, казначея, ризничего и духовника. С этого времени все основные вопросы жизни пустыни решались не одним настоятелем, а Духовным Собором. С 16 по 23 июля 1917 г. архимандрит Сергий был командирован на Всероссийский съезд представителей монастырской братии в Сергиев Посад[161].

Октябрьскую революцию о. Сергий, по его словам, «воспринял как тягчайшее бедствие для страны, означающее безвозвратную гибель прежней России». Вскоре начались притеснения пустыни со стороны новых властей. Так, например, на заседании Петроградского Епархиального совета от 30–31 июля 1918 г. был заслушан рапорт архим. Сергия о самовольном отобрании у монастыря Стрельнинским советом рабочих и красноармейских депутатов конной косилки. В принятом тогда же решении говорилось: просить епархиального комиссара И. Ковшарова (расстрелянного в 1922 г. мученика) возбудить ходатайство перед советской властью о возвращении ее. Однако подобные прошения, как правило, успеха не имели.

Во второй половине 1918 г. – начале 1919 гг. те из Великих Князей – духовных детей архим. Сергия, кто сразу же после революции не покинул Россию, были убиты большевиками. Так, 18 июля

1918 г. в лесу близ Верхне-Синячихинского завода в 11 верстах от г. Алапаевска Пермской губернии погибли Великие Князья Игорь Константинович, Константин Константинович (младший) и последний владелец Павловского дворца Иван Константинович, а 23 января 1919 г. во дворе Петропавловской крепости Петрограда был расстрелян особенно близкий о. Сергию Великий Князь Димитрий Константинович.

В условиях начавшихся гонений и безбожной пропаганды вновь появились разногласия среди братии и нарушения монастырской дисциплины. Видя это, епархиальное начальство писало в пустынь в 1918 г.: «В настоящее время братия св. обители должна усугубить молитву и свой труд, а особенно хранить единение в союзе и являть свое послушание к распоряжению духовной власти и своему настоятелю»[162].

В начале 1919 г. насельники пустыни все-таки изгнали строгого настоятеля, и 17 февраля он подал прошение на имя Петроградского митрополита Вениамина: «Вследствие насильственного отстранения моего от должности настоятеля Троице-Сергиевой пустыни, с запрещением проживания в оной я остался в самом тяжелом и затруднительном положении. Не имея где голову преклонить и надеясь на любвеобильное сердце Вашего Высокопреосвященства,

---

[161] Антонов В.В. Указ. соч. С. 3–4; Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Владимир. Указ. соч. С. 146–147; Петроградский листок. 1917, 18 марта. № 66.

[162] АУФСБ СПб ЛО, ф. арх. – след. дел, д. П-83017, т. 1, л. 32; ЦГИА СПб., ф. 678, оп. 1, д. 4516, л. 60, оп. 2, д. 3, л. 19, ф. 1883, оп. 52, д. 15, л. 5.

со дерзновением прибегаю к стопам Вашим, Всеблагостный наш Владыко, и смиренно прошу зачислить меня для временного проживания в Александро-Невскую Лавру»[163].

19 февраля архимандриту разрешили временное проживание в обители с условием служить по мере надобности за помещение. 15 апреля 1919 г. о. Сергий подал прошение о зачислении в лаврские священнослужители, и 5 мая Духовный Собор постановил выдать ему за совершение богослужений из братской кружки, так как архимандрит еще не был уволен от настоятельства в пустыни. 1 июня о. Сергию было предложено вести чередные богослужения по распоряжению кладбищенской конторы. Во второй половине 1919 г. новым настоятелем Троице-Сергиевой пустыни был назначен ее наместник игумен Иоасаф (Меркулов), и о. Сергия к марту 1920 г. зачислили в братию Лавры[164].

Однако в том же году архим. Сергий оставил обитель и перешел служить настоятелем в приходскую (ранее приписную к Троице-Сергиевой пустыни) церковь прмч. Андрея Критского, расположенную в километре от вокзала станции Володарская (Сергиево) и в трех километрах от пустыни. Окрестные жители, хорошо знавшие и уважавшие архимандрита по работе в Обществе ревнителей веры и милосердия, помогли ему обустроиться при Андреевской церкви. Духовный наставник великих князей стал близким другом многих простых жителей поселка Володарский. В тяжелые годы гражданской войны, голода и разрухи он сумел создать вокруг себя атмосферу теплого и бескорыстного общения.

Одна из прихожанок Андреевской церкви, В.В. Кудрявцева, знавшая о. Сергия с 1920 г., в 2002 г. вспоминала: «Мы хорошо его знали… Он очень капусту любил, так мы носили ему. Мама посылала… бабушку он… уже в сане епископа отпевал. Наверху, в церкви преподобномученика Андрея Критского, бабушку отпевали, а потом на монастырское кладбище повезли. Епископ Сергий и на кладбище ее проводил. Мы к монастырю подъехали, а навстречу все монахи вышли. Они не бабушку – епископа встречали, а все равно, вот так хорошо и проводили ее»[165].

В первой половине 1920-х гг. архимандрит не играл заметной роли в жизни епархии. Председатель Епархиального совета прот. Михаил Чельцов позднее, в 1928 г., так вспоминал о своем знакомстве с о. Сергием: «С ним я познакомился в 1920 году. Он мне показался скромным, тихим, обиженным, забитым. Я возымел к нему большую симпатию и жалость. Во время его постоянных сетований на тяжесть для него приходской работы, на униженность его положения, опозоренного изгнанием из Сергиевой пустыни, на возможность неприятностей – даже до ареста, от его прежних подчиненных из монастырской братии, – я постоянно всячески старался утешать его. Как-то незаметно для себя сблизился с ним и решился помочь ему. Помощь моя в то время могла состоять только в том, что я старался расположить в его пользу покойного митр. Вениамина в целях возможного возвращения его снова к настоятельству в Сергиевой пустыни»[166].

Вскоре произошли трагические события 1922 г., связанные с кампанией изъятия церковных ценностей. Были арестованы Патриарх Тихон, митрополит Вениамин, отец Михаил Чельцов и многие другие священнослужители. Кратковременному аресту летом 1922 г. подвергался и архим. Сергий. Позднее он так говорил на следствии о своей позиции в это время: «В момент изъятия церковных ценностей я стоял на позиции Патриарха Тихона и считал, что достояние церковное должно быть нерушимо и изъятие церковных ценностей явилось актом грубого насилия и произвола со стороны Сов. власти»[167].

---

[163] Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 815, оп. 11-1919, д. 16, л. 6.

[164] Там же, оп. 14, д. 99, л. 26, д. 161, лл. 17, 50, д. 737, лл. 277, 279.

[165] Коняев Н. Указ. соч. С. 27–28.

[166] Прот. М.П. Чельцов. В чем причина церковной разрухи в 1920-1930-е гг. / Публ. В.В. Антонова // Минувшее Т. 17. М.; СПб., 1994. С. 432.

[167] АУФСБ СПб. ЛО, ф. арх. – след. дел, д. П-83017, т. 1, л. 32 об.

В других показаниях Владыки Сергия содержится интересное свидетельство о действиях Первосвятителя в 1922 г.: «Начало церковно-политического центра организации “Истинное Православие” положил Патриарх Тихон, который с террасы своей кельи в Донском монастыре кричал епископу Андрею Ухтомскому: “Владыка, посвящай больше архиереев!” Впоследствии всем епископам, приходящим к нему, он говорил: “Большевики хотят всех архиереев и священников перестрелять. Чтобы Церковь не осталась без епископата, а также без иереев, необходимо посвящать в священство и постригать в монашество как можно больше”»[168].

Обновленческое Епархиальное управление отец Сергий категорически отверг, и приход прмч. Андрея Критского стал одним из учредителей так называемой Петроградской автокефалии, активно боровшейся с обновленцами (в отличие от уклонившейся в раскол братии Троице-Сергиевой пустыни). Во время смуты батюшка проявил себя как твердый защитник канонического строя Церкви, вследствие чего значительно возросло число его искренних почитателей. Со времени пребывания в стенах Александро-Невской Лавры архимандрит имел близкие отношения с ее наместником епископом Петергофским Николаем (Ярушевичем), возглавлявшим Петроградскую автокефалию. После ареста в феврале 1923 г. и отправки в ссылку Владыки Николая, о. Сергий поддерживал его письмами и посылками с продуктами и вещами. В свою очередь, архимандрит, по свидетельству о. М. Чельцова, в первой половине 1920-х гг. «пользовался от него [ей. Николая] заметной ответной благосклонностью[169].

Освобождение Патриарха Тихона из-под ареста в июне 1923 г. и его возвращение к руководству Церковью вскоре принесли важные изменения в служение о. Сергия. Архимандрит очень высоко оценивал деятельность Первосвятителя, хотя иногда и критиковал его за уступки большевикам: «Мне жаль было Тихона за его раскаянье перед Соввластью, и я считал, что Тихон проявил больше уступчивости чем полагалось»[170].

В 1924 г. исполнялось 30 лет священнослужения архимандрита, и его многочисленные почитатели стали усердно хлопотать о возведении батюшки в сан епископа. По просьбе прихожан в дело активно включился прот. Михаил Чельцов, считавший себя «весьма благодарным» о. Сергию за его регистрацию при церкви при. Андрея Критского после выхода из тюрьмы. Отец Михаил летом 1924 г. несколько раз писал Патриарху, а в конце октября лично просил в Москве Первосвятителя о хиротонии архим. Сергия во епископа, сперва Красносельского, а потом Нарвского.

В поддержку этой просьбы было собрано несколько тысяч подписей. Правда, Епископский совет, возглавляемый епископом Кронштадтским Венедиктом (Плотниковым), возражал против хиротонии. К Владыке прихожане направили особую делегацию, но он отклонил ее ходатайство, «сославшись на то, что нужды в епископе не имеет и что кандидат не соответствует своему назначению… Преосвященный пригласил к себе архимандрита Сергия и упрашивал его не домогаться епископства». 10 ноября, уже после сообщения в Ленинград резолюции Первосвятителя о предстоящей хиротонии архимандрита, Патриарху Епископским советом был послан доклад, в котором, в частности, говорились: «1. Красное Село, куда он назначается, не просит епископа. 2. В сельские приходы (а у Андрея Критского – сельский) доселе епископы не ставились. 3. Неуказание территориального объема власти епископа, а лишь “приходы, которые его признают” – грозит большими последствиями (несолидарные с другим епископом приходы могут приходить к этому)». В докладе была даже высказана угроза «уклониться от дальнейшего духовного руководства епархии», если о. Сергий будет поставлен епископом на указанных условиях[171].

---

[168] Осипова И.И. История «Истинно-Православной Церкви» по материалам следственных дел // Ежегодная Богословская конференция Православного Свято-Тихоновского Богословского института. Материалы 1992–1996 гг. М., 1996. С. 376.

[169] Прот. М.П. Чельцов. Указ. соч. С. 447.

[170] АУФСБ СПб. ЛО, ф. арх. – след. дел, д. П-83017, т. 1, л. 32 об.

[171] Прот. М.П. Чельцов. Указ. соч. С. 433–434; Прот. Николай Чуков. Один год моей жизни. Страницы из дневника / Публ.

Однако Святейший Патриарх Тихон, учтя некоторые возражения (в частности, изменив титул), посчитал архим. Сергия достойным хиротонии, вызвал в Москву и 10/23 ноября лично возглавил его хиротонию во епископа Нарвского (до революции Нарва входила в состав Петроградской губернии, и викарные епископы столичной епархии традиционно носили этот титул). Так как кафедру новый Владыка не получил – Нарва по мирному договору 1921 г. была уступлена Советской Россией Эстонии, то он продолжал служить в храме на ст. Володарская, где и жил в доме Мельникова. Ленинградский епископат его вежливо игнорировал, считая неравным себе, малообразованным «простецом»[172]. В частности, ей. Сергия после его возвращения из Москвы не пригласили служить в Лавре 23 ноября/6 декабря 1924 г. – в праздник св. кн. Александра Невского.

Ситуация изменилась после ареста в декабре 1925 г. трех из четырех входивших в Епископский совет архиереев. Оставшийся на свободе и вступивший в управление епархией епископ Шлиссельбургский Григорий (Лебедев) в письме предложил ей. Сергию служить, «где он пожелает и куда его пригласят», и сам нередко стал направлять Владыку на богослужения в различные храмы. Чаще всего ей. Сергий в 1926–1927 гг. служил в Троицком Измайловском соборе, храме бывшего Синодального подворья, Покровской церкви на Боровой ул. и особенно в кафедральном соборе Воскресения Христова, с настоятелем которого прот. Василием Верюжским Владыка очень сблизился[173].

Еще в январе 1925 г. на посту настоятеля церкви при. Андрея Критского ей. Сергия сменил священник Василий Вишневский, но при этом церковь осталась его «кафедральным» храмом, и общеприходское собрание 25 января избрало Владыку почетным членом приходского совета[174].

Назначенный 19 апреля 1927 г. временно управлять Ленинградской епархией епископ Николай (Ярушевич), желая хиротонии во епископа архим. Сергия (Зенкевича), добился того, чтобы по его представлению Владыка Сергий (Дружинин) был в августе 1927 г. уволен указом Заместителя Патриаршего Местоблюстителя на покой. Увольнению предшествовало ходатайство других ленинградских архиереев об оставлении епископа Нарвского «в его звании». По свидетельству о. Михаила Чельцова, «это удаление его [ей. Сергия] обижало и раздражало», прежние хорошие отношения с ей. Николаем резко ухудшились[175]. После увольнения на покой в официальных документах Временного Патриаршего Священного Синода ей. Сергия стали именовать Копорским.

О декларации митр. Сергия 1927 г. Владыка узнал от приезжавшего к нему два-три раза в месяц на исповедь духовного сына, протоиерея Сергия Тихомирова (расстрелянного 20 августа 1930 г.), который заявил, «что с митр. Сергием никакого общения иметь нельзя, т. к. он – предатель Церкви и Иуда, который продал Христа». Еп. Сергий, вместе с еще пятью архиереями, подписал письмо, переданное Заместителю Патриаршего Местоблюстителя делегацией представителей ленинградского духовенства и мирян. 23 ноября/6 декабря 1927 г. – в праздник св. кн. Александра Невского – епископ все же сослужил (единственный из шести оппозиционных Заместителю Местоблюстителя ленинградских архиереев) в Троицком соборе Лавры ей. Николаю (Ярушевичу). Однако уже вскоре он открыто присоединился к зарождавшемуся иосифлянскому движению. Прот. С. Тихомиров, приехав на Володарскую, рассказал Владыке о поездке 12–14 декабря делегации священнослужителей и мирян северной столицы к митр.

В.В. Антонова // Минувшее Т. 15. М., СПб.; 1994. С. 590–592; Митр. Мануил (Лемешевский) Русские православные иерархи периода с 1893 по 1965 годы. Т. 6. Эрланген, 1989. С. 108. Записки протоиерея А. Лебедева о русской церковной жизни 1-й половины XX века. Л., 1926. Рукопись. С. 25–27.

[172] Антонов В.В. Указ. соч. С. 6.

[173] Прот. М.П. Чельцов. Указ. соч. С. 438–439, 447; АУФСБ СПб. ЛО, ф. арх. – след. дел, д. П-83017, т. 1, л. 32 об-33.

[174] Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб.), ф. 491, оп. 35, д. 31, л. 2, 13.

[175] Прот. М.П. Чельцов. Указ. соч. С. 455, 467.

Сергию и «горячо убеждал… стоять на такой же непримиримой позиции» к советской власти и политике Заместителя Местоблюстителя: «Со всего земного шара собрались в Россию безбожники и богоотступники Юлианы, которые разрушают храмы, оскверняют святыни, жгут и выбрасывают образа; вместо икон Спасителя вешают портреты Ленина, служителей церкви преследуют и всячески притесняют. С такой властью, безбожной и сатанинской, никакое примирение невозможно, а необходима борьба до полного уничтожения сов. власти».

Впрочем, не нужно было убеждать долго человека, полагавшего, что «советская власть – власть безбожная… Поддержать безбожную власть – это значит стать самому безбожником». Поскольку

Заместитель Патриаршего Местоблюстителя «в своей декларации поддерживал Советскую власть и повел Церковь Христову по ложному пути на погибель», то, посоветовавшись с епископом Димитрием (Любимовым), протоиереями Иоанном Никитиным, Василием Верюжским и Феодором Андреевым, Владыка Сергий, по его словам, «сознательно перешел к этой группе духовенства, чтобы вместе с ними встать на защиту истинного Православия и, если потребуется, умереть»[176].

Ей. Сергий участвовал в совещании ряда священнослужителей у ей. Димитрия, на котором было решено неотлагательно и официально объявить митр. Сергию о своем отходе от него. 13/26 декабря 1927 г. ей. Сергий, вместе с ей. Димитрием, подписал акт отделения от митрополита Сергия, убедившись, «что новое направление и устроение русской церковной жизни, им принятое, ни отмене, ни изменению не подлежит». В этот же день на квартире у Владыки Димитрия оба иосифлянских епископа заявили ей. Николаю (Ярушевичу), что они и их единомышленники порывают молитвенное общение с митр. Сергием и вручили ему акт отхода.

Вскоре последовали прещения. Теперь из рассекреченных документов известно, что они были инспирированы ОГПУ. В частности, начальник 6-го отделения секретного отдела Е.А. Тучков еще 15 декабря 1927 г. писал в Ленинградское ГПУ: «Сообщите, что мы повлияем на Сергия, чтобы он запретил в служении некоторых оппозиц. епископов, а Ерушевич после этого пусть запретит некоторых попов»[177].

17/30 декабря постановлением Заместителя Местоблюстителя и Временного Патриаршего Священного Синода ей. Сергий был запрещен в священнослужении, и он, «устрашенный наказанием, заявил ей. Николаю, что отмежевывается от раздорников и обещается быть верным сыном Русской Православной Церкви и послушным ее иерархии»[178].

После яркого письма митр. Иосифа (Петровых) от 7 января с одобрением отхода от митр. Сергия епископ вернулся к единомышленникам. В результате Заместитель Местоблюстителя и Временный Синод 25 января постановили ей. Сергия, «давшего обещание отмежеваться от раздорников и быть верным и послушным сыном Православной Церкви и Высшей Церковной иерархии, но не исполнившего данного им обещания и продолжающего служить в состоянии запрещения… лишить титула Копорского, оставив на покое под запрещением и предать его каноническому суду православных епископов». Еще одним постановлением митр. Сергия и Синода от 11 апреля 1928 г. эти прещения были оставлены в силе[179].

---

[176] АУФСБ СПб. ЛО, ф. арх. – след. дел, д. П-83017, т. 1, л. 22, 33–34; Антонов В.В. Указ. соч. С. 6.

[177] «Сов. секретно. Срочно. Лично. Тов. Тучкову». Донесения из Ленинграда в Москву, 1927–1928 годы / Публ. А. Мазырина // Православный Свято-Тихоновский Богословский институт. Богословский сборник. Вып. 10. М., 2002. С. 369.

[178] Митрополит Иоанн (Снычев). Церковные расколы в Русской Церкви 20-30-х годов XX столетия. Сортавала, 1993. С. 173–175.

[179] Акты Святейшего Патриарха Тихона. С. 565–566, 587, 605–606.

Епископ Сергий (Дружинин). Конец 1920-х гг.(Из следственного дела 1937 г.)

Однако этим указам еп. Сергий не подчинился, он вновь стал именоваться, как и до увольнения на покой, епископом Нарвским и постепенно вошел в число руководителей иосифлянского движения. По воскресеньям и в церковные праздники Владыка вместе с еп. Димитрием служил в соборе Воскресения Христова, а в остальные дни – в церкви прп. Андрея Критского, за которую некоторое время шла борьба. Настоятель храма священник Василий Вишневский (вместе с частью прихожан) лишь на короткий срок присоединился к иосифлянам, а в феврале 1928 г. попытался вернуть приход под управление Заместителя Местоблюстителя. Помог еп. Сергию настоятель соседней Спасо-Преображенской церкви прот. Измаил Рождественский, который пришел на приходское собрание с частью своей иосифлянской паствы, и таким образом Владыке «удалось церковь Андрея Критского оставить в православии,

а Вишневскому уйти»[180]. Вместо о. Василия настоятелем храма на ст. Володарская с 1929 г. стал служить иосифлянский протоиерей Феодор Романюк. Число зарегистрированных прихожан этой церкви даже в конце 1931 г., перед закрытием, оставалось значительным – 1400 человек из 19 тыс. жителей поселка.

12 октября 1928 г. еп. Сергий вместе с Владыкой Димитрием тайно хиротонисал во епископа Максима (Жижиленко), но до ареста 29 ноября 1929 г. архиепископа Гдовского, в известной мере «держался в тени». Затем ситуация существенно изменилась, около года епископ Нарвский был управляющим иосифлянской Ленинградской епархией и практическим руководителем движения истинно-православных на всей территории страны.

Позднее, на допросе 17 февраля 1931 г., Владыка Сергий, в изложении следователя, говорил: «…после ареста епископа Любимова Дмитрия я вступил в управление и стал продолжать руководить организацией т. н. “иосифлян” совместно с епископом Докторовым Василием. В управление и руководители я вступил по указанию митрополита Иосифа Петровых. От митр. Петровых я получал все указания и инструкции. Ко мне со всего СССР приезжали члены нашей организации с просьбой посвящения их в сан священника или архимандрита, для того чтобы они на месте могли, будучи священниками, создавать и укреплять наши церковные ячейки»[181].

Владыка отказался сообщить, кого он посвящал в священный сан, заявив, что не помнит этого. Поскольку руководителями иосифлянского движения «решено было как можно больше переманить в нашу организацию деревенских церквей для объединения вокруг них и воспитания крестьянства в нашем истинно-православном духе», и условия для этого были, «так как проводимые в деревне раскулачивание и коллективизация, закрытие церквей, непосильные налоги породили среди крестьян озлобленное отношение к Советской власти», то особенно много епископ Нарвский занимался сельским духовенством. Он посвящал, назначал и перемещал, в основном, в приходы, присоединившиеся при Владыке Димитрии. Так, в село Надбино на Псковщине был послан иеромонах Феодор (Козлов), в село Уторгош Лужского района – иеромонах Варсонофий (Кузьмин), а в Александро-Невскую церковь Красного Села 24 августа 1930 г. назначен настоятелем архим. Никон (Катанский)[182].

Но Владыка назначал и рукополагал в священный сан не только для приходов Ленинградского округа. В 1930 г. он непосредственно окормлял истинно-православные общины в Ярославской епархии и, в частности, рукоположил во иеромонаха иеродиакона Алексеевскою монастыря г. Углича Геннадия (Крылова). 23 мая 1930 г. еп. Сергий посвятил во иерея к Троицкому собору г. Серпухова диакона Василия Шишканова и примерно в это же время – во иеромонаха – насельника Саровской пустыни Серафима (Иванова). В феврале 1930 г. епископ благословил переход в московскую церковь «Никола Большой Крест» приезжавшего к нему священника Александра Поспелова из подмосковного поселка Сходня. Отца Александра направил в Ленинград свящ. Измаил Сверчков, ставший помощником еп. Сергия в делах, касающихся Московской епархии. В начале 1930 г. к Владыке обращались с просьбой прислать настоятеля в их храм верующие с. Иверское Великолуцкого округа и т. д. Весной 1930 г. несколько человек к еп. Сергию прислал для рукоположения проживавший в Харькове епископ Павел (Кратиров). Так как часть иосифлянских общин на Украине относилась к еп. Сергию с недоверием и не признавала его в качестве руководителя движения, Владыка был очень обрадован благожелательной позицией еп. Павла[183].

---

[180] АУФСБ СПб. ЛО, ф. арх. – след. дел, д. П-83017, т. 1, л. 22.

[181] Там же, лл. 11 – 11об.

[182] Там же, л. 17–18; Антонов В.В. Указ. соч. С. 7.

[183] Центральный государственный архив общественных организаций Украины, ф. 263, оп. 1, д. 65744, т. 3, л. 145.

Еп. Сергия признавали практическим руководителем движения далеко не все иосифляне не только в других регионах страны, но и в северной столице. У него не было авторитета архиеп. Димитрия, к тому же наиболее радикально настроенные представители Истинно-Православной Церкви считали еп. Сергия слишком умеренно, конформистски настроенным. Священномученик протоиерей Викторин Добронравов на предложение Владыки быть его помощником ответил отказом (в результате помощниками стали еп. Василий (Докторов) и ключарь собора Воскресения Христова прот. Никифор Стрельников). Согласно показаниям на допросах некоторых иосифлян, «после ареста епископа Димитрия все были удивлены, что аресту не подвергся епископ Сергий (Дружинин); считали, что он продался ГПУ… и его стали бояться». Как показывают архивные документы, эти опасения были совершенно безосновательны.

Недовольство и неповиновение распоряжениям еп. Сергия части ленинградских иосифлян приняло открытый характер в апреле 1930 г., когда Владыка высказался за необходимость проведения требуемой советской властью регистрации приходских советов храмов в соответствии с новым законом 1929 г. Епископ резко критиковал тех, кто «призывал церковников не регистрировать церкви в советских учреждениях и объявлял регистрацию преступной и греховной». В результате этого конфликта целая группа истинно-православных священников перестала признавать Владыку и начала переходить на нелегальное положение.

23 сентября 1930 г. митр. Иосиф показал на допросе: «Разговаривая с Андреевой, я заключил, что Андреева была удручена последним расколом, происшедшим в нашей организации в связи с регистрацией “двадцаток”, вследствие чего духовенство в лице Викторина Добронравова, Алексея Вознесенского, Николая Ушакова, Николая Васильева и других отошли от епископов Сергия Дружинина и Василия Докторова и прекратили служение в церквах, принявших регистрацию».

Представители радикальной группы даже ездили к Владыке Иосифу к месту его ссылки в Николо-Моденский монастырь, но в вопросе необходимости регистрации и сохранения таким образом легального существования храмов митрополит полностью поддержал еп. Сергия. При этом митр. Иосиф все-таки удовлетворил часть просьб ходатаев. На допросе 9 октября 1930 г. он говорил: «После ареста арх. Дмитрия Любимова к управлению по моему благословению вступил Сергий Дружинин, но на него вскоре стали поступать жалобы на его взбалмошный характер, и я в десяти заповедях на имя еп. Сергия, предложил ему ограничить свои права в управлении»[184].

Права Владыки Сергия были сокращены очень существенно. В своих заповедях митр. Иосиф, ради мира в епархии и безопасности самого епископа, предложил ему ограничиться в основном служением в храмах и молитвой. Зная довольно резкий характер еп. Сергия, митрополит порекомендовал ему в заповедях: «Будьте ко всем равно снисходительны, ласковы, уважительны». В то же время Владыка Иосиф потребовал у о. Викторина и его сторонников прекратить после принятия еп. Сергием заповедей «всякую травлю на него» и категорически отверг все подозрения в отношении поведения епископа[185].

В получившей широкое распространение среди ленинградских иосифлян листовке «Ответ митрополита Иосифа на вопросы духовенства и мирян 13/26 июля 1930 г.» говорилось: «Ни в малейшей степени не следует считать достойнейших моих собратий: епископа Сергия (Нарвского) и епископа Василия (Каргопольского) отступившими в чем-либо от чистоты Православия. Я с ними и они со мною, и значит – те, кто не с ними, – те не со мною»[186].

После получения заповедей еп. Сергий по поводу решения всех важных вопросов обращался непосредственно к митр. Иосифу, вплоть до ареста митрополита в Никольском Моден-

[184] «Я иду только за Христом…» С. 389, 405.

[185] Антонов В.В. Указ. соч. С. 7–8.

[186] АУФСБ СПб. ЛО, ф. арх. – след. дел, д. П-83017, т. 3, л. 617.

ском монастыре 12 сентября 1930 г. Позднее на допросе епископ (в изложении следователя) показал: «Митр. Иосиф идейно и организационно руководил церковниками иосифлян… Все указания Иосифа выполнялись неуклонно, и без согласования с ним не предпринималось самостоятельных действий». В то же время еп. Сергий продолжал рукополагать в священный сан, совершать монашеские постриги и даже, возможно, тайные епископские хиротонии.

Так, 3 марта 1931 г. он показал: «…у меня с Никоном архимандритом, которого я послал служить в Красное Село, вместо арестованного священника Телятникова, было совещание после службы в Пискаревке, что для сохранения истинного православия, для того чтобы не остаться без епископов, ввиду последних арестов, нужно производить тайных епископов. В кандидаты в епископы были назначены арх. Никон, как окончивший два высших учебных заведения, арх. Ал. Невской Лавры Терешихин Алексей, архим. Клавдий Савинский. Архим. Макарий в епископские кандидаты был назначен митроп. Иосифом»[187]. Совершили ли Владыки Сергий (Дружинин) и Василий (Докторов) эти хиротонии – с полной точностью до сих пор сказать нельзя, в указанном протоколе допроса это не подтверждается, но и не опровергается.

До недавнего времени еще были живы люди, помнившие служение ей. Сергия в северной столице. Так, по воспоминаниям В.В. Дягилева, Владыка был мудрый, добрый, но мог стать и резким. Епископ был близок с семьей протодиакона собора Воскресения Христова Михаила Яковлева, сын которого Авенир Михайлович вспоминал: «Полный, розовощекий, добродушный, с мягкой улыбкой (таким я его помню)… он бывал в нашем доме на праздниках, любил нашу семью… Епископ Сергий подарил нам свою фотографию с трогательной надписью: “Посошнику моему, отроку Аркадию Яковлеву и лампаднику Авениру Яковлеву, а также и родителям их преподносится сей портрет на долгую и добрую память. Да хранит Вас Господь. Благословение Божие да будет над Вами”»[188].

Являясь сторонником легальных форм церковной деятельности, Владыка Сергий оставался в душе убежденным монархистом и поддерживал связь со своими оказавшимися в эмиграции духовными детьми. Так, в 1928 г. ему был передан «поклон» от Великого Князя Гавриила Константиновича через одного из певчих собора Воскресения Христова, выезжавшего за границу вместе с Ленинградской капеллой. Разделял епископ и эсхатологические представления. По его признанию, он давал читать верующим «листки о пришествии антихриста», говоря, что «настали времена гонений на веру православную, что переживаемое нами время – время гонений и антихриста»[189].

В 1931 г. ОГПУ сфабриковало в Ленинграде второй массовый процесс «контрреволюционной монархической церковной организации истинно-православных». Аресты продолжались с 19 сентября 1930 по 22 апреля 1931 гг., пик их пришелся на конец декабря. Кроме епископов Сергия (Дружинина) и Василия (Докторова), арестованных 7 декабря, в камеры Дома предварительного заключения были отправлены архимандриты Димитрий (Пляшкевич), Иона (Шибакин), Макарий (Трофимов), протоиереи Никифор Стрельников, Феодор Романюк, Михаил Рождественский, Филофей Поляков, Димитрий Кратиров, Алексий Кибардин, Викторин Добронравов, Иоанн Быстряков и Николай Васильев, священники Василий Пронин, Иоанн Экало, Георгий Преображенский, протодиакон Михаил Яковлев, диакон Кирилл Иванов и другие – всего 89 человек. Следствие велось более полугода, обвинительное заключение было составлено 30 мая 1931 г. на 76 человек, в том числе 50 священнослужителей. Постановлением

[187] Там же, т. 1, лл. 26–27.

[188] Андреева М.Ф., Можайская А.Ф. По прочтении «Синодика». СПб., 2000. Рукопись. С. 14.

[189] АУФСБ СПб. ЛО, ф. арх. – след. дел, д. П-83017, т. 1, л. 23.

Коллегии ОГПУ от 8 октября 1931 г. епископ Сергий был приговорен к 5 годам лишения свободы в местах, подведомственных ОГПУ[190].

Диакон Кирилл Иванов. 1920-е гг.

Владыка был подвергнут шести допросам: 17, 23 февраля, 3, 7, 13 и 15 марта. Он вел себя мужественно и не скрывал политических убеждений: «Я считал, что церковь Советская власть стремится уничтожить, разрушает и издевается над святынями и что сама Православная Церковь не может оставаться безучастным зрителем всех этих мероприятий со стороны Соввласти, а скорбит и должна бороться за свое существование…

Истинное Православие может существовать только при монархе. Только он один может восстановить мир и любовь, только монархический строй может восстановить порядок в разоренной России и дать возможность церкви процветать на погибель всех гонителей православной Церкви… Будучи 20 лет духовником великих князей, я был целиком предан им. Государя я считал и считаю Помазанником Божьим, который всегда был с нами, с нами молился и вместе с нами вел борьбу с хулителями Церкви. За его убийство, за убийство наследников я ненавижу большевиков и считаю их извергами рода человеческого. За кровь Помазанника Божьего большевики ответят.

За все, что большевики совершили и продолжают совершать, за расстрелы духовенства и преданных Церкви Христовой, за разрушение Церкви, за тысячи погубленных сынов Отечества большевики ответят, и русский православный народ им не простит. Я считаю, что у власти в настоящее время собрались со всего мира гонители веры Христовой. Русский православный народ изнывает под тяжестью и гонениями этой власти. Стремление Советской власти посредством коллективизации, устройства колхозов спасти свое положение – не пройдет. Кре-

[190] Там же, т. 5.

стьянство политикой Соввласти недовольно… Я и мои единомышленники считали, что истинное Православие через Церковь приведет разоряемую большевиками страну к нашей победе, к победе над врагами и гонителями веры православной»[191].

Осужденная по одному делу с ей. Сергием В.Н. Ждан-Яснопольская позднее вспоминала: «Во время одной из ночных бесед следователь сказал: “Мы умеем уважать врагов”. Вот епископ Сергий Дружинин прямо говорит: “Я не верю вам. Счастливой жизни на земле вы без Бога не построите”. Вот таких врагов мы уважаем»[192].

Отбывать срок Владыку Сергия отправили в Ярославскую тюрьму особого назначения (политизолятор), куда епископ прибыл в декабре 1931 г. Здесь он провел почти четыре года, за исключением трехмесячного пребывания (21 января – 26 апреля 1935 г.) в больнице московской Бутырской тюрьмы. Существует предание, что также отбывавший срок в Ярославском политизоляторе архиепископ Димитрий (Любимов) скончался там 17 мая 1935 г. на руках Владыки Сергия.

И после окончания срока заключения власти не освободили епископа. 7 октября 1935 г. он был приговорен Особым Совещанием при Народном комиссариате внутренних дел к ссылке в Марийскую автономную область на 3 года. Согласно распоряжению от 15 ноября Владыка Сергий 5 декабря 1935 г. был отправлен из тюрьмы по этапу в г. Йошкар-Ола[193].

Прибыв в этот заволжский город, он поселился и прожил последние два года жизни в доме бывшей насельницы закрытого в 1921 г. Царевококшайского Богородице-Сергиева монастыря Анны Михайловны Комелиной на ул. Волкова, 94. Сестра Анна родилась в 1887 г. в д. Овечкино Оршанского уезда Казанской губернии в крестьянской семье, после закрытия обители жила за счет случайных заработков, в 1923 г. была лишена избирательных прав, в 1934 г. подвергалась аресту органами НКВД по обвинению в антисоветской деятельности и агитации, но вскоре оказалась освобождена под подписку о невыезде. Монахиня была арестована и осуждена вместе с Владыкой Сергием.

Проживая в Йошкар-Оле, епископ служил тайно, местное население чтило его как святого старца. Место жительства Владыки в ссылке стало центром притяжения людей, ищущих духовного общения и окормления. К епископу приходило довольно много людей – не только жители города, но и верующие из различных районов Марийской области. Нередко бывали у него иосифляне из Кировской (Вятской) епархии, а с начала 1936 г. стали приезжать духовные чада ей. Сергия из Ленинграда. Нередко Владыку посещали священнослужители, главным образом, отошедшие от митр. Сергия. Впрочем, в феврале 1937 г. к ссыльному дважды приходил управлявший в те годы Марийской епархией епископ Варлаам (Козуля). Он просил ей. Сергия примириться с митр. Сергием и вернуться к нему. Епископ Сергий обещал «списаться с профессорами» и поступить так, как они посоветуют, но, судя по всему, этого не сделал.

Ссыльный Владыка поддерживал связь с другим проживавшим в Марийской области – в г. Козьмодемьянске, на поселении – иосифлянским епископом Иларионом (Бельским). Отбыв пятилетний лагерный срок на Соловках и в Беломоро-Балтийском лагере, ей. Иларион остался убежденным противником Заместителя Патриаршего Местоблюстителя и, приехав летом 1937 г. в Йошкар-Олу к ей. Сергию, «очень просил не присоединяться к продавшим себя большевикам сергиевцам и обновленцам». Вскоре после этой поездки Владыка Иларион был арестован, 28 августа приговорен к высшей мере наказания и 31 августа 1937 г. расстрелян в Йошкар-Оле[194].

[191] Там же, т. 1, лл. 13 об., 22, 26.

[192] Мироносицы в эпоху ГУЛАГа. С. 535.

[193] Государственный архив Республики Марий Эл, ф. 1086, оп. 7, д. 909, л. 3–5.

[194] Там же, д. 909, 910; За Христа пострадавшие. Кн. 1. С. 431.

Во время проживания в Марийской области здоровье престарелого епископа Сергия уже было подорвано предыдущим тюремным заключением, и он страдал немощностью. Беспокоясь о Владыке, верующие старались помочь кто чем мог, окружали его, как настоящая семья, заботящаяся о своем отце и утешаемая его духовными дарами. Епископу приносили продукты, одежду и другие необходимые для жизни вещи. Одна из бывших прихожанок прислала Владыке антиминс и облачение со словами: «Как-нибудь уж сохраните, чтобы не попало в руки врагов». Возможно, на этом антиминсе епископ и служил дома литургию, так как иосифлянских храмов в Йошкар-Оле не было. Отбывавший ссылку в Архангельске староста Феодоровского собора Детского Села Иван Корнилович Корнилов просил ей. Сергия, получив его адрес от епископа Авраамия (Чурилина), сообщить о себе и одновременно извещал, что вместе с ним в Архангельске живет прот. Василий Верюжский, бывший настоятель собора Воскресения Христова в Ленинграде, куда из ссылки вскоре возвращается протодиакон этого храма Василий Смирнов. В марте 1936 г. ухаживать за Владыкой приехала из Ленинграда пенсионерка Екатерина Аверьяновна Киселева, которая, по ее словам, узнала адрес своего духовного отца через Красный Крест.

Однако постепенно над ей. Сергием стали «сгущаться тучи». 14 февраля 1937 г. местные агенты НКВД арестовали бывшего церковного старосту крестьянина Игоря Ильича Стенькина. На допросе он признался, что с группой из 21 человека принадлежит к «истинно-православным христианам», которые собираются в его доме и в доме Прасковьи Александровны Кирпичниковой из деревни Важнангер, поскольку «с момента ареста в 1932 году нашего православного священника Мало-Сундьярской церкви Игноносова Александра Семеновича все мы в церковь не ходим, молимся дома, потому что церковь перешла в сергианскую ориентацию, которую, по своему убеждению, мы считаем отошедшей от православия и продажной советской власти».

С начала 1934 г. эта группа истинно-православных христиан поддерживала переписку с близким к иосифлянам архиепископом Угличским Серафимом (Самойловичем), который, отбыв заключение на Соловках, с 1932 г. жил в ссылке в Архангельске до нового ареста там 21 мая 1934 г. Пастырем, который непосредственно окормлял ИПХ, был замечательный православный исповедник священник Харитон Иоаннович Пойдо. Он родился в сентябре 1888 г. в с. Днепрово-Каменки Лиховского уезда Екатеринославской губернии в крестьянской семье. Окончив два класса сельской школы, Харитон до начала I Мировой войны был послушником в Святогорской Успенской пустыни на востоке Украины, а затем в Троице-Сергиевой Лавре. Будучи призван в армию, он воевал на фронте ив 1915 г. попал в немецкий плен, в котором находился четыре года.

Вернувшись на Родину, Х.И. Пойдо принял сан священника. Служение о. Харитона в 1920 г. было прервано арестом и приговором ВЧК к трем месяцам заключения, которые он отсидел за то, что свидетельствовал о чуде обновления икон. В 1927 г. батюшку, жившего, по его словам, «в Советском Союзе как пленник веры православной», сослали на три года в Марийскую область, где по отбытии срока дали 30 января 1930 г. еще три года, но уже лагеря в г. Котласе. В 1932 г. отец Харитон был вновь приговорен Коллегией ОГПУ, на этот раз на семь лет лишения свободы. Правда, после трех лет ссылки в Архангельске, исповедник был освобожден досрочно в 1935 г. и вернулся в Марийскую область. С 1936 г., после фабрикации первого дела истинно-православных в Марийской АССР (образованной из автономной области), о. Харитон стал служить тайно, скрываясь от властей.

Арестовали священника 26 августа 1937 г. в д. Коряково одноименного сельсовета, в доме крестьянки Марии Степановны Булыгиной, которая якобы «совместно с ним проводила контрреволюционную подготовительную, разлагательскую работу среди колхозников и распространяла слухи о скорой войне и гибели Советской власти». Отец Харитон окормлял не только группу И. Стенькина, но и примыкавших к ним истинно-православных крестьян из Вилова-

товского, Кузнецовского, Кожволжского и Красноволжского сельсоветов, т. е. довольно большой заволжской катакомбной общины.

На допросе 2 сентября священник «заявил, что он Советскую власть не признает, так как это власть антихриста, и он вел борьбу против Советской власти и будет вести борьбу в дальнейшем». При этом отец Харитон уточнил, что борется «путем защиты» Церкви и «учения Христова». Отказавшись отвечать на большинство поставленных вопросов, батюшка лишь признал, что «учил христиан, чтобы крестьяне не входили в колхозы, не верили в учение Советской власти и не подчинялись бы ей», и считал «советские законы безбожными, не совпадающими с духом православной церкви».

И. Стенькин также откровенно рассказал следователю о своем враждебном отношении к советской власти: «Налог не платил, хлебопоставку, мясопоставку и другие обязательные поставки также не платил; никакие обязательства и платежные поручения от местной власти не принимал; своей росписи на советских документах не учинял. На лесозаготовку не выходил; детей своих в советскую школу не пускаю; медицинской помощью и товарами советского производства не пользуюсь».

Игорь Ильич так обосновал свое поведение: «Отказывался и отказываюсь от выполнения всех законов Советской власти, потому что я – истинно-православный христианин, а Советская власть создана не Богом, а сатаной и является безбожной властью, продажной антихристу… не признавать ее как безбожную власть и не поддерживать материально учит Закон Божий, которому мы, истинно-православные христиане, верим и его выполняем». Высказался Стенькин также о судьбе советского строя: «Власть, созданная не Богом и не признающая Бога, долго существовать не будет, и мы ожидаем такую власть, которая бы поощряла религию», бесстрашно уточнив, что «на случай военных действий мы за советскую власть воевать не пойдем и будем придерживаться той политики, которую проводим сейчас».

Единственным приемлемым для себя строем истинно-православные христиане считали монархию. При обыске у них были изъяты вырезанные из календаря портреты Николая II, изображения коронации, статьи об Императоре, что для следствия явилось «вещественным доказательством безусловного желания реставрации старых порядков в стране». «Мы в своих молитвах поминали царя», – откровенно показывал на допросе И. Стенькин. Он же говорил, что эти убеждения разделял Владыка Сергий (Дружинин), который «при каждой встрече восхваляет царя Николая Романова и ставит его в разряд “святых”»[195].

Монархические убеждения епископа сближали его с истинно-православными христианами, но между ними имелись и серьезные различия. В частности, ей. Сергий никогда не призывал к невыполнению всех основных советских законов и не отрицал благодатности таинств, совершаемых священнослужителями— сторонниками митр. Сергия.

Однако марийским органам НКВД показалось очень выигрышным сфабриковать дело подпольной «контрреволюционной группы церковников» во главе с известным в стране епископом. Через пять дней после ареста о. Харитона Пойдо было выписано постановление о предъявлении обвинения и избрании меры пресечения в виде содержания под стражей в тюрьме Йошкар-Олы ей. Сергию, так как он «являясь ссыльным за к-р. деятельность… определил себя к-р. монархическо-церковным элементом в городе, среди населения ведет к-р. деятельность, а так же объединяет своим руководством все к-р. группировки ИПЦ в МАССР». 5 сентября был выписан ордер на проведение обыска в квартире епископа и его арест[196].

Владыку Сергия схватили у него на квартире 7 сентября 1937 г., после того как допросили всех арестованных истинно-православных христиан и знакомых епископу монахинь, которые

---

[195] Антонов В.В. Еще раз о священномученике Сергии (Дружинине) // Православная жизнь. 1998. № 2. С. 18–21; Государственный архив Республики Марий Эл, ф. 1086, оп. 7, д. 909, 910.

[196] Там же, д. 909, лл. 66–67.

жили в Йошкар-Оле общиной вместе с бывшей игуменией Богородице-Сергиева монастыря Магдалиной (Большаковой). В ходе следствия монахини на вопросы старались отвечать предельно кратко и отрицательно. Когда престарелую Анастасию (Задворову) следователь спросил: «Вы использовали религию на борьбу с советской властью. Признаете ли Вы это?» – она решительно ответила: «Нет, не признаю». Главная задача органов следствия состояла в том, чтобы связать епископа Сергия с истинно-православными христианами, взгляды которых далеко не во всем совпадали с иосифлянами, и выставить Владыку их руководителем. Решить эту задачу помог служивший в сергианской Велюновской церкви священник Иоанн Демидов. На допросе он показал: «Дружинин Сергей с первого времени нахождения в политической ссылке окружил себя наиболее реакционной частью духовенства и монашествующих… ведет активную контрреволюционную организационно-практическую работу по сплачиванию и объединению контрреволюционных групп церковников, последователей Истинно-Православной Церкви»[197].

Владыка Сергий был допрошен лишь один раз – в день ареста 7 сентября. Согласно протоколу допроса на трижды заданный вопрос о признании виновным в контрреволюционной деятельности новомученик каждый раз отвечал категорическим отказом. Епископ не назвал ни одного имени и не привел ни одного факта, за который могли бы ухватиться органы следствия. Видимо поняв, что добиться признаний от него невозможно, Владыку больше на допросы не вызывали[198].

В тот же день, 7 сентября, было составлено обвинительное заключение по групповому делу истинно-православных, в котором говорилось: «Дружинин Иван (он же Сергей) Прохорович, как непримиримый враг существующего строя – Советской власти, на всем протяжении ее существования вел активную контрреволюционную борьбу за свержение последней и установление монархического строя. Был организатором контрреволюционной монархической организации “Истинно-Православная Церковь” и под руководством Московского центра этой контрреволюционной организации создал в Ленинграде церковно-административный центр, группируя вокруг этого центра все духовенство и других враждебно настроенных к Советской власти элементов. Формировал ячейки из погромно-черносотенного монархического элемента с целью подготовки реставрации монархического строя… Прибыв на место ссылки в город Йошкар-Ола, он активно возобновил свою к/р деятельность, группируя вокруг себя враждебно настроенных лиц к Советской власти преимущественно из духовенства, монашек, которые среди населения города Йошкар-Ола и окружающих деревень вели к/р пораженческую агитацию, распространяли слухи о скорой войне и гибели Советской власти. Систематически агитировали отсталую среду колхозников за выход из колхоза и роспуск последних. В результате к/р агитации к/р группы монашек, руководимых Сергеем Дружининым и попом Харитоном Пойдо, колхозницы не выходили на колхозные работы, требуя их исключения из колхоза».

Епископ Сергий также обвинялся в том, что он «вел систематическую переписку с членами к/р организации “ИПЦ”, проживающими вне территории МАССР, давая указание на проведение к/р работы среди населения города Йошкар-Ола Марийской республики, а также и из Кировской области, и с ними проводил нелегальное контрреволюционное совещание о дальнейшей к/р деятельности по борьбе с Советской властью»[199].

Всего по делу ей. Сергия проходило 19 человек, из них осудили 18: самого Владыку, о. Харитона, 15 бывших сестер

Богородице-Сергиева монастыря в возрасте от 56 до 72 лет, происходивших, в основном, из семей крестьян-марийцев, и укрывавшую священника Х. Пойдо мирянку М.С. Булыгину.

---

[197] Антонов В.В. Еще раз о священномученике Сергии (Дружинине). С. 21.

[198] Государственный архив Республики Марий Эл, ф. 1086, оп. 7, д. 909, л. 68–69.

[199] Там же, лл. 268–269.

Хотя при обысках у монахинь было обнаружено большое количество церковных книг, портреты Николая II и его Семьи (что следователи сочли вещественным доказательством), все арестованные сестры вели себя на допросах очень мужественно и виновными в контрреволюционной деятельности себя не признали. Впрочем, в то время особых доказательств вины для расправы и не требовалось. Уже 11 сентября 1937 г. Тройка Управления НКВД по Марийской АССР приговорила епископа Сергия, священника Харитона Пойдо, монахинь Антонину (Шахматову), Анастасию (Задворову) и Евдокию (Стародубцеву) к высшей мере наказания, а остальных обвиняемых – к 10 годам лагерей. В дальнейшем эти сестры получили еще по одному сроку заключения, и выжили в тюрьмах и лагерях из них лишь две монахини.

Епископ Сергий был расстрелян 17 сентября 1937 г. в 19 часов в подвале йошкар-олинской тюрьмы. Место погребения Владыки и убиенных вместе с ним за веру Христову неизвестно, но предположительно им служит одно из городских кладбищ. В архивно-следственном деле сохранилась фотография новомученика с трогательной дарственной надписью: «Дарю Вам образ лика моего, и в час досуга золотого Вы посмотрите на него и помолитесь за меня. Болящий Е. Сергий»[200]. Реабилитирован Владыка был только в 1989 г.

Подвиг епископа Сергия не был забыт Церковью. Память о нем сохранилась и в сердцах его сподвижников, духовных детей, и среди людей, когда-то просто оказавшихся в кругу его общения. Даже те, кто не знал об исповеднической стезе Владыки, не могли забыть его доброту, простоту и теплое отношение к ближним. Молитвы о епископе Сергии возносились и в марийских селах, и среди жителей пос. Володарский – прихожан когда-то окормляемого им храма, и в русском зарубежье. В октябре 1981 г. состоялась канонизация Владыки Русской Православной Церковью за границей, готовится его прославление в лике святых и Московским Патриархатом. В начале 2005 г. возрожденный приход прмч. Андрея Критского провел конференцию, посвященную епископу Сергию, снял о нем фильм; ведется сбор воспоминаний и документов, связанных с жизнью и деятельностью Владыки.

[200] Там же, лл. 270–275, 311–312.

Епископ Козловский Алексий (Буй)

Движение истинно-православных в Центральном Черноземье России возглавил епископ Алексий (в миру Семен Васильевич Буй). Во многом благодаря его активной церковной деятельности этот значительный по площади и населению регион стал после Великой Отечественной войны основным районом распространения тайных общин, и еще несколько десятилетий после мученической кончины Владыки его последователей называли «буевцами».

Родился епископ Алексий в 1892 г. в пос. Ксениевском (Ксеньевка) Новокустовской волости Томского уезда и губернии, в семье крестьян, переселившихся в Сибирь из Витебской губернии. Это объясняет западнорусскую фамилию Владыки. Учился мальчик, преодолевая значительные трудности. По его словам, он «закончил приходское и духовное училище в Томске и, не имея средств для продолжения образования, поступил в церковно-приходскую школу при Красноярском Знаменском монастыре, где состоял также делопроизводителем».

Пребывая в расположенном в 30 верстах от города монастыре, Семен Васильевич заочно учился в Духовной семинарии Красноярска ив 1915 г. сдал экзамены на четвертый класс, но дальше учиться не смог из-за отсутствия средств. В начале сентября 1915 г. С.В. Буй поступил келейником в Архиерейский дом в Томске и с благословения архиепископа Томского и Иркутского Анатолия (Каменского) был принят в слушатели местной семинарии и сумел закончить ее[201].

29 сентября 1915 г. Семен Васильевич в Архиерейском доме принял монашеский постриг с именем Алексий, all октября того же года был рукоположен во иеродиакона Владыкой Анатолием в кафедральном соборе Томска. Оставаясь приближенным архиепископа, иеродиакон исполнял при нем обязанности делопроизводителя, т. е. заведовал канцелярией. 4 апреля 1917 г. Владыка Анатолий посвятил о. Алексия во иеромонаха, но оставил при себе и только в 1918 г. отправил в Бийское катехизаторское училище на Алтае для преподавания Священного Писания. Около года о. Алексий исполнял в училище обязанности инспектора, вернувшись в Томск осенью 1919 г., уже после завершения в этих местах Гражданской войны.

Несколько месяцев иеромонах был личным секретарем архиеп. Анатолия, а в середине 1920 г. переехал в Иркутск, где поступил в пригородный Князь-Владимирский мужской монастырь. 27 июня 1922 г. о. Алексий был назначен настоятелем этой обители, но вскоре монастырь был закрыт советскими властями. Осенью 1922 г. иеромонах, видимо за непризнание обновленческого Епархиального управления, оказался арестован по обвинению в контрреволюционной деятельности и три месяца провел в городском Доме заключения. Затем он был оправдан судом, но вынужден уехать из Иркутска. По некоторым сведениям, иеромонах сразу после освобождения по вызову ОГПУ прибыл в Москву, где имел малоприятную беседу с начальником «церковного» отдела Е.А. Тучковым.

21 апреля 1923 г. о. Алексия приняли в Самарскую епархию, где правящий архиерей, архиепископ Анатолий (Грисюк), назначил его настоятелем Александро-Невского мужского монастыря под Бугульмой с возведением в сан архимандрита. Владыка задумал сделать о. Алексия своим викарием с кафедрой в Бугульме, но не успел до своего ареста. Вопрос пришлось решать срочно в конце 1923 г.

1 января 1924 г. собравшиеся в Уфе епископы: Довлекановский Иоанн (Поярков), Стерлитамакский Марк (Боголюбов) и Байкинский Вениамин (Фролов) подписали решение: «… святые Божии церкви соседней к Уфе православной епископии Самарской лишены в настоящие дни главенствующего руководителя жизни церковной, а также и то, что в сей епископии не

[201] Антонов В. О жизни священномученика Алексия (Буя) // Русский пастырь. 1997. № 28–29. С. 191–193; Митр. Мануил (Лемешевский). Указ. соч. Т. 8. С. 105; РГИА, ф. 831, д. 268, д. 273, лл. 3–6.

имеется ни одного православно-мудрствующего епископа, состоящего в нелицемерном общении с прочими православными епископами Заволжья и облеченного хотя бы частью архиерейских полномочий, нижеподписавшиеся епископы за благо рассудили учредить в г. Бугульме Самарской епархии кафедру викарного епископа, об открытии которой донести Святейшему Патриарху».

Обосновывая свое решение, епископы ссылались не только на желание архиеп. Анатолия и известность о. Алексия жителям Бугульмы, но и на то, что «содержание одного кандидата во епископы не потребует особых расходов, так как он занимает место настоятеля общины и получает от нее довольствие». Наречение и хиротонию архимандрита Алексия во епископа Бугульминского указанные архиереи, вместе с временно управляющим епархией ей. Иоасафом (Рогозиным), совершили в тот же день – 19 декабря 1923 г./1 января 1924 г. в Уфе в Никольской Крестовой церкви[202].

Следует отметить, что хиротония была совершена, несмотря на ответную телеграмму Патриарха Тихона уфимским архиереям с предложением временно воздержаться от нее до выяснения ситуации и представить все данные об архим. Алексии. На Бугульминской кафедре епископ пробыл недолго, в начале 1924 г. он приехал в Москву, испросил у Патриарха Тихона благословения, был признан милостью Первосвятителя в архиерейском сане и 13 марта назначен епископом Петропавловским, викарием Омской епархии с правом управления ею, вместо епископа Григория (Козырева), не пожелавшего занять это место. Это опровергает утверждение в характеристике Владыки Алексия, данной канцелярией Временного Патриаршего Священного Синода после отделения епископа от митр. Сергия (Страгородского), о том, что архиеп. Анатолий якобы не избирал архим. Алексия во епископа Бугульминского[203].

12 апреля 1925 г. Владыка Алексий присутствовал на погребении Патриарха Тихона в Донском монастыре и в тот же день в числе других архиереев подписал в качестве епископа Петропавловского определение о подлинности завещания Первосвятителя и передаче высшей церковной власти Патриаршему Местоблюстителю митрополиту Петру (Полянскому). Вскоре Владыка Алексий был назначен епископом Семипалатинским, викарием Омской епархии. Возможно, кафедрами в Северном Казахстане епископ был обязан своему прежнему покровителю Владыке Анатолию (Каменскому), который с 1923 г. до своей кончины осенью 1925 г. проживал в Омске при местном архиерее Викторе (Богоявленском), будучи с ним очень дружен. Большую часть своей жизни епископ Алексий прожил в Сибири, покинув ее в 33 года. Около двух месяцев он управлял Екатеринбургской епархией, а в октябре 1925 г. был назначен епископом Велижским, временно управляющим Витебской епархией и занимал эту кафедру до февраля 1926 г.

12 января 1926 г. ей. Алексий участвовал вместе с митрополитом Сергием (Страгородским) в состоявшейся в Нижнем Новгороде архиерейской хиротонии Владыки Димитрия (Любимова), с которым тогда впервые встретился. В феврале 1926 г. Владыка Алексий начал служить в Центральном Черноземье России, сначала короткое время епископом Острогожским, викарием Воронежской епархии, затем епископом Козловским, викарием Тамбовской епархии, епископом Шацким в той же епархии и вновь епископом Козловским. При этом Владыка также временно управлял Тамбовским и Кирсановским округами. В 1926 г. он в течение шести месяцев находился в заключении в московской Бутырской тюрьме.

В январе 1927 г. Заместитель Патриаршего Местоблюстителя архиепископ Угличский Серафим (Самойлович) назначил епископа Алексия одним из трех кандидатов на должность временного исполняющего обязанность Заместителя Местоблюстителя в случае его ареста. 16 февраля/1 марта 1927 г. архиеп. Серафим также назначил Владыку Алексия временно управ-

[202] Антонов В. Указ соч. С. 193.

[203] Акты Святейшего Патриарха Тихона. С. 307, 622; Антонов В. Указ, соч. С. 193–194.

ляющим Воронежской епархией с оставлением и епископом Козловского округа. Осенью того же года ей. Алексий переехал жить из Козлова в Воронеж. Едва появившись в городе, епископ сразу привлек внимание органов ОГПУ, на него стали собирать компрометирующие материалы. Архивные документы свидетельствуют, что для ОГПУ наблюдение за архиереем и его сторонниками проходило как «агентурная разработка под названием “Стадо”». В декабре 1927 г. новый Заместитель Местоблюстителя митр. Сергий (Страгородский) назначил Владыку Алексия епископом Уразовским, викарием Воронежской епархии, но тот это назначение, видимо, не принял, так как продолжал именовать себя епископом Козловским[204].

Движение истинно-православных возникло в Центральном Черноземье России на рубеже 1928 и 1929 гг., 9/22 января 1929 г. епископ Алексий огласил в Воронеже свое послание к православному клиру и мирянам Воронежской епархии об отмежевании от митрополита Сергия (Страгородского): «Своими противными духу Православия деяниями митрополит Сергий отторгнул себя от единства со Святой, Соборной и Апостольской Церковью и утратил право предстоятельства Русской Церкви… Будучи волею Божией и благословением Заместителя Патриаршего Местоблюстителя Серафима, архиепископа Угличского, от 16 февраля (1 марта) 1927 года облечен высокими полномочиями быть стражем Воронежской Церкви с оставлением одновременно и епископом Козловского округа и вполне разделяя мнения и настроения верных православных иерархов и своей паствы, отныне отмежевываюсь от митрополита Сергия, его неканонического Синода и деяний их, сохраняя каноническое преемство через Патриаршего Местоблюстителя Петра, митрополита Крутицкого… Высокопреосвященнейшего Иосифа (Петровых) избираю своим высшим духовным руководителем. Молю Господа, “да сохранит Он мирну страну нашу”, да утвердит и соблюдет Церковь Свою Святую от неверия, ересей и раскола и дарует нам ревность и мужество “ходить в оправданиях Своих без порока”»[205].

Подписанное представителями воронежского духовенства послание было доставлено келейником еп. Алексия, священником Стефаном Степановым, митр. Иосифу и получило его одобрение, несмотря на отказ административно возглавить воронежское духовенство (Владыка написал резолюцию: «Управляйтесь сами, самостоятельно – иначе погубите и меня и себя»)[206].

Позднее в материалах следственных дел инициатором антисергианского движения в Воронеже было названо ссыльное духовенство, которое формировало тогда общественное церковное мнение в городе: отцы Николай Пискановский, Иоанн Стеблин-Каменский, Иоанн Андреевский, Илия Пироженко, Петр Новосельцев, Евгений Марчевский и Сергий Гортинский. По словам о. Сергия Бутузова, «они создали то твердое настроение массы, которое за собой увлекло все воронежское духовенство». Московский прот. Николай Дулов на допросе даже показал, что, узнав осенью 1927 г. о первоначальном признании еп. Алексием Декларации митр. Сергия, он написал письмо прот. И. Пискановскому о необходимости привлечь на свою сторону «ангела» (т. е. Владыку Алексия); и представители ссыльного духовенства «начали наседать» на епископа, убеждая в необходимости отхода от Заместителя Местоблюстителя[207].

27 января 1928 г. митр. Сергий и Временный Патриарший Священный Синод приняли постановление по делу «о раздорнической деятельности» еп. Алексия (Буя), он был предан архиерейскому суду, запрещен в священнослужении и уволен на покой. 11 апреля эти меры

---

[204] Акты Святейшего Патриарха Тихона. С. 417, 835, 960; За Христа пострадавшие. Кн. 1. С. 58; Осипова И.И. «Сквозь огнь мучений и воду слез…» М., 1996. С. 254; Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области (ГАОПИВО), ф. 9323, оп. 2, д. 16967, т. 12, л. 67.

[205] Польский М. Указ соч. Т. 2. С. 68–69.

[206] ГАОПИВО, ф. 9323, оп. 2, д. П-24705, т. 4, л. 458.

[207] Там же, лл. 456–457, т. 5, л. 819.

прещения были подтверждены новым постановлением Заместителя Патриаршего Местоблюстителя и Синода, однако Владыка Алексий этим указам не подчинился[208].

В конце января епископ Богучарский Владимир (Горьковский) объявил клиру и прихожанам об «отпадении» еп. Алексия от Церкви и заявил, по указанию митр. Сергия, о своих претензиях на управление епархией, но Владыка Алексий, в свою очередь, не благословил общение с еп. Владимиром. А 14 февраля 1928 г. Заместитель Местоблюстителя назначил временно управляющим Воронежской епархией епископа Егорьевского Павла (Гальковского)[209].

Центром деятельности иосифлян в епархии стал Алексеевский Акатов мужской монастырь в Воронеже, а также Покровский Девичий монастырь и, в первой половине 1928 г., Вознесенская и Пятницкая (Рождества Богородицы) воронежские церкви. Всего же в епархии от митр. Сергия отделилось более 80 приходов, в основном, в Острогожском, Усманском и Борисоглебском округах. Численность же «буевского» духовенства точно установить невозможно. По данным ОГПУ, в 1929 г. «активных членов» организации насчитывалось около 700 человек, в 1930–1931 гг. их было «раскрыто» до тысячи, в 1932 г. «выявили» еще 27 групп общей численностью 202 человека. Сведения о социальной принадлежности в следственных делах 1930 и 1932 гг. имеются на 567 человек, из них 97 были священниками, 120 – монашествующими и один – епископом. В 1928–1929 гг. арестовано не менее 33 священнослужителей. Таким образом, общая численность «буевского» черного и белого духовенства, вероятно, доходила до 400 человек.

Движение охватило около сорока районов Центрально-Черноземной области. Так, 17 марта в Воронеж приехал из Ельца священник Владимирской церкви о. Сергий Бутузов. Он встречался с еп. Алексием и переписал у него иосифлянские воззвания и послания. Вскоре еп. Алексий прислал в поддержку Бутузову игум. Питирима (Шумских), который помог в организации монашеской общины при Владимирской церкви, а затем и в отделении от митр. Сергия расположенного вблизи Ельца Знаменского монастыря.

В Задонском районе Елецкого округа иосифлянское духовенство возглавил архим. Никандр (Стуров), а в начале сентября 1928 г. сам еп. Алексий ездил в Задонск «для утверждения там иосифлянства». Немало приходов в окормляемом еп. Алексием с февраля 1926 г. Козловском округе отошло от митр. Сергия, в том числе Никитская церковь в г. Козлове (ныне г. Мичуринск Тамбовской области), храм в с. Избердей, Петропавловская кладбищенская церковь в Тамбове. Весной и летом 1928 г. к еп. Алексию присоединилась значительная часть приходов Старооскольского округа во главе с благочинным прот. Афанасием Шмигалевым, храмы в селах Дроново и Теребрино Белгородского округа, в Курске и на юге Курского округа.

18 марта 1928 г. к еп. Алексию приехал руководитель антисергианских, уже перешедших на автокефальное управление, приходов

Майкопского, Черноморского и Армавирского округов Северо-Кавказского края и значительной части Восточной Украины епископ Майкопский Варлаам (Лазаренко). Он признал еп. Алексия руководителем и духовным вождем и разослал воззвания к духовенству с указанием о переходе под руководство управляющего Воронежской епархией. В 1930 г. о. С. Бутузов показал на допросе: «Объехав юг России, еп. Варлаам объединил на платформе организации целый ряд приходов на Полтавщине, Харьковщине, на юге Курской губ. и, в частности, группу Сумского округа, возглавляемую свящ. Василием Подгорным. Не имея абсолютности самому управлять, Варлаам передал их в полное руководство еп. Алексию. Это было начало объединения вокруг Алексия южных приходов России»[210].

---

[208] Акты Святейшего Патриарха Тихона. С. 569, 605–606.

[209] Там же. С. 986; Акиньшин А.Н. Церковь и власть в Воронеже в 1920-1930-е годы (Процессы Петра Зверева и Алексия Буя) // Церковь и ее деятели в истории России. Воронеж, 1993. С. 136.

[210] ГАОПИВО, ф. 9323, оп. 2, д. П-24705, т. 1, л. 18.

11 мая 1928 г. Владыка Алексий уехал в Москву по вызову ОГПУ, где ему было объявлено о запрещении жить в Воронеже. После этого епископ, в сопровождении прот. Н. Дулова, посетил Ленинград, где в середине мая на квартире прот. Феодора Андреева состоялось совещание руководителей иосифлян с участием еп. Димитрия (Любимова) и М.А. Новоселова. На допросе 11 июля 1930 г. о. Н. Дулов показал, что «Новоселов проявил большой интерес к еп. Алексию. Помню, что проф. Новоселов при входе в кабинет архиепископа Димитрия высказывался по вопросу епископа Алексия, называл его "столпом южной Церкви" и указывал на умелое ведение дела еп. Алексием… Новоселов интересовался у еп. Алексия вопросом отношения паствы и духовенства к антихристу. Еп. Алексий отвечал, что паству смущает закрытие церквей и активная антирелигиозная работа, а поэтому почва для распространения идей об антихристе благоприятная».

На совещании обсуждался и вопрос выбора нового места жительства епископа в связи с его высылкой из Воронежа. Первоначально было решено, что Владыка поселится под Ленинградом – в Сестрорецке или Стрельне, но затем епископ выбрал г. Елец. После майского совещания еп. Алексий стал управляющим всеми иосифлянскими приходами юга России и исполняющим обязанности Экзарха Украины. Владыка Димитрий передал епископу Козловскому окормляемое им ранее духовенство Кубани и Ставрополья, мотивируя тем, что ему далеко и трудно осуществлять это руководство (все назначения были проведены с благословения митр. Иосифа). Летом 1928 г. к еп. Алексию присоединились бывшие сергианские приходы юга России и Украины: в Елисаветграде (Зиновьевске), Купянском округе, различных районах Кубани (в том числе в Ейске). Ближайшие помощники Владыки называли его в шутку «митрополитом всея Украины и Юга России»[211].

Еп. Алексий поддерживал связь не только с архиеп. Димитрием, но и с митр. Иосифом. На допросе осенью 1930 г. митрополит показал: «Из Воронежской епархии я посетителей не имел, но получил через Ленинград одно или два письма еп. Алексия, управлявшего Воронежской епархией, с сообщением (кратким) о положении дел в их крае и с просьбой – в затруднительных случаях не оставить советом чрез Вл. Димитрия. Краткий же ответ был послан на это, кажется, тоже через еп. Димитрия, или почтой – не помню»[212].

С 20 мая 1928 г. епископ жил в Ельце. Своим представителем в Воронеже, епархиальным благочинным, он назначил прот. Александра Палицына, а его помощником – прот. Иоанна Стеблина-Каменского. «После водворения на жительство в Ельце еп. Алексия, началась волна присоединений. Моя квартира стала вроде странноприимного дома, так как каждый день ночевало от двух до трех священников. Большую массу присоединений дал Сумской округ, куда еп. Алексий рукоположил не один десяток священнослужителей», – показывал на допросе о. Сергий Бутузов[213].

Бурное развитие «буевского» движения встревожило власти, и вскоре последовали репрессии. В 1928 г. были высланы из Центрально-Черноземной области протоиереи Петр Новосельцев, Илия Пироженко (по постановлению Коллегии ОГПУ от 17 февраля), Николай Пискановский, Иоанн Андриевский (по постановлению Коллегии ОГПУ от 31 августа). В Ельце 21 июля 1928 г. был арестован, а 12 сентября выслан из города о. Сергий Бутузов. Еп. Алексий направил священника в Вознесенскую церковь Воронежа, но его там не приняли, храм уже заняли сергиане, и о. Сергий со 2 января 1929 г. стал настоятелем церкви в с. Нижний Икорец Лискинского района.

После смерти прот. Александра Палицына в конце 1928 г. еп. Алексий назначил епархиальным благочинным прот. Иоанна Стеблина-Каменского, ранее высланного в Воронеж, где

---

[211] Там же, л. 16, т. 5, л. 832.

[212] «Я иду только за Христом…» С. 414.

[213] ГАОПИВО, ф. 9323, оп. 2, д. П-24705, т. 1, л. 50.

тот служил в церкви Девичьего монастыря и фактически руководил им. «Буевцы» поддерживали общение с иосифлянами Ленинграда и Москвы. Осуществлялось оно, в основном, через прот. Николая Дулова и о. Стефана Степанова, который в сентябре 1928 г. несколько раз встречался с еп. Димитрием (Любимовым) и ездил в пос. Тайцы под Ленинградом, где существовало тайное место хранения иосифлянской литературы[214].

Весной 1929 г. последовали новые репрессии: 6 марта в Ельце был арестован еп. Алексий, 2 мая закрыта церковь Девичьего монастыря, а 19 мая арестован о. Иоанн Стеблин-Каменский. Тогда же прекратил существование действовавший параллельно с сергианским легальный иосифлянский епархиальный благочиннический совет. Владыка Алексий был арестован как «организатор контрреволюционных монархических организаций “Буевцы”». В рапорте проводившего задержание оперуполномоченного отмечалось, что «во время обыска гр. Буй А.В. держал себя дерзко и вызывающе, всячески иронизировал над сотрудниками».

При обыске было изъято антисергианское послание архиеп. Серафима (Самойловича), ставшее вещественным доказательством вины епископа в распространении этого послания. 7 марта Владыка Алексий был перевезен в Москву, где на время следствия заключен в Бутырскую тюрьму. Уже 20 апреля ему было предъявлено обвинение, в котором говорилось: «Принадлежа к крайне правым церковникам, распространял их антисоветскую литературу». 17 мая 1929 г. Особое Совещание при Коллегии ОГПУ приговорило епископа к 3 годам концлагеря. 9 июня он был доставлен для отбытия срока в страшный Соловецкий лагерь особого назначения[215].

Согласно материалам следственных дел, для осуществления практического руководства «буевским» движением в Воронеже вместо легального благочиннического совета была создана тайная коллегия по управлению епархией (пресвитерианский совет) из пяти человек. Председателем ее стал прот. Иоанн Стеблин-Каменский, членами – священники о. Сергий Гортинский, о. Евгений Марчевский, о. Иоанн Житяев и архим. Игнатий (Бирюков), епархиальный духовник, возглавлявший иосифлянское монашество Центрально-Черноземной области.

Коллегия имела в епархии широкую сеть разъездных пропагандистов-связистов, главными из которых названы архим. Тихон (Кречков), игум. Иоанникий (Яцук), иеромон. Мелхиседек (Хухрянский), миряне Поляков, Карцев и Карельский. После ареста о. Иоанна тайную коллегию возглавил священник Сергий Гортинский, в ее состав в качестве секретаря ввели настоятеля церкви Алексеевского монастыря свящ. Феодора Яковлева. Удалось наладить общение и с находившимся в лагере еп. Алексием, который участвовал на Соловках в тайных богослужениях иосифлян[216].

Одним из основных пунктов обвинения на следствии являлась агитация среди крестьян и непосредственное участие «буевского» духовенства в массовых крестьянских выступлениях. Алексеевскому монастырю ОГПУ была отведена роль места, где в 1929 – начале 1930 гг. периодически проводились совещания «буевского» руководства для координации работы среди крестьянства.

Согласно протоколу допроса свидетеля – церковного старосты храма Алексеевского монастыря Гочаскова (весна 1930), на одном из совещаний в декабре 1929 г. священник Феодор Яковлев говорил: «…духовенство и верующие сейчас терпят большие насилия от Советской власти. Церкви закрываются, священники арестовываются, а крестьян насильно загоняют в колхозы. Крестьяне страшно озлоблены против советской власти, а поэтому духовным нужно еще больше разжечь недовольство крестьян против власти». Присутствующие на совещании пришли к мнению, что самым удачным способом агитации среди крестьянства являются испо-

[214] Там же, т. 4, л. 354.

[215] Осипова И.И. Указ. соч. С. 109–110.

[216] Там же, т. 1, лл. 15–17.

веди, кроме того, большое значение имеют беседы монахинь с верующими. Поэтому «на исповеди духовенство должно внушать верующим, особенно женщинам, что колхозы есть фактическое закрытие церкви, лишение верующих общения с Богом, лишение получения благодати, что колхозы есть не что иное, как дело рук сатаны. Когда же крестьянство будет восставать против колхозов, то неизбежно будет и то, что правительство вынуждено будет пойти на уступки или же ему будет грозить крах»[217].

Далее, по версии следствия, решения, принятые на совещаниях, проводились в жизнь десятками сельских священников. Так, в протоколе допроса о. Петра Корыстина зафиксировано получение руководящих указаний от архим. Тихона (Кречкова): «…через монашек и странников растолковывать крестьянам, что колхоз и советская власть есть дьявольское дело, что у вступающих в колхозы церкви будут закрыты и верующим нельзя будет отправлять религиозные требы, а поэтому надо поднимать крестьян против всего этого, и если крестьяне поднимутся в одном-другом и нескольких местах, то власть вынуждена будет сделать послабление в религиозном вопросе». Игумен Иоанникий (Яцук) проповедовал, что «теперь наступили времена антихриста, власть борется с Богом, поэтому все, что Соввласть старается навязать крестьянам: колхозы, кооперация и т. д. – не нужно принимать»[218].

Действительно, насильственная коллективизация в Воронежской губернии привела в начале 1930 г. к целому ряду крестьянских восстаний. Большая часть подобных выступлений в Острогожском, Усманском, Борисоглебском, Козловском, Елецком, Белгородском и других округах была приписана влиянию «буевцев». Так, в Острогожском округе с 4 января по 5 февраля в 20 селах (Нижний Икорец, Песковатка, Капанище, Платава и др.) восставшие громили здания сельсоветов, избивали советских и партийных работников, разбирали колхозный инвентарь. А в с. Нижний Икорец (в деле – «опорный пункт движения») 21–22 января 1930 г. сотни крестьян, в основном женщины, разгромили сельсовет, сорвали красный флаг, уничтожили портреты вождей и ходили по улицам с черным флагом и криками: «Долой колхозы! Долой антихристов-коммунистов!»[219]

Мон. Макрина (Масловская), арестованная как активная участница этих выступлений, показала: «Везде проповедовала Христа… Чтобы граждане боролись с отступниками от Бога, которые являются посланниками антихриста и чтобы не шли крестьяне в колхозы, так как, идя в коллективы, они отдают душу антихристу, который явится вскоре… В с. Н.-Икорец верующие не идут и не пойдут в колхоз… За 1929 г. обошла очень много мест и везде агитирую против коммунистов»[220].

Деятельность «буевцев» осложнялась отсутствием постоянного Владыки. Первоначально, после ареста ей. Алексия, воронежских иосифлян окормлял епископ Серпуховский Максим (Жижиленко), в храмах поминали Владыку Алексия за обычным богослужением, а ей. Максима и архиеп. Димитрия – на сугубой ектенье. Однако 24 мая 1929 г. ей. Максим был арестован, после чего среди воронежского духовенства начались разногласия. Большую часть «буевских» приходов епархии с августа окормлял иосифлянский епископ Бахмутский и Донецкий Иоасаф (Попов), который жил в г. Новомосковске бывшей Екатеринославской губернии. Прошение о присоединении к нему написал епархиальный духовник архим. Игнатий (Бирюков) «с братиею»[221].

В то же время управлявший Задонским округом архим. Никандр (Стуров) подал прошение архиеп. Димитрию с просьбой принять духовенство округа под свое окормление и полу-

[217] Там же, л. 26.

[218] Там же, лл. 9-10.

[219] Там же, л. 29–31; ЦГА СПб., ф. 1000, оп. 88, л. 9.

[220] ГАОПИВО, ф. 9323, оп. 2, д. П-24705, т. 1, лл. 30–31.

[221] Там же, т. 3, л. 309.

чил его письменное согласие. Владыка Димитрий окормлял Задонский округ вплоть до ареста в ноябре 1929 г. В июле к нему из Воронежа за рукоположением приезжали игумен Питирим (Шумских) и иеродиакон Мелхиседек (Хухрянский), но получили отказ, так как нарушали монашеский устав. Тем не менее, ей. Иоасаф (Попов) возвел их в сан соответственно архимандрита и иеромонаха. Так как Новомосковск находился значительно ближе, чем Ленинград, то основная часть «буевцев» была вынуждена окормляться у ей. Иоасафа, иногда даже против желания, например, о. Феодор Яковлев выступал за присоединение к архиеп. Димитрию, активно переписывался с ним, но в августе все же согласился с циркуляром ей. Иоасафа, что во главе управления делами епархии будут находиться он и о. Сергий Гортинский[222].

Поначалу деятельность малоизвестного епископа Бахмутского Иоасафа вызвала недоверие у иосифлян, однако ей. Алексий в декабре 1929 г. передал управление епархией ей. Иоасафу, этот акт санкционировал и архиепископ Гдовский. Но «многие воронежские священнослужители все равно ездили к архиеп. Димитрию, известному на всю Россию своей стойкостью в Православии» (протокол допроса свящ. Сергия Бутузова). Сам о. Сергий получил предложение Владыки принять место под его руководством и 6 ноября 1929 г. переехал в Ленинград. Архиеп. Димитрий хотел отправить о. Сергия в Вятку или Серпухов, но прихожане Моисеевской церкви на Пороховых добились оставления о. Сергия в своем храме, где он и был арестован 19 марта 1930 г.[223]

Епископ Иоасаф окормлял основную часть «буевцев» до массовых арестов начала 1930 г. Летом 1929 г. был арестован о. Сергий Гортинский по обвинению в присвоении прав управления епархией, но доказательств оказалось недостаточно, и его освободили. Еще один член иосифлянской коллегии, о. Иоанн Житяев, был арестован в августе, затем ненадолго освобожден, в декабре снова арестован и по обвинению в «воровстве церковных вещей» приговорен к двум годам лишения свободы. А уже в феврале-марте 1930 г. было сфабриковано дело церковно-монархической организации «Буевцы».

В эти месяцы по делу оказались арестованы 134 человека, а всего привлечено 492 человека. Обвиняемые содержались в Воронежской тюрьме, следствие вело Полномочное Представительство ОГПУ по Центрально-Черноземной области. К делу в качестве вещественных доказательств были приобщены документы: более десяти воззваний, писем, обращений, брошюра «Что должен знать православный христианин» и другие.

Согласно обвинительному заключению на 38 человек (от 23 июля 1930 г.), разоблаченная организация якобы была построена в соответствии с церковно-иерархической структурой, периферийные группы создавались около приходских советов. «Опорные пункты» во главе с местными священниками существовали в большинстве крупных сел и во всех городах области. Работа, нацеленная, в первую очередь, против коллективизации, проводилась в трех направлениях: распространение антисоветских воззваний, брошюр и листовок по опорным пунктам; посылка по районам пропагандистов-связников из духовенства; прием с мест руководителей опорных пунктов и составление им директив. И конечно, «буевцам» приписывалась организация многих десятков выступлений крестьянства. Здесь явно преувеличивались как степень централизации и организованности движения, так и его антисоветская, контрреволюционная направленность.

Епископ Алексий (Буй), протоиереи Иоанн Стеблин-Каменский и Николай Дулов, находившиеся на Соловках, были там взяты под стражу 20 февраля и уже с 5 марта находились в воронежской тюрьме. Владыка Алексий на допросах вел себя стойко и на последнем протоколе собственноручно написал: «Виновным себя ни в чем не признаю». Однако многие сподвижники епископа не выдержали давления органов следствия и «сломались». 5–6 июля были про-

[222] Там же, т. 4, л. 115.

[223] Там же, л. 446.

ведены очные ставки Владыки с прот. Н. Дуловым, священниками С. Степановым и С. Бутузовым, которые в присутствии ей. Алексия подробно рассказали о его контактах с ей. Варлаамом (Лазаренко), ей. Димитрием (Любимовым) и другими активными иосифлянами. Потрясенный этими показаниями, Владыка частично признал свою вину[224].

По постановлению Коллегии ОГПУ от 28 июля 1930 г. были осуждены 38 человек, в том числе 12 приговорены к высшей мере наказания: ей. Алексий, иеромон. Косьма (Вязников), архим. Тихон (Кречков), свящ. Сергий Гортинский, свящ. Феодор Яковлев, прот. Иоанн Стеблин-Каменский, свящ. Александр Архангельский, свящ. Георгий Никитин, миряне Г.Д. Пожаров, М.П. Тымчишин, Е.Н. Гребенщиков и П.М. Вязников, 14 – к 10 годам лагерей, 10 – к 5 годам, один был выслан на 5 лет в Северный край и один приговорен к 3 годам лагерей условно[225].

Приговор к высшей мере в отношении ей. Алексия не привели в исполнение. Владыка был привлечен по делу Всесоюзного центра «Истинное Православие» – как «руководитель Воронежского филиала», перевезен в Москву и с сентября 1930 г. около года находился в Бутырской тюрьме. На допросе в октябре 1930 г. ей. Алексий твердо заявил: «Ни к какой контрреволюционной организации церковников не принадлежал и церковную ориентацию, к которой я примыкал, контрреволюционной не считаю». Владыка подтвердил, что считает каноническим главой движения «буевцев» митр. Иосифа (Петровых). 28 ноября коменданту тюрьмы пришла телефонограмма от Е. Тучкова о необходимости изолировать архиеп. Димитрия (Любимова) от 10 других арестованных по указанному делу, в том числе ей. Алексия (Буя)[226]. Постановлением Коллегии ОГПУ от 3 сентября 1931 г. Владыку Алексия по делу Всесоюзного центра «Истинное Православие» приговорили к высшей мере наказания с заменой 10 годами заключения, считая срок с 6 марта 1930 г., и поглощением прежнего приговора. Затем его отправили отбывать срок в Свирские лагеря (на востоке Ленинградской области), куда епископ прибыл 3 октября 1931 г.

Почти сразу же после прибытия Владыки в лагерь за ним было установлено постоянное агентурное наблюдение. Так, 2 февраля 1932 г. начальник информационно-следственного отдела управления Свирлага писал старшему уполномоченному 2-го отделения: «В обслуживаемом Вами Отделении содержится заключенный Буй Алексей, являющийся участником литерного дела “Православное духовенство”. Названный является б. Управляющим Воронежской епархией и исполняющим обязанности Экзарха Украины. Немедленно через имеющееся у Вас спецосведомление окружить его постоянным и непрерывным наблюдением, выявляя его действия и связи с заключенными в лагерях и вне, с кем, когда и где названный имеет разговоры и на какую тему, прикрепив к нему постоянного спецосведомителя “Звезда”, через которого и ведите наблюдение. Сообщите нам, на каком л/пункте Буй содержится и какую выполняет работу. Весь получаемый на него инфматериал немедленно помещайте в очередные меморандумы, которые представляйте нам»[227].

Но к этому времени за епископом уже более месяца велось наблюдение. В частности, 26 декабря осведомитель «Разумов» сообщил лагерной администрации: «…з/к Коровкин спел песнь а/сов. содержания. Услышав эту песнь, Буй сказал, что он вполне одобряет ее и что, слушая такие песни, “чувствуешь, что рано или поздно коммунистам придет конец. Находясь в заключении уже второй раз, я много видел несправедливостей и насилия. Народ дальше такого насилия терпеть не будет. Вот пример насилия налицо – большинство заключенных, находящихся в лагерях, осуждены по ст. 58, и 90 % из них осуждены крестьяне, которые не только не

[224] Там же, т. 5, лл. 803–819.

[225] Там же, т. 1, л. 88.

[226] АУФСБ СПб. ЛО, ф. арх. – след. дел, д. П-78806, т. 2, лл. 423–425; Осипова И.И. Указ. соч. С. 111.

[227] ГАОПИВО, ф. 9323, оп. 2, д. П-17699, т. 7, л. 40.

умеют агитировать, но даже не могут подписать своей фамилии. Для того, чтобы вовлечь всех крестьян в колхозы, сов. власть ни за что осудила ряд крестьян, чтобы заставить остальных вступить в колхоз. Наблюдая это явление, я смело говорю, что это то же крепостное право, обратите внимание на то – куда девались продукты питания и много ли дало коллективное хозяйство… ничего. При коллективном хозяйстве видно, что крестьянин вовсе не заинтересован в обработке земли, а поэтому и собирается плохой урожай, поэтому-то в настоящее время и нет продуктов”».

19 января 1932 г. еп. Алексий был переведен из Важинского лагпункта, где он первоначально находился, в лагпункт № 1 и назначен дневальным в бараке. И сразу же об обстоятельствах его прибытия поступили донесения от четырех осведомителей: «Пилы», «Незабудки», «Георгия» и «Хромого»: «На 1-й лагпункт 2 отд. в барак священников прибыл епископ Буй А. О его прибытии духовенство лагпункта № 1 неизвестным источником заранее было поставлено в известность, а потому Бую была приготовлена торжественная встреча, выразившаяся в следующем: закончив работу, все духовенство собралось в барак и устроило собрание, на котором с приветственным словом выступил священник з/к Кутепов Вениамин Петрович, осужд. КОГПУ – по ст. 58-8 УК на 5 лет. В своей речи последний сказал: “Какое большое счастье Господь послал для нашего духовенства, находящегося в лагерях, такой большой праздник, как Крещение Господне, – в нашу братию прибыл наставник и духовный архипастырь, который своими молитвами будет просить Господа Бога облегчить наши страдания, будем страдать и переносить все мучения с главой нашего православного духовенства. Если архиепископ Алексей был несправедлив по отношению некоторого духовенства на свободе, то теперь, находясь здесь, в концлагере, несправедливости не допустит. Мы, духовенство, просим его молитвы, чтобы Господь помог перенести все посланные на нас мучения, Бог послал на землю спасти человечество единственного Сына, а вас (обращается к Бую) Господь послал к нам ободрить павшее духом духовенство. Нам с вами радостно будет и погибнуть, т. к. мы, духовенство, собраны сюда для издевательства и погибели”. Буй поблагодарил братию за торжественный прием, произвел благословение всех служителей культа – каждого в отдельности, после чего было пропето “многие лета” архиерею Алексею».

Подобные донесения поступали до конца пребывания епископа в Свирлаге. Так 9 октября 1932 г. осведомитель «Штиль» доносил: «З/к Буй в разговоре с з/к Медуница Иваном Трофимовичем… сказал: “Будем верить в Господа, что Бог терпит до времени, надоела эта проклятая жизнь, а вместе с ней и власть, которая нагнала в лагеря невинных людей, оставив дома голодных детей”». А на следующий день уже другой доносчик, «Пила», сообщал: «Епископ Буй своим поведением в бараке, старается обратить на себя внимание з/к: долго молится по вечерам, призывает их к терпению, обещая скорое освобождение… Буй ведет к.-р. деятельность, которая выражается в том, что он, являясь авторитетом для а/сов. прослойки лагеря, не выступает против а/сов. суждений, высказываемых в его присутствии, а, наоборот, – своим молчанием или узаконивает их, или же отдельными репликами поддерживает, а иногда даже прямо ведет а/сов. разговоры»[228].

4 января 1932 г. еп. Алексий написал письмо с просьбой об освобождении на имя Сталина: «Высокочтимый Иосиф Виссарионович, Вам, как руководителю нашего Отечества, небезызвестно, что, будучи Управляющим Воронежской епархией и южными епархиями Украины и Кавказа, я обвинен по ст. 58-10-11 и сослан в Свирлагеря на 10 лет. В настоящем письме я не собираюсь оправдывать себя или обвинять кого. Я хочу лишь просить Вас, Иосиф Виссарионович, разрешить мне свободное проживание там, где Вам заблагорассудится. Я искренне сочувствую рабоче-крестьянской власти и всем начинаниям, кои проводятся под Вашим мудрым руководством, а Ваш высший акт благоснисхождения еще более обяжет меня не только

[228] Там же, лл. 43–44.

быть солидарным, но и работать в контакте с советской властью. Примите уверение в глубоком к Вам уважении. Бывший Управляющий Воронежской епархией и и.д. Экзарха Украины – епископ Алексий Буй». Однако этот шаг не оказал никакого влияния на положение Владыки.

В Свирлаге епископ имел возможность получать посылки «с воли» и переписываться с родственниками и духовными детьми: проживавшей в Витебске племянницей, женой бывшего келейника Александрой Александровной Степановой, А.Т. Разумовским из Москвы, воронежской монахиней Анатолией (Сушковой), с которой Владыка вместе отбывал раньше лагерный срок и др. Иногда даже разрешались свидания с приезжавшими в лагерь знакомыми и близкими людьми.

1 ноября 1932 г. еп. Алексий по распоряжению Главного управления лагерями был переведен, «как имеющий высшую меру наказания», в более суровый Соловецкий лагерь. В составленном в этот день секретным отделением управления Свирлага меморандуме Владыке давалась резко негативная характеристика: «Епископ з/к Буй А.В. среди служителей культа всех ориентаций, находящихся в лагерях, пользуется большим авторитетом и имеет влияние на них. Это влияние он закрепляет обращающей на себя внимание религиозностью и “смирением”, используя последнее для сколачивания вокруг себя группы а/с элементов»[229].

22 декабря начальник Главного управления лагерями писал в управление Соловецких лагерей: «Из Свирлага для дальнейшего содержания в Солов, испр. – тр. лаг. ОГПУ направлен заключенный б. архиепископ Буй Алексей Васильевич. Одновременно из Свирлага ОГПУ направлены Вам все имеющиеся на з/к Буя агматериалы. Принимая во внимание то, что з/к Буй А.В. пользуется среди служителей религиозного культа всех ориентаций большим авторитетом, предлагаю:

1) Установить постоянное агнаблюдение за указанным з/к Буй, обеспечив его квалифицированным осведомителем.

2) Особенное внимание обратить на попытки з/к Буя связаться с волей.

3) О а/с деятельности Буя регулярно сообщайте в докладных записках по служителям религиозных культов»[230].

Однако эта директива запоздала. 19 декабря 1932 г. ей. Алексий был взят под стражу и в тот же день направлен по новому следственному делу с Соловков (где в это время работал помощником делопроизводителя в канцелярии) в Воронеж. После первого группового дела «буевцев» органы ОГПУ провели еще несколько подобных процессов. Еще в мае 1930 г. прошла вторая волна арестов истинно-православных в Центрально-Черноземной области. Так, 20 мая в воронежскую тюрьму был доставлен новый настоятель церкви Алексеевского монастыря о. Петр Струков. В обвинительном заключении сказано, что он «собирал деньги на заключенных в ИТЛ руководителей из духовенства “буевской” организации, также давал деньги из общей кружки духовенства церкви Алексеевского монастыря и на протесты других… Духовенство Алексеевского монастыря в лице руководителей… Струкова Петра и других было против колхоза и этому учило крестьян, чтобы те не шли в колхозы». Постановлением Тройки Полномочного Представительства ОГПУ в Центрально-Черноземной области от 13 июля 1930 г. о. Петр Струков был приговорен к высшей мере наказания. Вместе с ним расстреляли еще несколько священнослужителей, в том числе иеромон. Мелхиседека (Хухрянского)[231].

Однако еще почти год еп. Иоасаф (Попов) руководил воронежскими иосифлянами. Во второй половине 1930 г. он через назначенных новых благочинных – священников Алексия Попова, Феодора Авдеева, Александра Чуева, Иоанна Мазкина – окормлял около 30 приходов епархии. В апреле-июне к еп. Иоасафу присоединились 12 иосифлянских приходов на Кубани,

[229] Там же, лл. 42, 44.

[230] Там же, л. 48.

[231] Там же, д. П-22583.

а 16 января 1931 г. Владыка был арестован. При обыске у него был изъят архив, состоявший, в основном, из документов по управлению Воронежской епархией, что не могло остаться без последствий – вновь начались аресты. В июне 1931 г. был закрыт Алексеевский Акатов монастырь в Воронеже, а некоторые монахи арестованы.

С 4 октября 1932 по 4 января 1933 гг. в Воронежской епархии прошли массовые аресты по новому делу церковно-монархической организации «Буевцы». В Воронежской тюрьме оказалось 202 человека. По данным следствия, находившиеся некоторое время в подполье воронежские иосифляне с января 1932 г. снова активизировались. Инициаторами воссоздания руководящего «буевского» центра в епархии в материалах следствия значатся иеромон. Вассиан (Молодцкой) из бывшего Алексеевского монастыря и мон. Анатолия (Сушкова), отбывшая наказание в Свирлаге и к 1932 г. вернувшаяся в Воронеж. Воссозданный за короткий срок «буевский» епархиальный центр объединил 27 групп в Воронеже, Козлове и 25 селах, в большинстве из которых еще легально действовали отделившиеся от митр. Сергия приходы. Основными пунктами обвинения иосифлян были агитация против создания колхозов, антицерковной политики властей и распространение соответствующих воззваний. Так, кустарь-портной Е.З. Воронин сочинил две листовки и раздавал их крестьянам[232].

В следственном деле иосифлянам, кроме «антиколхозных» настроений, были предъявлены и другие политические обвинения: «По своему политическому мировоззрению к существующему строю в России настроены враждебно по следующим причинам: Советская власть есть власть безбожная, которая ведет борьбу с религией и закрывает церкви, репрессирует духовенство и этим самым производит гонение на веру. Мы же, буевцы, ведем непримиримую борьбу с Советской властью и ее мероприятиями, создавая наиболее подходящий кадр истинно-православных христиан, которые могли бы быть стойкими борцами за веру христианскую в России…» (Протокол допроса мон. Анатолии от 3 ноября.)

В апреле 1932 г. к еп. Алексию на свидание в Свирлаг ездил мон. Серафим (Протопопов). Согласно показаниям иеромон. Вассиана (Молодцкого), Владыка «при приеме Серафима поручил нам не падать духом и продолжать дело защиты истинно-православной церкви и вести борьбу с гонительницей православия – Советской властью»[233].

В августе 1932 г. уже сам иеромон. Вассиан вместе с мон. Серафимом ездил на свидание в Свирлаг, во время этой встречи еп. Алексий наградил его набедренником, утвердил постриг в монахи о. Серафима, назначил благочинным Воронежской епархии настоятеля Углянецкой церкви священника Василия Кравцова и указал продолжать возношение своего имени за богослужением. В протоколе допроса иеромон. Вассиана значится: «Отметив наши достижения, преосвященнейший Владыка Алексий нас благословил на дальнейший тяжелый подвиг по защите и укреплению дела истинного православия и при этом сказал нам, чтобы мы продолжали свою работу и больше привлекали на свою сторону народа, которому надо разъяснять и убеждать его в том, что Советская власть… дело творит угодное только антихристу и враждебное истинному христианину и что истинный христианин не должен смущаться Советской власти, а главное не идти в колхозы».

По свидетельству иеромонаха, Владыка якобы также сказал, что через два-три месяца вернется в Воронеж и снова займет положение правящего архиерея: «Срок, определенный им для возвращения в Воронеж, есть срок гибели советской власти, которая будет свергнута, и в недалеком времени должен быть убитым Сталин, или же уже убит, не помню». Следует отметить, что епископ уже несколько лет публично выражал свое мнение о непрочности советской власти[234].

---

[232] Там же, д. П-17699, т. 7, л. 44.

[233] Там же, лл. 2–3, т. 1, лл. 7, 9, т. 2, л. 42.

[234] Там же, т. 1, л. 9.

21 декабря 1932 г. ей. Алексий был доставлен с Соловков в Воронеж. В тот же день его допросил начальник отделения секретно-политического отдела Меньшиков. Органы следствия прежде всего интересовали обстоятельства встречи епископа с иеромон. Вассианом и мои. Серафимом, и Владыка признался, что давал указания о церковной деятельности. Измученный многолетним пребыванием в лагерях и тюрьмах, неоднократными этапами и пересылками, шантажируемый угрозой расстрела, если не подпишет признание вины, ей. Алексий не выдержал давления органов следствия. Вероятно, его воля была сломлена и применением пыток (по воспоминаниям сидевшего с епископом в тюремной камере заключенного, во время следствия Владыку пытали электротоком)[235].

25 декабря ей. Алексий написал покаяние: «Благодаря своему воспитанию и окружавшей меня среде, я за время существования революции был враждебно к ней настроен и, естественно, проявил в своей деятельности таковую же враждебность и непримиримость к Советской власти, в чем я перед ней раскаиваюсь. Жизнь в исправительно-трудовых лагерях и постоянные размышления о взятой мною неправильной позиции, привели меня к тому, что у меня изменилось отношение к Советской власти, и, что я теперь, с нынешнего часа, решительно отметаю от себя всякую контрреволюционность и отмежевываюсь от всякой контрреволюции. Обещаюсь в будущем не проявлять никакой контрреволюционной деятельности» [236].

Правда, это покаяние было уловкой, вырванной у Владыки истязаниями. Еп. Алексий не мог знать, что пребывавший с ним в одной камере священник Василий Кравцов был завербован ОГПУ и с марта 1932 г. под кличкой «Мартов» работал на «органы». 27 декабря осведомитель «Мартов» доносил: «Епископ говорит, что это раскаяние не от души, что все написанное есть ложь, но да будет, мол, ложь во спасение. Он сильно боится, что это раскаяние будет обнародовано, и, утешая себя, говорит, что народ, а тем более, кто меня хорошо знает, этому не поверят. Это раскаяние служило, как он говорит, для меня маневром, я хотел при помощи его прекратить следствие свое и также следствие вас всех». А 28 декабря еп. Алексий, по словам «Мартова», в камере заявил ему: «Они хотят при моей помощи ликвидировать… истинное православное течение; этого я никогда не сделаю, хотя бы они и пугали меня смертью. Я готов помереть за святую церковь с чистой совестью»[237].

Обвинительное заключение по данному делу, от 5 марта 1933 г., было составлено на 75 человек. Постановлением Коллегии ОГПУ от 28 марта 56 человек приговорили к разным срокам заключения. Другим постановлением Коллегии ОГПУ от 2 апреля 1933 г. были приговорены 19 человек: пятеро – иеромонах Вассиан (Молодцкой), иеродиакон Варсонофий (Фурсов), священник Димитрий Загуменных, священник Александр Дубинин и мирянин Ф.П. Лузганов – к высшей мере наказания, остальные – к разным срокам заключения. Постановлением Коллегии ОГПУ в конце апреля 1933 г. высшая мера была заменена осужденным на 10 лет заключения.

Подписав угодные органам следствия протоколы о деятельности церковно-монархической организации и ее составе, еп. Алексий избежал нового лагерного срока. 12 марта его перевезли в Москву и заключили в «знакомую» Бутырскую тюрьму. 2 апреля дело в отношении епископа было прекращено, и 11 апреля принято постановление отправить его ближайшим этапом в Соловецкий лагерь на острова для отбывания наказания, вынесенного Коллегией ОГПУ 3 сентября 1931 г.

В конце апреля 1933 г. Владыка Алексий вновь прибыл на Соловки, где на него продолжили собирать досье. Осведомитель «Звезда», как и раньше, информировал администрацию,

---

[235] Там же, т. 2, л. 33; Осипова И.И. Указ. соч. С. 113.

[236] Акиньшин А.Н. Священномученик Алексий Воронежский // Православная жизнь. 1995.№ 8. С. 14.

[237] Там же. С. 14–15; ГАОПИВО, ф. 9323, оп. 2, д. П 17699, т. 7, лл. 2–3.

что епископ пользуется почетом и уважением со стороны заключенных, в особенности духовенства[238]. Вместе с Владыкой отбывали срок заключения и некоторые его сподвижники.

Сохранились воспоминания о пребывании «буевцев» в Соловецком лагере. Так, бывший узник Соловков академик Д.С. Лихачев писал об общем духовнике иосифлян в лагере прот. Николае Пискановском: «Светлым человеком был… о. Николай Пискановский… Его нельзя было назвать веселым, но всегда в самых тяжких обстоятельствах он излучал внутреннее спокойствие. Я не помню его смеющимся или улыбающимся, но всегда встреча с ним была какой-то утешительной… У о. Николая был антиминс, и он шепотом совершал литургию в 6-й ("священнической") роте… О. Николай знал, что его жену также арестовали, и очень беспокоился о детях: что, если возьмут в детдом и воспитают атеистами? И вот однажды, когда его вывозили из лагеря, в Кемперпункте он стоял в мужской очереди за кипятком. С другого конца к этому же крану подходила женская очередь. Когда о. Николай подошел к крану, он увидел у крана свою жену. Их заслонили заключенные (разговаривать мужчинам с женщинами было строго запрещено) и о. Николай узнал радостную для него весть – детей взяли верующие знакомые… Жизнь о. Николая была сплошным мучением, а может быть, и мученичеством»[239]. Умер о. Николай Пискановский в середине 1930-х гг. уже в ссылке в Архангельске от туберкулеза.

Осенью 1937 г. еп. Алексий, работавший в это время в лагерном деревополировочном цехе, был взят под стражу. Соловецкий лагерь в это время подлежал ликвидации, большинство его узников перевели в другие места заключения, а около полутора тысяч, казавшихся властям особенно опасными, решили уничтожить. Владыка Алексий был приговорен к высшей мере наказания постановлением Особой Тройки Управления НКВД по Ленинградской области от 9 октября 1937 г. и 3 ноября расстрелян вместе с группой других узников Соловков. Несколько десятилетий место расстрела и захоронения новомучеников было неизвестно. Еще в середине 1990-х гг. в научных публикациях говорилось, что это произошло на Большом Соловецком острове[240]. Лишь несколько лет назад в результате архивных поисков и раскопок научно-информационного центра «Мемориал» (Санкт-Петербург) и карельских краеведов удалось установить, что епископ Алексий и другие соловецкие узники были расстреляны и похоронены в урочище Сандормох вблизи г. Медвежьегорска в Карелии. В настоящее время на этом месте построена и освящена церковь, воздвигнут мемориальный комплекс и ежегодно отмечается дата гибели новомучеников.

[238] Акиньшин А.Н. Священномученик Алексий Воронежский. С. 15.

[239] Из новейшей истории Русской Церкви // Православная Русь. 1995. № 14. С. 7.

[240] Акиньшин А.Н. Священномученик Алексий Воронежский. С. 15 и др.

Епископ Яранский Нектарий (Трезвинский)

Одним из самых деятельных иосифлянских Владык, окормлявшим десятки истинно-православных приходов в нескольких епархиях и имевшим многочисленных духовных детей и последователей, был епископ Нектарий (в миру Нестор Константинович Трезвинский). Он родился 20 января 1889 г. в с. Яцки Василевской волости Васильковского уезда Киевской губернии в семье псаломщика. В возрасте трех лет малыш остался без родителей, и его взял на воспитание протоиерей местной церкви Вышинский, который затем передал Нестора своему зятю, священнику Трезвинскому, чью фамилию и получил в дальнейшем мальчик.

С детства Нестор прислуживал в церкви с. Яцки и в 1902 г. поступил в Киевскую Духовную семинарию, которую закончил в 1908 г., после чего некоторое время был послушником в монастыре, а после рукоположения в сан диакона и священника служил до осени 1911 г. в церкви с. Парчино Киевской губернии. В 1911 г. о. Нестор поступил в Киевскую Духовную Академию ив 1914 г. во время учебы принял монашеский постриг в мантию с именем Нектарий. Через год молодой иеромонах окончил Академию со степенью кандидата богословия и с осени 1915 г. по осень 1917 г. служил воинским священником на фронте в 1-м Туркестанском стрелковом полку.

9 декабря 1917 г. о. Нектарий поступил в число братии столичной Александро-Невской Лавры с возложением обязанностей чередного иеромонаха. 29 января 1918 г. он был назначен воспитателем певчих Митрополичьего хора, с 6 июня того же года занимал должность библиотекаря монастыря, с 23 января 1919 г. исполнял обязанности письмоводителя в канцелярии Духовного Собора Лавры, а через четыре дня также получил назначение на должность уставщика. 9 апреля 1919 г. указом Священного Синода иеромонах Нектарий был награжден к Пасхе за отлично-усердную службу золотым наперсным крестом, в том же году он был впервые арестован, но вскоре освобожден. 20 июня 1919 г. о. Нектария освободили от занятий по канцелярии с назначением постоянным панихидным иеромонахом на лаврских кладбищах, но при этом оставили уставщиком. В начале 1920 г. он также исполнял послушание заместителя библиотекаря. 1 марта 1920 г. о. Нектарий был командирован в уездный город Ямбург Петроградской губернии для службы настоятелем Екатерининского собора, оставаясь при этом в составе братии Лавры[241].

В Ямбург иеромонах прибыл через несколько месяцев после изгнания из города частей белогвардейской Северо-Западной армии и застал там тяжелую ситуацию. Все местные священники ушли с отступавшими белогвардейцами в Эстонию, собор серьезно пострадал от артиллерийского обстрела штурмовавших город частей Красной армии (его крыша и стена были пробиты неразорвавшимся снарядом), полковую церковь в здании манежа советские власти передали театру, причем на месте алтаря устроили сцену. Об этом о. Нектарий сообщал в письме Петроградскому митрополиту Вениамину 12 декабря 1920 г., написав и о том, что на празднование престольного праздника в Екатерининский собор не прибыл ни один священник из приходов в соседних селах, «боясь попасть на принудительные работы»[242].

Иеромонах ничего не писал о существовавшей тогда материальной нужде. Но ее острота хорошо видна из того, что даже необходимое для богослужения вино полностью отсутствовало и его приходилось заменять соком. Так, 20 сентября 1920 г. о. Нектарий передал лаврскому эконому 300 рублей за выданные вместо вина две бутылки виноградного сока.

Позднее, перехваченное 28 декабря военно-цензурным пунктом, письмо митр. Вениамина фигурировало в качестве «улики» в деле иеромонаха. Постепенно в Ямбургской ЧК ско-

[241] РГИА, ф. 796, оп. 204-1917 г., д. 509, ф. 11-1919 г., д. 20, лл. 3–5.

[242] АУФСБ СПб. ЛО, ф. арх. – след. дел, д. П-40195, л. 11.

пился «компромат» на молодого энергичного пастыря, в частности, записка «осведомителя № 429» о собрании верующих на квартире настоятеля собора, а также донос о том, что отец Нектарий якобы вел антисоветскую агитацию в проповедях, «призывая к надежде, что 1921 г. принесет переворот к лучшей жизни, все недостатки настоящего времени считает наказанием Бога, мотивируя, что народ православный попал под гнев Божий за то, что церкви превратились в школы и театры, указывая на пробитую снарядом стену храма, называет отверстие делом рук дьявола, а также на Божью волю, не позволившую ему издеваться над домом святой Екатерины». В другом донесении осведомителя говорилось, что 27 августа 1920 г. иеромонах, хороня врача Прохорова, сказал: «Счастлив ты, Петр Николаевич, что хоронят тебя не с пением безбожного “Интернационала”, а хоронит тебя Святая Церковь»[243].

На основании подобного материала было заведено дело и начал готовиться арест о. Нектария. 14 августа 1921 г. 7-е участковое пограничное особое отделение, рассмотрев обвинение иеромонаха в контрреволюционной деятельности, постановило, «принимая во внимание, что указанное преступление носит чисто местный характер, подсудный местным органам ЧК», направить дело в Ямбургское политбюро. Непосредственно поводом для ареста батюшки стало проведение им, несмотря на запрет властей, крестного хода в д. Жабино Горской волости Ямбургского уезда. 30 августа о. Нектарий отслужил по приглашению крестьян в деревенской часовне молебен по случаю праздника святых Флора и Лавра и затем по настоятельным просьбам верующих совершил крестный ход, хотя предупреждал прихожан, «что его могут посадить».

31 августа иеромонах Нектарий вернулся в Ямбург, а 1 сентября был арестован и в тот же день допрошен. Батюшка признал себя виновным лишь в нарушении данной ранее подписки не устраивать крестных ходов, подчеркнув, что «при этом же я никакого вреда для советской власти не сделал». Однако в заключении по делу, вынесенном 2 сентября уполномоченным Ямбургского политбюро Ю. Киннасом, настоятель собора был признан виновным в контрреволюционной агитации и назван «элементом вредным и опасным для пограничного уезда». Вывод уполномоченного звучал вполне типично для того времени: «Гражданин Трезвинский является, как человек, имеющий высшее образование, сознательным противником Советской власти». В результате 6 сентября о. Нектарий был переведен в Петроград в ведение губернской ЧК и помещен в Дом предварительного заключения на Шпалерной ул. Чекисты провели два допроса батюшки – 9 и 14 сентября, но добиться признания в проведении антисоветской агитации не смогли, при этом в графе «политические убеждения» о. Нектарий написал: «Националист-церковник»[244]. Следует упомянуть, что в биографических документах того времени возраст иеромонаха указан неверно: не 1889, а 1879 г. рождения, это изменение втайне от властей сделал делопроизводитель Лавры Якимов, с целью уберечь о. Нектария от мобилизации в тыловое ополчение.

Прихожане, успевшие за полтора года его служения в Ямбурге полюбить батюшку, не оставили о. Нектария в беде. Первыми – сразу же после ареста, ходатайство в его защиту написали около 60 крестьян д. Жабино, взяв на себя вину в проведении крестного хода вокруг деревни и поручившись за политическую благонадежность иеромонаха. Затем – 6 сентября – в ЧК поступило ходатайство об освобождении арестованного за подписью полутора сотен жителей Ямбурга, и, наконец, 16 сентября подобное прошение подали прихожане Екатерининского собора. В своем ходатайстве они отмечали: «Отец Трезвинский ничего не имеет, совершенный пролетарий, даже не имеет сапог, ходит босой, тем не менее, он не сребролюбец, он не берет деньги ни за какие требы, и с нас не требует никаких средств на его содержание; живет как птичка Божия, неизвестно чем питается».

[243] Там же, лл. 8-10, 13.

[244] Там же, лл. 36–43.

Все эти ходатайства не помогли, в заключении органов следствия от 29 сентября говорилось о необходимости иеромонаха «как злостного агитатора, вредного для современного положения провинции, изъять, направив в концентрационный лагерь». 8 октября 1921 г. о. Нектарий был приговорен Президиумом Петроградской губернской ЧК к одному году принудительных работ с содержанием под стражей и в тот же день отправлен во 2-й лагерь принудработ в Петрограде[245].

Как и в первый раз, заключение оказалось недолгим. 3 декабря 1921 г. о. Нектарий был освобожден по амнистии (возможно, сыграли свою роль ходатайства прихожан) и вернулся в Александро-Невскую Лавру. В Ямбург советские власти его не пустили, и в начале февраля 1922 г. иеромонах уехал в Киев, где более полугода пребывал в Киево-Печерской Лавре. После начала обновленческого раскола, к осени 1922 г. о. Нектарий вернулся в Петроград, но к обновленцам не примкнул и около года оставался за штатом. Лишь один раз, в начале 1923 г., он совершил заупокойную литургию по блаженному Матвею Татомиру в Скорбященской надвратной церкви Лавры[246].

После воссоединения с Православной Церковью в ноябре 1923 г. уклонявшейся в обновленчество братии Александро-Невской Лавры, иеромонах Нектарий вновь стал насельником обители. Епископ Кронштадтский Венедикт (Плотников), ставший после ареста Владыки Мануила (Лемешевского) временно управляющим Ленинградской епархией, высоко оценил верность о. Нектария Православию и в феврале 1924 г. назначил его благочинным монастырей и монастырских подворий «северной столицы», возведя в сан архимандрита.

Почти весь 1924 г. – с февраля по декабрь – о. Нектарий также окормлял оставшееся в результате репрессий без руководителей Александро-Невское братство. В частности, профессор Н.А. Мещерский позднее вспоминал о событиях весны 1924 г.: «Второй раз я попал на братскую службу в Фомино воскресенье… На другой день хоронили мать Екатерину (Князеву)… Ее отпевали в Александро-Невской Лавре, в Федоровской церкви… Отпевал ее о. Нектарий (выпускник Киевской Духовной Академии, украинец в братии Александро-Невской Лавры), так как никого из братских отцов не было, и он окормлял братство»[247].

3/16 июня 1924 г. архим. Нектарий был хиротонисан в Свято-Троицком соборе Александро-Невской Лавры епископами Венедиктом (Плотниковым), Григорием (Лебедевым), Иннокентием (Тихоновым) и Кириллом (Васильевым) во епископа Велижского, викария Полоцко-Витебской епархии. Известный в городе на Неве прот. Александр Лебедев так описал в своих записях наречение будущего Владыки: «Преосв. Венедикт пригласил меня принять участие в наречении архим. Нектария… На кафедре поставлены два кресла и аналой перед кафедрой. Два иподиакона, два архим. (Николай и Антоний) с Евангелием, за ними преосв. Венедикт в малом облачении и преосв. Григорий в мантии и архидиакон. Царские врата затворяются. Иеромонах Виссарион с крестом и диакон со святой водой из боковых дверей. Протоиереи Богоявленский и Чуков, архимандриты Алексий и Серафим, которые и выводили архим. Нектария. Вначале, до наречения, пришел в алтарь Преосв. Кирилл Любанский и, наскоро надев архимандричью мантию, вышел для участия в наречении. Архим. Нектарий взял у Преосвященных благословение, потом архим. Алексей, получив благословение у Преосв. Венедикта, прочитал указ о назначении архим. Нектария епископом. Молебен по чину. После отпуста архим. Нектарий сказал прекрасное слово. Потом многолетия одному нареченному. После многолетия – ко кресту и св. воде. Народу было много»[248].

---

[245] Там же, лл. 34, 44, 49–51.

[246] Записки протоиерея А. Лебедева о русской церковной жизни первой половины XX века. Л., 1926. Рукопись. С. 149.

[247] См.: Шкаровский М.В. Александро-Невское братство 1918–1932 гг. СПб., 2002. С. 99.

[248] Записки протоиерея А. Лебедева. С. 19.

Патриарх Тихон назначил нового Владыку временно управляющим Полоцко-Витебской епархией, однако еп. Нектарий к месту служения допущен не был, так как власти взяли с него подписку о невыезде из Ленинграда. Проживая в этот период в «северной столице», епископ сблизился с группой «ревнителей церковного благочестия», наиболее непримиримо относившихся к обновленцам. Так, настоятель кафедрального собора Воскресения Христова прот. Василий Верюжский на допросе 1931 г. показал, что еп. Нектарий в 1924 г. присутствовал на устраиваемых ими чаепитиях. А положительно оценивавший тогда временное присоединение к Патриарху группировки «Живая церковь» прот. Николай Чуков в своем дневнике 4 июля 1924 г., с неодобрением записав о сопротивлении этому присоединению правой «феодоровской» группы в Москве, указал: «Есть такие “кафары” и здесь – вроде еп. Нектария и группы около иг. Афанасии»[249].

В декабре 1924 г. Патриарх Тихон назначил Владыку Нектария епископом Иранским, викарием Вятской епархии. 6 декабря епископ участвовал в празднике св. кн. Александра Невского в Лавре и вскоре после этого – в начале января – выехал в г. Яранск. В то время там шла активная борьба с господствовавшими ранее обновленцами. В ноябре члены приходского совета кафедрального Успенского собора: купцы Михаил и Яков Чернышевы, церковный староста И.В. Охотников и бывший член 4-й Государственной Думы Н.И. Стародумов, – возглавив движение сопротивления раскольникам, смогли одержать первые победы. Согласно официальным советским документам, они, «называя себя примыкающими к тихоновской ориентации, грубо физической силой религиозной толпы этой же ориентации, разогнав в гор. Яранске так называемые обновленческие церковные советы, захватив [почти] все церкви под свое руководство, [6 ноября] послали к быв. Патриарху Тихону, в Москву, делегата – Чернышева». Первосвятитель принял под окормление храмы Яранска и, согласно переданной М.А. Чернышевым просьбе верующих дать им своего епископа, назначил в город Владыку Нектария[250].

С первых дней служения там епископ вел бескомпромиссную борьбу с обновленцами. С его приездом вновь перешел под окормление Патриарха Свято-Троицкий собор. Владыке активно помогал назначенный им своим секретарем настоятель кафедрального Успенского собора прот. Сергий Знаменский. Отец Сергий окончил

Казанскую Духовную Академию, в 1923 г. по обвинению в контрреволюционной деятельности был приговорен Симбирским отделом ОГПУ к ссылке в Северо-Двинскую губернию, где находился до ноября 1924 г. Первое богослужение еп. Нектарий провел 19 января в праздник Крещения в Успенском соборе, тогда же он ввел поминовение Первосвятителя, как «Великого Господина нашего Святейшего Патриарха Московского и всея России Тихона». В церковных проповедях епископ призывал верующих не бояться ни мучений, ни гонений, ни пыток, а первую свою проповедь в Яранске, по некоторым сведениям, закончил словами: «Лучше старый строй с Богом, чем новый без Бога».

27 февраля 1925 г. прот. Сергий Знаменский рапортом доложил в Москву: «Ныне, под духовным водительством епископа Нектария она (Церковь) вся православная». Получив рапорт, Патриарх подчеркнул имена упоминавшихся в нем подвижников Православия и написал резолюцию: «14 марта 1925 г. указанным здесь лицам изъявляю благодарность и призываю на них Божие благословение». Эта надпись была сделана Патриархом Тихоном за три недели до его кончины.

Несмотря на противодействие местных властей, еп. Нектарий выезжал в окрестные села и подчинял себе расположенные там обновленческие церкви. В своих проповедях он говорил:

---

[249] Прот. Николай Чуков. Один год моей жизни. Страницы из дневника / Публ. В.В. Антонова // Минувшее. Т. 15. М.-СПб., 1994. С. 566.

[250] АУФСБ Кировской обл., ф. арх. – след. дел, д. СУ-3930, л. 118.

«Духовенство сейчас гонимо, пришло время антихристово. Советская власть должна принести покаяние, прекратить репрессии и в корне изменить политику к Церкви»[251].

Когда епископ получил приглашение принять участие в подготовке к обновленческому собору 1925 г., он ответил посланием: «Богомерзкого обновленческого движения отрицаюся и анафематствую оное. Богомерзкий, разбойничий т. н. собор 1923 года в Москве со всеми его постановлениями анафематствую. Со всеми примкнувшими к сему обновленческому соблазну обещаюсь не имети канонического общения. Православные вятичи! Волк в овечьей шкуре, обновленец архиепископ Иосиф обратился к верующим… Блюдите, православные, како опасно ходите. Дние лукави суть». В том же послании еп. Нектарий называл обновленческое духовенство безблагодатным, их таинства – не имеющими силы, а евхаристию – несовершающейся (остаются простые хлеб и вино). Епископ горячо призывал верующих никоим образом не участвовать в обновленческом соборе 1925 г.[252]

[251] Там же, л. 121; Инокиня Татиана. Новомученик Нектарий (Трезвинский), епископ Яранский // Православная жизнь. 1997. № 2. С. 2–3.

[252] Митр. Мануил (Лемешевский). Указ. соч. Т. 5. С. 29–30.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.